

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

**КАТЕГОРИЯ
СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА
В ЯЗЫКАХ
РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ**

970895

**ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982**

Редакционная коллегия:

С. Д. КАЦНЕЛЬСОН (ответственный редактор), *И. О. ГЕЦАДЗЕ*,
С. А. ШУБИК

Рецензенты:

В. С. ХРАКОВСКИЙ, *Е. Е. КОРДИ*

К $\frac{4602020000-535}{042(02)-82}$ КБ-3-110-82.

© Издательство «Наука», 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является коллективной монографией, в основу которой положены лингвистические материалы о категории субъекта и объекта в языках различных типов.

Субъектно-объектные отношения являются одной из самых универсальных категорий языка, поскольку они связаны с выражением в языке универсальных категорий человеческой мысли.

От содержательной валентности, формулируемой в терминах субъектно-объектных функций, следует отличать ее морфологическое обнаружение, варьирующее от языка к языку. Грамматические формы, в которые облачаются субъектно-объектные функции, зависят от строя языка и установившейся в нем для каждого случая нормы, т. е. утвердившихся в данном языке правил употребления его структурных единиц. Если содержательная валентность в принципе универсальна, то ее морфологическое выявление идиозтично по своей природе. Это положение и создает ту основную лингвистическую базу, которая дает возможность для объединения в настоящем сборнике материала языков аналитических и синтетических морфологических типов. Статьи написаны на материалах индоевропейских, иберийско-кавказских и палеоазиатских (чукотский) языков.

КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Термины «субъект» и «объект» употребляются в лингвистике для обозначения как логических, так и грамматических категорий. Выделение понятий, обозначаемых этими терминами, не может, следовательно, обойтись без обращения к суждению и его языковой форме — предложению.

Французская, а через нее и общероманская грамматическая традиция сохраняет обычай видеть в семантико-грамматической организации предложения логическую схему строения суждения (пропозиции); это отразилось даже в терминологии, где отсутствуют специальные термины для логического и грамматического анализа.

Исторически такое положение в романистике связано с тем, что именно во Франции благодаря деятельности А. Арно и К. Лансело во второй половине XVII в. появляется стремление осмыслить языковые явления, подчиняя их логике и целесообразности, т. е. разуму. Факты, не поддающиеся или трудно поддающиеся согласованию с категориями логики, авторы знаменитой «Всеобщей и рациональной грамматики»¹ предлагают объяснять «странностями обычая» (узуса). Этот подход, оказавший огромное влияние на современников, закрепляется лингвистической практикой следующего века, когда энциклопедисты провозглашают логику основой грамматики,² и сохраняется в романистике на протяжении XIX и отчасти XX в. В наше время, несмотря на усилия представителей разных течений в языкознании установить «чисто лингвистические» критерии анализа предложения, французская грамматика продолжает, по выражению Ж.-М. Земба, «илогичный логический анализ», когда то, что не есть субъект, объявляется предикатом, а то, что не есть предикат, — субъектом.³ Поддерживается в сущности процедура, предложенная картезианцами, при которой в предложении обнаруживаются все элементы суждения: субъект, предикат (или атрибут) и связка. Объект при таком членении не выделяется. Целый ряд структурных и коммуникативных типов предложения остается за пределами анализа.

Логическое направление в грамматике и логические способы

¹ *Arnauld A., Lancelot Cl. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Paris, 1816.* (1-е изд. «Грамматики» вышло в 1660 г.).

² *Auroix S. L'Encyclopédie «Grammaire» et «Langue» au XVIIIe siècle. Paris, 1973* [со ссылкой на изд.: *Encyclopédie, t. 7 (1757), p. 841*].

³ *Zemb J.-M. Métagrammaire. La proposition. Paris, 1972, p. 27.*

выделения синтаксических единиц неоднократно подвергались критике. И тем не менее нельзя не заметить, что все имеющиеся системы лингвистического описания предложений (высказываний) строятся на каркасе их субъектно-предикатной структуры. Эта структура проглядывает сквозь любой метаязык, она отражена в схемах и графах, парантезах и деривационных цепочках, она раскрывается методами трансформационной грамматики и грамматики зависимостей, в актуальном членении и семантическом синтаксисе.

Субъектно-предикатная структура является композицией, строением предложения на концептуальном уровне. Это та особенность языка, которая может считаться универсалией и которая может служить отправной точкой типологического исследования. В современной романистике примером использования этой универсалии в анализе высказывания является опыт Б. Потье.⁴ В общей типологии языка и речевого мышления, разрабатываемой С. Д. Кацнельсоном, «логико-грамматические или речемыслительные категории» названы «образующими ядро универсального компонента».⁵

Исходными положениями настоящей статьи являются следующие.

1. Подход к языку как единству системы и ее реализаций, когда на уровне системы существуют и научным анализом выделяются образцы (модели) предложений, а на уровне речи функционируют конкретные наполнения этих моделей во взаимодействии лексических и грамматических значений частного и общего. Это означает признание предложения как единицы и языка и речи, как некоторой микросистемы, в которой все ее конструктивные элементы находятся во взаимозависимости. Это означает также признание парадигматических структур, содержащихся в языковой памяти говорящих и создающих, по словам С. Д. Кацнельсона, «дополнительное пространство» языка.⁶ В дополнительном многомерном пространстве, которое язык как бы надстраивает над линией речи, проявляются, по С. Д. Кацнельсону, проективные свойства языка.

Для удобства анализа большого и сложного языкового материала мы будем учитывать только некоторые уровни этого многомерного пространства — 1) концептуальный, на котором выделяется субъектно-предикатная структура, 2) парадигматический, на котором выделяются парадигмы предложения, 3) собственно синтаксический уровень конкретного предложения.

⁴ Pottier B. *Linguistique générale. Théorie et description*. Paris, 1974.

⁵ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 15.

⁶ Там же, с. 186.

2. Подход к языку как языковой территории,⁷ когда язык и диалекты понимаются как разная форма существования языка в его территориальной протяженности. Этот подход представляется оправданным при типологическом анализе близкородственных и пограничных языков.

Для исследования взят материал французского, окситанского, испанского, португальского, итальянского, румынского, ретороманского языков и ряда диалектов.⁸ Как хорошо изученные, языки центральной Романии (французский и итальянский) служат своего рода инвариантным фоном и критерием оценки крайних языковых точек ареала: западной (иберороманской), восточной (дакороманской) и северной (ретороманской). Окситанский язык, называемый Г. Рольфсом «перекрестком романских языков»,⁹ близок своим синтаксисом к испанскому и итальянскому, а также разговорному французскому,¹⁰ поэтому рассматривается среди языков центральной Романии.

*Концептуальная схема предложения двусоставна. В ней есть элемент, несущий значение, и есть элемент, несущий его обозначение, т. е. элемент, несущий идею предмета речи, и элемент, несущий идею признака этого предмета. Словами А. А. Шахматова: «...простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь».*¹¹ Эти два представления, как известно, у разных авторов называются логическим или психологическим субъектом и предикатом, основой высказывания и его ядром, исходной точкой и сообщением о ней, темой и ремой, называнием и толкованием и т. д. С. Д. Кацнельсон говорит об экспликандуме и экспликанте.¹² Б. Потье, Р. Лафон используют понятия опоры (support) и вклада (apport), заимствуя идею у Г. Гийома, предложившего для типологических исследований грамматической семантики универсальные понятия постоянного и переменного элементов, где постоянным элементом выступает опора значения, «логическое лицо», референт, а пере-

⁷ *Boduin de Curtenay H. A.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. II, с. 76.

⁸ Примеры по португальскому языку собраны Т. О. Кузнецовой, по ретороманскому — Н. Л. Сухачевым, часть примеров по румынскому — С. П. Николаевой, которым авторы выражают свою благодарность. Остальной материал собран Л. М. Скредлиной.

⁹ *Rohlfs G.* Actes du IIIe Congrès Intern. de Langue et Littér. d'Oc. Bordeaux, 1964, t. I, p. 95 (цит. по кн.: *Lafont R.* La phrase occifane. Paris, 1967, p. 30).

¹⁰ *Lafont R.* La phrase occitane, p. 30.

¹¹ *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 19.

¹² *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление, с. 148.

менным — наименование этого значения, его сигнификат, «вклад».¹³

Отношения между этими двумя элементами целого устанавливаются в понятийной хронологии таким образом: (1) опора → (2) вклад, т. е. от референта как постоянного элемента, «логического лица», к сигнификату как обозначению «логического лица». Часто эта последовательность импульсов в концептуальной схеме предложения описывается в терминах «момент „до“» → «момент „после“»,¹⁴ хотя речемыслительные операции порождения предложения совмещают, налагая один на другой, моменты поиска содержательных и формальных компонентов. Динамический характер последовательности (1) опора → (2) вклад состоит в том, что второй импульс, следуя за первым, находится в то же время в пресуппозиции к нему. Он как бы предполагается имплицитно заданным о нем вопросом. А. А. Потебня писал о генезисе предложения как образовании двучленного предложения, подчеркивая, что в самом процессе было два этапа — нерасчлененное восприятие внешнего образа и апперцепция, т. е. сравнение и объяснение того, что уже раз воспринято. Предложение, по словам ученого, связывало две мысленные единицы — объясняемое (психологический субъект) и объясняющее (психологический предикат), и в этом смысле предложение двучленно, без чего самое сравнение и объяснение немислимо.¹⁵ Подлежащее такого предложения, где есть нерасчлененное восприятие внешнего образа, выступает, по словам А. А. Потебни, как «не выраженный словом бессознательный вопрос, обращенный к дальнейшей деятельности мысли».¹⁶ Сказуемое является репликой на этот вопрос.

Термины синтаксического членения, употребляемые А. А. Потебней, поставлены в соответствие с терминами концептуализации не случайно. Чаще всего в актуализованных предложениях подлежащее совпадает с первым элементом концептуальной схемы, т. е. с опорой, логическим лицом, субъектом, а сказуемое — со вторым элементом, т. е. с вкладом, сигнификатом, предикатом. Однако выделение подлежащего, сказуемого и других членов предложения производится не по их соотносительности с опорой (субъектом) и вкладом (предикатом), следование которых в концептуальной схеме высказывания постоянно и неизменно, а в связи с их синтаксическими характеристиками (позиция, функция, форма) в составе глагольного предложения. Вариации этих ха-

¹³ Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume. Paris—Québec, 1973, p. 201; см. также: *Скредина Л. М.* 1) О грамматическом деютате. — В кн.: Лингвистика и проблемы стиля. Л., 1977; 2) Из истории зарубежных лингвистических учений (работы Б. Потье). — В кн.: Грамматический строй и стилистика романских языков. Калинин, 1979.

¹⁴ Pottier B. Linguistique générale, p. 41.

¹⁵ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. I—II, с. 81—82.

¹⁶ Там же, с. 82.

рактических определяются коммуникативным заданием, при котором соотносительность членов предложения с опорой (субъектом) и вкладом (предикатом) выражается в актуальном членении и может быть раскрыта с помощью частного или общего вопроса к анализируемому предложению. В психосистематике говорят при этом об инцидентии как семантическом ударении, падающем на тот или иной член предложения и определяемом с помощью вопроса (Б. Потье); Т. П. Ломтев писал о логическом ударении, место которого определяется с помощью скрытого латентного вопросительного или отрицательного предложения.¹⁷ Изучение этой «проблемы обратной связи» (выражение Т. П. Ломтева) может представить большой интерес для романского синтаксиса.

Парадигматика предложения относится к одному из способов моделирования и опирается на предварительный анализ конкретных высказываний естественного языка. Само понятие парадигмы предложения предусматривает признание не только формы и содержания, но и грамматических категорий у рассматриваемой единицы. Формы (схемы, модели) предложения устанавливаются на основе анализа его структурных элементов, куда относятся как его собственно строевые элементы, т. е. синтаксические единицы, вычленяемые в предложении, так и его конституирующие элементы (признаки), т. е. некоторые синтаксические категории. Основной из этих категорий является категория предикативности, в выражении которой принимает участие прежде всего глагол: «... понимание глагола как организатора предложения, — писал В. В. Виноградов, — объясняется не только преобладанием, особенно употребительностью глагольных типов предложений, но и тем, что в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены те грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения».¹⁸ Глаголу приписывается способность «открывать позиции» справа и слева в структурной схеме (модели) предложения, это позиции актанта и сирконстанта, если употреблять терминологию Л. Тенбера. Таким образом, структура глагольного предложения моделируется в связи с валентностями глагола как трехчленная, т. е. имеющая позиции глагола — сказуемого — Verbe, актанта слева (подлежащего) — Sujet, актанта или сирконстанта справа (дополнения) — Complément. Парадигмы предложений, устанавливаемые по сказуемому, соответствуют самому общему делению глаголов на функционально переходные и непереходные. Назовем их транзитивными и нетранзитивными предложениями. Парадигмы предложения, устанавливаемые по подле-

¹⁷ Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, с. 21.

¹⁸ Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. — Вопросы грамматического строя. М., 1965, с. 403.

жащему, отвечают противопоставлению лица не-лицу. Это личные или неличные (безличные, неопределенно-личные) предложения.

Модель предложения со сказуемым, выраженным функционально переходным глаголом, обязательно трехчленна, включая позиции подлежащего и объектного дополнения (субъекта и объекта). Подлежащее (субъект) выражает здесь исходную точку действия, объектное дополнение (объект) — завершающую. С. Д. Кацнельсон неоднократно подчеркивает взаимную связь субъектно-объектных функций, их обусловленность «содержательной валентностью глагола»,¹⁹ которая универсальна. Способы выражения этих функций, по словам С. Д. Кацнельсона, идиостичны.

К способам выражения субъекта и объекта в романских языках относятся их форма и позиция. Формой является беспредложное или предложное существительное (или его субститут), а также склоняемое личное местоимение 1-го или 2-го л. Позицией является местоположение субъекта и объекта относительно глагола-сказуемого и относительно друг друга.

С у б ъ е к т — и м я. Имя существительное, а также субстантивированные слова и словосочетания являются формой подлежащего. Иначе говоря, для того чтобы выполнять функцию подлежащего (грамматического субъекта), слово, словосочетание или предложение должно субстантивироваться. В психосистематике (Г. Гийом, Б. Потье, Ж. Муанье, Р. Лафон и др.) этот процесс определяется как внутренняя инциденция, т. е. объединение в одном слове (знаке) значения и обозначения.²⁰ На уровне частей речи внутренней инциденцией обладает имя существительное.

Имя в субъектной позиции актуализируется во всех романских языках по общей схеме топогенеза,²¹ выражая категории лица,²² рода, числа, детерминации. Показателем актуализации имени является артикль и другие детерминативы; в случаях контекстной актуализации возможны формы с нулевым артиклем, однако в транзитивном предложении объектное дополнение как бы предписывает артиклевую форму подлежащему. Например:

франц. *Le maire regarda vivement le parquet où on voyait, sur la cire, des traces de pas* (Simenon : 94) 'Мэр взглянул на паркет, на котором по воску отпечатались следы';

рум. (с постпозитивным определенным артиклем) *Bătrînul ședea pe scaunul cel de lemn* (Eminescu : 129) 'Старик сидел на деревянном стуле';

¹⁹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 47; см. также с. 60, 72—73, 195 и др.

²⁰ Подробно: Скрелина Л. М. Теория частей речи и понятие инциденции. — ИЯШ, 1977, № 6.

²¹ Термин Р. Лафона, означающий системы операций, в которых развертывается представление пространства, являющееся грамматическим означаемым имени (*Lafont R. La phrase occitane*, chap. II—III).

²² *Lecçons de linguistique de Gustave Guillaume*. Paris, 1973, с. III, р. 42—60.

порт. *Esperava-o uma rima de livros sobre a mesa-de-cabeceira. . .*
(U. T. R. : 25) 'Его поджидала кипа книг на туалетном столике'.

Все романские языки знают синтаксический способ актуализации субъекта — имени, т. е. согласование его с глаголом-сказуемым. При этом способе, относящемся к «скрытой грамматике», проявляется двусторонняя валентностная связь этих конститuentов предложения:

рум. *Nu există nici timp, nici spațiu — ele sunt numai în sufletul nostru* (Eminescu : 25) 'Нет ни времени ни пространства — они только в нашей душе';

оксит. *Peire e mai Joan venon son venguts* (Lafont : 386—387)
'Пьер, а также Жан пришли';

порт. *E eles queriam cortar-me as asas (quando eu ainda tinha asas)*
(U. T. R. : 45) 'А они хотели обрезать мне крылья (когда у меня еще были крылья)'.

Синтагматическим способом актуализации субъекта-имени служит его позиция в предложении относительно глагола-сказуемого. Система предписывает субъекту-имени препозицию относительно глагола-сказуемого в соответствии с логическим следованием субъекта и предиката. Именно синтагматическая последовательность S—V является наиболее распространенной во всех романских языках, как, впрочем, и в других индоевропейских.²⁴ Этот порядок называют фиксированным и определяют обычно как свойство и показатель аналитичности языков. Однако это следование конструктивных элементов предложения является наиболее употребительным не только в языках преимущественно аналитического строя. Так, говоря о разделении языков на языки с «твердым» или «свободным» порядком слов, Р. А. Будагов подчеркивал условность и относительность такого деления: «Как в языках с „твердым“ порядком слов допустимы многочисленные „свободные“ сочетания слов, так и в языках со „свободным“ порядком слов очень велика роль „твердого“ расположения не только в отдельных словосочетаниях, но и в определенных типах предложений».²⁵

Анализ материала романских языков и некоторых диалектов показывает, что действительно самой распространенной конструкцией предложений является во всех языках S—V—C, т. е. так называемый прямой порядок слов:

валлон. *Eyè l'prince a pris s'place* (El Mouchon : 140) 'И принц стал его наследником';

²⁴ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 193. — См. также интересные данные по английскому языку: Пассек В. В. К вопросу о соотношении между редукцией окончаний и выдвиганием синтаксических средств в английском языке. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955. — Автор показывает, что в английском языке, начиная с древнеанглийского периода, прямой порядок слов (в нашем обозначении S—V—C) был преимущественным. Сравнение с русским показало одинаковую пропорцию последовательности S—V и V—S в обоих языках (23 : 1).

²⁵ Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка. М., 1958, с. 174.

оксит. *Tres ferratats d'aiga me tomban sus l'esquina* (Lafont : 143) 'Три железные иголки упали мне на спину';

рум. *Iarna își arăta ultimele puteri* (L. : 273) 'Зима делала (букв. «показывала») свои последние усилия'.

Отмечая употребительность (S—V)- и (V—S)-порядков в окситанском, Р. Лафон замечает более высокую частотность первого.²⁶

Не только повествовательные предложения строятся преимущественно по прямому или прогрессивному следованию. Даже вопросительные и побудительные предложения, у которых в некоторых языках существует позиционный дифференциальный признак (инверсия), сохраняют в последовательности главных членов порядок S—V:

франц. *Alors pourquoi que le type t'a accusé de ça?* (Queneau : 97) 'Но почему же этот тип обвинил тебя в этом?'

валлон. *Mais combien c'que Flore vos d-a mis?* (El Mouchon : 127) 'Сколько Флор вам положил?'

порт. *E você gostava muito dele, Clotilde?* (U. T. R. : 29) 'А вам он очень нравился, Клотильда?'

Для языков итало-романской подгруппы (итальянский, сардинский) отмечают неравномерность последовательности S—V/V—S при субъекте-имени в утвердительном предложении:

ит. *un fumo si levava/si levava un fumo*;

сард. *Annika kalad* 'Аника идет'; *Mamma m'ad imparu* 'Мама меня выучила'.²⁷

Однако при наличии объекта-имени порядок слов имеет функциональное значение: ит. *Il capretto molestava il gatto* 'Козленок надоедал коту', но *Il gatto molestava il capretto* 'Кот надоедал козленку'.²⁸

Для испанского языка Э. Бурсье отмечал «тенденцию» ставить подлежащее после глагола: *Contó el ventero a todos* 'Хозяин веиты рассказал всем' (Сервантес); *Preguntóle un día su padre* 'Однажды отец спросил его' (В. Балагер); *Vive el hipocampo en el agua* 'Бегемот живет в воде'.²⁹ Однако, поскольку отсутствуют лингвостатистические данные по порядку слов в испанском, можно предположить, что расхождение в «тенденциях» между испанским и другими романскими языками относится к уровню нормы, которая, как известно, допускает инверсию при некоторых лексико-семантических группах глаголов, например при глаголах движения, фазисных и др.:

²⁶ Lafont R. La phrase occitane, p. 143.

²⁷ Гурьчева М. С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Итали-романская подгруппа. М., 1966, с. 106 (примеры взяты из данной работы); см. также: Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, с. 94.

²⁸ Там же, с. 108.

²⁹ Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952, с. 388.

франц. *Vient la dame* 'Пришла дама'; *Sont à énumérer les objets* 'Следует перечислить объекты'; *Commencent les complications* 'Начинаются сложности';

рум. *Începea iarna* 'Начинается зима';

порт. *Começavam a cair as sombras do crupúsculo* (J. A. : 20) 'Начинали спускаться тени сумерек'.

Позиция субъекта-имени может быть незаполненной, однако это не лишает предложение его грамматической характеристики как личного (в противоположность безличному или неопределенно-личному). Невыраженное подлежащее легко восстанавливается по контексту: франц. *Le maître ne se plaisait-il pas à répéter: «Notre classe ne serait pas aussi belle sans Yvon!» En hiver, il ajouta: «Ni si bien chauffée»* (Paysan : 100) 'Не повторял ли учитель: «Наш класс не будет, пожалуй, таким красивым без Ивона!» А зимой он добавил: «Ни достаточно теплым»'.

Эллипсис подлежащего допускается во французском языке обычно в парцеллированных предложениях, а в других романских языках он нормативен, хотя и не очень распространен.

Легко восстанавливаемая по контексту, незаполненная субъектная позиция служит как бы стержнем, скрепляющим текст. Эта функция подлежащего, как известно, характерна для латинского предложения, например: *Eum locum vallo fossaque munivit* (Caesar, *Com. de bello gal.*) 'Место это он укрепил валом и рвом'.

Романские языки, за исключением французского, сохраняют эту функцию подлежащего, равно как и грамматическую характеристику глагола, которая заключается в объединении в глагольной форме значения действия и субъекта. Подлежащее выполняет функцию «по горизонтали», участвуя в формировании предложения, и функцию «по вертикали», участвуя в формировании текста. Во французском языке «вертикальная», контекстная функция подлежащего характерна лишь для стилистически и жанрово окрашенной речи (разговорная диалогическая речь, парцеллированные предложения, сверхфазовые единства).

Субъект — личное местоимение. В субъектной позиции, кроме имени существительного, употребляются различные местоимения, среди них — субституты существительного, выражающего 'не-лицо', и личные местоимения, выражающие 1-е или 2-е лицо в коммуникации. Общим для всех этих форм является наличие в их категориальном значении постоянного элемента, называемого в психосистематике 'логическим' или 'объективным' лицом и являющегося референтом значения (=сема 'он'). Для удобства будем называть личными как собственно личные местоимения (1-го и 2-го л.), так и предметно-личные местоимения 3-го л. (субституты существительного), в том числе французское неопределенно-личное *on*.

Известно, что наибольшее слияние субъектного местоимения с глаголом произошло во французском языке, где оно стало функционально тождественным личной глагольной флексии. Однако

неупотребление субъектного личного местоимения свойственно французскому языку, как и другим романским. Если в письменно-литературной норме французского языка поддерживается системное требование сохранения субъектного местоимения при глаголе-сказуемом, то устная норма допускает опущение: «*Faudrait voir à être joli avec la dame*», — dit Troussaillon (Queneau: 166) 'Следовало бы позаботиться о том, чтобы быть любезным с дамой, — сказал Трускайен'; «*Sont sur l'Est!*» — grogna le matelot (Simeon: 138) 'К востоку! — проворчал матрос'.

Субъектное местоимение в личных конструкциях легко восстанавливается по контексту (ситуации), в безличных же не нуждается в восстановлении.

В других романских языках случаи употребления и неупотребления личного и предметно-личного местоимения при глаголе-сказуемом не противоречат системным требованиям:

ит. *Perchè io sono così stupido di esitare un solo istante? Si chiedeva egli meravigliato di sè stesso e dei vani tormenti che si dava. E si sentiva il cuore pieno di gioia: ma d'un tratto il cuore gli si vuotava, ed egli ripiombava tutto nella disperazione* (Deledda);³⁰

рум. *Nu ştiu alţii cum sînt, dar eu, cînd mă gîndesc la locul naşterii mele. . .* (Creanga: 31) 'Не знаю, как другие, но я, когда вспоминаю о месте своего рождения. . .';

порт. *Tirou uma chave do bolso, abriu a porta* (J. A.: 19) 'Вынул ключ из кармана, открыл дверь'.

Субъект-местоимение легко восстанавливается по контексту; субъектная позиция выполняет стержневую функцию, как и при заполнении ее существительным.

Для ретороманского отмечают меньшую «подвижность» субъектного местоимения, которое в ряде глагольных форм агглютинировалось: *Domine sur scodîna bestia chi chamina sîn terra* (Vel.: 170) 'Властвует над всякой тварью, что ходит по земле'.

Таким образом, в системном плане романские языки противопоставляются по степени вхождения личных (и предметно-личных) местоимений в парадигму глагольного спряжения, которая дает синтаксису строительный материал или в виде глагола, расчленяющего значение действия и лица (французский), или объединяющего их (остальные романские языки). Здесь проявляется большая или меньшая связь с латинским глаголом, объединявшим в своей форме значение действия и лица (субъекта) действия. В плане реализации системных «предписаний» (норма устной и письменной речи) романские языки не противопоставляются, так как все они допускают случаи употребления и неупотребления личного (и предметно-личного) местоимения, легко восстанавливаемого по контексту. Употребление или неупотребление субъектного лич-

³⁰ Пример взят в кн.: Гурьчева М. С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Итало-романская подгруппа. М., 1966, с. 135.

ного местоимения связано с определенной стилистико-жанровой окраской текста.

Однако есть модели предложения (как на уровне конструктивного, так и коммуникативного синтаксиса), в которых заполнение или незаполнение субъектной местоименной позиции имеет функциональную значимость; Это неопределенно-личные и безличные предложения. В испанских грамматиках эти типы предложений обычно объединяются в одной рубрике имперсональных,³¹ куда относят употребления глаголов в 3-м л. ед. ч. (*llueve*), в 3-м л. мн. ч. (*dicen*), а также в сочетаниях с *hombre* (*el hombre piensa*), *uno* (*uno piensa*), или *se* (*se dice*). Для итальянского языка выделяют несколько способов устранения конкретной информации о субъекте, среди которых видим использование глаголов во 2-м л. ед. или мн. ч. (*scrivi*), в 3 л. мн. ч. (*dicono*), в пассивной и возвратной формах (для переходных глаголов).³² Исследователи отмечают, что безличные и неопределенно-личные конструкции служат для сообщения высказыванию функции признака,³³ для выделения в высказывании рематического ядра, идеи «нового».³⁴ При этом различное оформление конструкции связывается с обозначением позиции говорящего в акте коммуникации (нейтральной, контактоустанавливающей или позиции аутоинтродукции):³⁵

франц. *O n m'a v o l é des livres, des papiers!* (Du Gard) 'У меня украли книги, бумаги!'; *Dites donc vous, j'aime pasqu'o n f o u i n e somme ça chez moi* (Queneau) 'Послушайте, я не люблю, когда вот так суют нос в мои дела' — нейтральная позиция;

исп. *S i t e p r e g u n t a n p o r m i, d i l e s q u e n o m e h a s v i s t o* (Baroja) 'Если тебя спросят про меня, скажи им, что меня не видел' — контактоустанавливающая позиция;

исп. *Y es que hoy las ciencias adelantan — u n o n o s e c a n s a r á j a m á s d e r e p e t i r l o — q u e e s u n a b a r b a r i d a d* (Cela) 'И вот теперь науки развиваются, — будут неустанно повторять, — хоть это и старо' — позиция аутоинтродукции.

Анализ безличных и неопределенно-личных конструкций связан с решением ряда сложных проблем, в том числе таких, как синтаксическая характеристика конструкции. Например, для таких

³¹ См., например: *Bello A., Cuervo R. J. Gramática de la lengua castellana*. Buenos Aires, 1949, p. 784, 785; *Alonso M. Gramática del español contemporáneo*. Madrid, 1968, § 34—38; *Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española*. Barcelona, 1955, p. 69—72; *Criado de Val M. Gramática española*. Madrid, 1958, p. 191—194.

³² *Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка*, с. 116—126.

³³ *Ерыгина Л. И. Неопределенно-личные конструкции во французском и испанском языках*. АКД. Л., 1978.

³⁴ *Дегтяревская И. В. Сопоставительный анализ конструкций, называемых безличными, во французском, испанском и итальянском языках*. АКД. Киев, 1973.

³⁵ *Ерыгина Л. И. Неопределенно-личные конструкции во французском и испанском языках*, с. 7—8 (примеры взяты там же).

оборотов, как франц. *il y a, il est*, встает вопрос о их статусе в предложении, о функции вводимого именного компонента. А. Блинкенберг считает эти обороты вводящими психологическое подлежащее.³⁶ И. В. Дегтяревская, прибегая к сравнению адекватных предложений на французском, испанском и итальянском языках, показывает, что оборот *il y a* вводит предикат высказывания («новое»); так, в переводах романа М. Горького «Мать»:

франц. *Il n'y a que vos cheveux qui grisonnent vite* (М. Горький) 'Только ваши волосы скоро поседеют'; исп. *Pero el pelo se le va poniendo blanco con rapidez* (то же); ит. *Solo i capelli vi diventano piu bianchi* (то же).³⁷

Французскому безличному обороту соответствуют личные предложения в испанском и итальянском языках, где «новое» выделяется лексическими средствами (исп. *pero*, ит. *solo*).

Особый интерес представляют возвратные и пассивные конструкции, в которых достигается абстрагирование от семантического субъекта. Сравнение показывает, что эти конструкции распространены во французском языке в меньшей степени, нежели в испанском и итальянском,³⁸ хотя в старофранцузском и среднефранцузском они были очень употребительны.³⁹

Кроме случаев незаполнения субъектной позиции, которые имеют различное функциональное и стилистическое значение, любопытны противоположные явления грамматического плеоназма. «удвоения» подлежащего:

франц. *Tu me battiras, comme ton père il bat ta mère* (Paysan : 146) 'Ты бы меня бил, как отец (он) бьет твою мать'.

Распространенные во французском просторечье, такие конструкции свидетельствуют об агглютинации субъектного местоимения с глаголом, что сближает французский язык с ретороманским. В удвоении подлежащего можно в этом случае видеть «обязательный грамматический плеоназм» (выражение Ш. Балли).⁴⁰ В румынском встречаются плеоназмы типа: *cînta ele pasarile* 'поют (они) птицы';⁴¹ соотв. в энгад.: *quist amih co* 'этот друг-то' (букв. «тут»); *quist amih lo* 'этот друг' («там»).

³⁶ Blinkenberg A. L'ordre des mots dans le français moderne. Copenhague, 1926—28, t. 1, p. 81.

³⁷ Примеры взяты в кн.: Дегтяревская И. В. Сопоставительный анализ конструкций, с. 58.

³⁸ Там же, гл. III.

³⁹ Шишмарев В. Ф. От латинских залоговых форм к французским. — Уч. зап. ЛГУ, 1952. Сер. филол. наук, вып. 15, № 156; Реферовская Е. А. Местоименная форма пассива во французском языке. — Уч. зап. ЛГУ, 1958. Сер. филол. наук, вып. 35, № 232.

⁴⁰ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 169.

⁴¹ Пример взят в кн.: Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка, с. 70.

Известны также репризы безударного местоимения ударным, например: франц. *Non, avait-elle murmuré. Lui, il a ses chasses* (Paysan, 201) 'Нет — проговорила она. — Он, у него есть его охота'.

Сочетание форм безударных и ударных субъектных местоимений используется в окситанском.⁴² Частое употребление таких конструкций приводит к стиранию их аффективного характера.

Объект — имя. Имя, занимающее правую позицию при переходном глаголе и выполняющее функцию объектного дополнения, оформляется в романских языках двумя способами: (а) местоположением и (б) предлогом. В зависимости от использования того или иного способа принято противопоставлять романские языки по распространенности предложных конструкций прямого объекта (так в испанском и румынском, например: *la madre ama a su hijo; am văzut pe fratele meu*) и по распространенности позиционного оформления прямого объекта (так во французском, например: *La mère aime son fils; j'ai vu mon frère*). Но в узусе всех ареалов Романии встречаются оба вида выражения объекта.

а. Позиционное противопоставление имен в функции объекта и субъекта распространено во всех романских языках:

ретором. *La prima e la quinta declinaziun un avaiavan substantivus neutros* (Vel. : 117) 'Первое и пятое склонение не имели существительных среднего рода'.

порт. *Ele recebia os convites, prometia ir* (J. A. : 18) 'Он получает приглашения, обещая прийти'.

Французский и окситанский тоже выделяют объект-имя позиционно. Как уже было показано выше, синтагматическая последовательность S—V—C является наиболее распространенной в этих романских языках, хотя отмечается и нарушение S—V—C, вызываемое различным коммуникативным заданием, различными стилистическими причинами.

Возможные построения по модели C—V—S или C—S—V с именами в объектной и субъектной позиции встречаются, хотя и довольно редко, во всех исследуемых романских языках.

Объект предшествует субъекту обычно при условии морфологически неоднородных заполнений этих позиций (в объектной позиции существительное, в субъектной — местоимение, или наоборот), например:

рум. *Ce surpriză plăcută ne-ai făcut, Mihai!* (P. : 75) 'Какой приятный сюрприз ты нам сделал, Михай!';

порт. *Uma única coisa ele levou* (J. A. : 48) 'Один-единственный предмет он унес'.

б. Предложный способ оформления объекта-имени, распространенный в испанском и румынском языках, известен и другим

⁴² Lafont R. La phrase occitane, p. 375—376.

романским языкам. Так, для португальского отмечают следующие случаи оформления объектного дополнения предлогом *a*:⁴³

- 1) когда дополнение выражено именем собственным;
- 2) когда дополнение выражено ударными местоимениями (*mim, ti, si, nós, vós, eles*), например: *Escolheu a nós* 'Он выбрал нас';
- 3) когда в функции объекта употреблены местоимения *outro, todo, quem*;
- 4) когда объектные дополнения являются однородными членами.

Аналогичные случаи встречаются в других романских языках: рум. . . . *el o iubea pentru că era frumoasă . . . si pentru că-i dăruise un copil, pe care-l iubea precum numai un om își poate iubi copilul său* (Eminescu : 287) ' . . . он ее любил, потому что она была красивой и потому что она подарила ему ребенка, которого он любил так, как только мужчина способен любить своего ребенка';

оксит. *Remercie tout lou mounde et surtout a Roubert* (Lafont : 304) 'Благодарю всех и особенно Роберта'. Здесь при одном глаголе-сказуемом стоят предложное и беспредложное дополнения.

Во французском языке можно увидеть в именном компоненте при безличных и некоторых возвратных конструкциях (*il est, il y a, il se trouve, etc*) предложно оформленный объект: *Il y a des cas. . . il est des relations . . .* Предложный характер этого компонента безличных предложений подтверждается случаями местоименной репрнзы, известными с самых древних текстов: *Des Francs de France en y at plus de mil* (Rol.) 'Французов там имеется больше тысячи'.

Любопытно, что репрнза осуществляется без сегментации предложения с помощью *en*, предложного субститута существительного.

Итальянский дает массу примеров как литературного, так и (особенно) просторечного употребления предложного объекта. Г. Рольфс приводит данные анкетирования более чем десяти районов Италии, в том числе Корсики и Сардинии, по которым устанавливается рубрикация прямого предложного объекта, выраженного различными группами существительных и местоимений.⁴⁴ Так, в Бриндизи вариантом ит. *I bambini bisogna lasciarli giocare* является *Alli vagnuni l'amm'a lassa sciucari*; в Калабрии вариантом ит. *I poveri Dio li aiuta* является *Ai poveri Diu aiuta*, и т. д.

Г. Рольфс провел лингвистическое обследование не только южной Италии, Сардинии и Корсики, но и областей распространения каталанского, гасконского, ретороманского, французского (регионального и просторечного), установив для всех указанных

⁴³ Материал взят из теоретического курса «Грамматика португальского языка» асс. Г. К. Неустроевой; см. также: Вольф Е. М., Никонов Б. А. Португальский язык. М., 1965, с. 126—127.

⁴⁴ Rohlfs G. Panorama de l'accusatif prépositionnel en Italie. — Studii, si cercetări lingvistice, XXIV (1973), N 5, p. 617—621.

языков и диалектов распространённость предложного оформления объекта-имени.⁴⁵ Повсюду узус допускает предлог *a*:

гаск. *Non couneychi pas a Gastou* 'Я не знаю Гастона'; *N'eu pas bist à Péy* 'Я не видел Пьера';

катал. *A ses dones, no les coneixes be* 'Женщин, ты их не знаешь хорошо', и т. д.⁴⁶

Классифицируя примеры по категориальным признакам существительных и местоимений, Рольфс отмечает также употребительность и некоторых других предлогов перед прямым объектом — *da, de, d'a, ena, enda, an, ana*, подчеркивая стилистический характер употребления предложного объекта.

Объект — личное местоимение. Романские языки различают ударные и безударные формы объектных личных местоимений. Во французском они противопоставляются позиционными характеристиками: безударная форма находится в непосредственной близости к глаголу-сказуемому, ударная удалена: *Moi, le même geste toute la journée, ça t'emmerderait* (Paysan : 115) 'Что до меня, все то же движение день-деньской — это бы мне осточертело'.

Дистантность / контактность ударных и безударных местоимений является свойством также и других романских языков. Так, в итало-романской группе отмечают проклитическое и энклитическое положение неударных форм объектных личных местоимений, в которых они сливаются с некоторыми глагольными формами (с инфинитивом, герундием, императивом):

ит. *dargli, lassarmi, prenderci, rimonfrarglieli; digli, non impressionatevi, dicendogli, prendole*;

сард. *li dare, mi lassare, nos pikkare; narali, nandeli, pikkandelas*.⁴⁷

В португальском языке также наблюдается слияние глаголов с объектными местоимениями. *Vou contar-lhe uma pequena história* (F. N. : 63) 'Я расскажу вам небольшую историю'; *Pergunte-lho você* (F. N. : 60) 'Спросите у нее это вы'; *Respeitava-o* (F. N. : 61) '(Она) его уважала'; *Vinha um parente buscá-lo*⁴⁸ e *trazê-lo todos os anos* (J. L. do R. : 19) 'Один из родственников забирал его и привозил обратно каждый год'.

⁴⁵ Rohlfs G. Autour de l'accusatif prépositionnel dans les langues romanes. — RLiR, 35 (1971), N 139—140, p. 312—334.

⁴⁶ Ibid., p. 320—324.

⁴⁷ Гурьчева М. С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков, с. 49—50.

⁴⁸ Здесь в *buscá-lo* и *trazê-lo* происходит тесное слияние инфинитивов с объектными местоимениями, в результате чего конечное *-r* инфинитива выпадает. В этих случаях наблюдается переход конечного *r > l* и переразложение инфинитива:

trazer-o > trazê-lo,
buscar-o > buscá-lo.

Аналогично в испанском языке с инфинитивом, герундием и императивом, но с иной графикой (слитное написание).

Ударные формы употребляются с предлогом или союзами: ит. *lo faccio per te, tu sei come me!* 'сделаю это для тебя, . . . ты как я!'; *Ogni tua pietra, ogni fiore // A me già ispira poesia* (Casu, сард.) 'Каждый твой камень, каждый цветок Во мне уже рождает поэзию'.⁴⁹

В иберо-романских языках ударные и безударные формы личных объектных местоимений также различаются по степени удаленности / приближенности к глаголу-сказуемому:

исп. *Calla, boba, si puede ser mi padre. . . — Pues, a pesar de elle* (Вольф : 33) 'Молчи, дуручка, может он мне отец. — Ну, несмотря на это'; *Eres rico? — Lo fueron mis mayores* (Вольф : 50) 'Ты богат? — Мои предки были богаты' (букв. «были им»);

порт. *Nesse dia já Marcelo sabia que o amor estava nela. . .* (U. T. R. : 14) 'В этот день Марселу уже знал, что любовь была в ней. . .'

По своим позиционным характеристикам объектные местоимения отличаются от объекта-имени, но по способности сочетаться с предлогами при выражении прямого объекта они сближаются с объектом-именем. Так в окситанском: *Car certos iei jamay non l'aumery tant fort, como iei faic a vous* (Lafont : 304) 'Конечно, я никогда не полюблю его так сильно, как вас'.

В ретороманском (энгадинский) предложное личное местоимение ударное в функции прямого объекта употребляется в случае стилистического выделения: *Quel air chi ama a mai* 'Это он меня любит'; *A tai vögl eu spusar* 'На тебе хочу я жениться', и т. д.⁵⁰

Следующей функциональной характеристикой объектного местоимения является его способность к плеонастическому употреблению — в конструкции с репризой или антиципацией.

Обычно эту конструкцию отмечают в румынском как особенность, отличающую румынский язык от других романских. Р. А. Вудагов приводит пример: *Portofelul îl uitase într-adevăr, dar cu intenție; bani însă nu avea în el, banii îi luase cu sine* 'Портфель (его) забыл он действительно, но с намерением; денег, однако, в нем не было, деньги (их) он взял с собою'. Анализируя этот пример, Р. А. Вудагов подчеркивал «отличающий его от большинства других индоевропейских языков, в том числе и от романских» местоименный сопроводитель.⁵¹

Между тем подобный сопроводитель известен и в других языках. Р. Лафон посвящает местоименной репризе несколько параграфов, показывая ее распространенность как при субъекте,

⁴⁹ Гурьчева М. С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков, с. 46.

⁵⁰ Примеры взяты в работе: Rohlfs G. Autour de l'accusatif prépositionnel, p. 325.

⁵¹ Вудагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка, с. 75.

так и при объекте. В окситанском употребительна не только реприза, но и препозиция объектного местоимения существительному, особенно частая в административном стиле речи, например: *la bisso è mai l'araire las pode pus mena; que d'une païro fenno un Xercès, rey des Perses, de boun cor un presen d'elo lou prenguéc el* (Lafont : 377).⁵²

Французский язык знает репризу и антиципацию, сопровождаемую сегментацией предложения: *Tu l'aimes bien.ta Malena, hein!* (Paysan : 12) 'Ты ее крепко любишь, свою Малеу!'; *Ton homme, plus tard, faudra bien le choisir* (ibid. : 76) 'Твой муж, позднее надо будет его выбрать'.

В некоторых случаях, — особенно это касается форм 3-го л., которые часто сближаются семантически со своим этимологическим дублетом-артиклем, — употребление препозитивного *le, la, les* явно плеонастично. Так, в региональном французском просторечье: *L'êtes un père pour lui, maître Le Cornouiller* (Paysan : 129) 'Вы отец для него, мэтр Ле Корнуйе'; *L'est-là, la Julie?* (Simenon : 64) 'Она тут, Юлия-то?'

Для стилистического усиления реприза или антиципация личного местоимения может оформляться предложно:

ретором. *Nò t'in yu a té* 'Мы тебя видели, тебя'; *A té t'an proeu yu* 'Тебя, мы достаточно видели тебя';

катал. *An aquests nins, no els estim (no els estim, an aquests nins)* 'Этих детей, я их не люблю'.⁵³

В просторечных формах французского языка в Брюсселе М. Гревисс отмечает подобные употребления: *elle ne me volera pas, à moi; elle ne m'attrapera pas, à moi; à moi, on ne m'endormira pas*.⁵⁴

Синтаксическое явление удвоения дополнения (местоименная реприза или антиципация) известно всем романским языкам. Наиболее частое объяснение этому явлению дается в рамках его стилистического эффекта. Однако специальные исследования, проведенные на большом языковом материале, убедительно показывают, что в индоевропейских языках (в том числе и романских) местоименный повтор выполняет грамматическую и стилистическую функцию.⁵⁵ Изучение этого интересного явления как в отдельно взятых, так и сопоставляемых романских языках должно раскрыть немало существенных характеристик имен и местоименных в объектной позиции, структурных, семантических и ритмических особенностей предложения в целом.

⁵² Lafont R. La phrase occitane, p. 376—377.

⁵³ Примеры взяты в работе: Rohlf's G. Autour de l'accusatif prépositionnel, p. 323—324.

⁵⁴ Ibid., p. 324.

⁵⁵ См., например: Лопашов Ю. А. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л., 1978, с. 72—73.

Изучение категорий субъекта и объекта в романском предложении подводит исследователя к ряду важных проблем моделирования синтаксиса и реализации моделей. Встают вопросы соотношения содержательного и формального планов, связи субъектно-предикатного строения высказывания с трехчленным транзитивным предложением. Встают вопросы соотношенности лица и субъекта, взаимодействия одушевленности / неодушевленности в семантике подлежащего и дополнения как на участках подлежащее—сказуемое (S—V), сказуемое—дополнение (V—C), так и на участке подлежащее—дополнение (S—/V/—C). Требуют детального рассмотрения вопросы актуализации субъекта и объекта, в том числе с помощью детерминативов и согласования / несогласования подлежащего и сказуемого. В парадигматике предложений ждут своих исследователей проблемы формы и содержания предложений личных и неличных (безличных, неопределенноличных), в которых есть второй актант, или именной компонент в позиции, зависимой от глагольного компонента. Какова релевантность заполнения / незаполнения субъектной позиции, каков синтаксический статус второго актанта, какова соотношенность лексического значения глагола с особенностями заполнения субъектной и объектной позиций, с особенностями синтаксического поведения самого глагола в предложении — эти и другие вопросы возникают при обращении к «сбалансированному» или «несбалансированному» окружению глагола, статус которого как переходного также нуждается в тщательном анализе.

Некоторые предварительные наблюдения, проведенные на ограниченном материале, позволили убедиться в том, что романские языки обладают необыкновенно прочным потенциалом структурно-синтаксической общности. Даже такие, казалось бы, «местные» особенности языков крайних ареалов — западного (испанский, португальский) и восточного (румынский), — как предложный прямой объект, как реприза личных местоимений, выступают при ближайшем рассмотрении возможными и нередко довольно распространенными в других романских языках. Не имеют географической определенности и позиционные характеристики субъекта и объекта. Иными словами, в любой части Романии можно предположить существование любого структурно-синтаксического способа выражения субъектно-объектных отношений в рамках избранного типа глагольных предложений.

Материал позволяет заметить, что различие между романскими языками в этом плане можно установить только при условии жесткого разделения функциональных пластов актуализации предложений — системных, узуальных, нормативных. Только в этом случае возможно установление типологии расхождений. Если же не разделять примеры, отражающие системные требования, и примеры, отражающие узус и норму разных лингвистических, социально-географических группировок людей, то мы приходим к подтверждению структурно-синтаксической общности субъ-

ектно-объектного комплекса в романских «транзитивных» предложениях.

Список литературных источников и их сокращений

Валлонский язык:

El Mouchon — El Mouchon, 1975, N. 4.

Испанский язык:

Juv. Reb. — Juventud Rebelde. Diário de la Juventud Cubana. 25, 27 febrero de 1980.

Окситанский язык:

Lafont — Lafont R. La phrase occitane. Paris, 1967.

Португальский язык:

J. A. — Amado J. Seara vermelha. São Paulo, 14 edição. — Obras de Jorge Amado, Vol. XII.

M. T. — Tiago M. Até amanhã camaradas. Lisboa, Edições «Avante!», 1974.

M. N. — Navarro M. Ir a guwrra. Lisboa, 1974.

U. T. R. — Urbano Tavares Rodrigues. A noite roxa. Publicações Europa — América, 1972.

Вольф — Вольф Е. М., Никонов Б. А. Португальский язык. М., 1965.

F. N. — Namora F. Domingo a tarde. Publicações Europa — América, 1971.

J. L. do R. — José Lins do Rego. Doidinho, Livros unibolso. Lisboa.

Ретороманский язык:

Ramüz — Ramüz C.-F. Derborans. Tradüt d'Schimun Vonmoos. Tusan [s. a.].

Vel. — Velleman A. Grammatica teoretica, pratica ed istorica della lingua ladina d'Engiadin'Ota. Zürig, 1915.

Румынский язык:

Creangă — Creangă I. Amintiri din copilărie. București, 1952.

Gram. — Gramatica limbii române. București, II, 1966.

L. — Lazar E. Aveam optsprezece ani. București, 1974.

P. — Papu I. Succes. București, 1971.

Stancu — Stancu Z. Costandina. București, 1962.

Французский язык:

Queneau — Oueneau R. Zasio dans le métro. Paris, 1959.

Paysan — Paysan C. L'empire du taureau. Paris, 1974.

Simenon — Simenon G. Le port des brumes. Fayard, 1963.

С. М. Кибардина

КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА И ТЕОРИЯ ВАЛЕНТНОСТИ

(на материале немецкого языка)

Выделению и описанию членов предложения в разных языках посвящено множество работ. Однако, несмотря на это, основные вопросы теории членов предложения до последнего времени продолжают оставаться дискуссионными, в том числе определение субъекта предложения и разграничение дополнений и обстоятельств.

В рамках традиционной грамматики субъект (подлежащее) и объект (дополнение) выделяются независимо друг от друга на основе разнородных формальных и семантических критериев. Подлежащим обычно считается имя существительное в именительном падеже, дополнением — член предложения, управляемый глаголом, стоящий в зависимом от глагола падеже и обладающий определенной категориальной семантикой: прямое дополнение представляет собой имя в винительном падеже, обозначающее предмет, на который направлено глагольное действие; косвенное дополнение — имя в косвенном падеже (кроме винительного), обозначающее предмет, так или иначе затрагиваемый действием. При выделении субъекта и объекта формальным признакам отдается предпочтение, при выделении обстоятельств в большей степени учитывается семантика слов. В качестве обстоятельств рассматриваются существительные и наречия, называющие место, время, причину, условие, цель и некоторые другие характеристики глагольного действия.

Недостатки такого подхода, в первую очередь преувеличение роли формальных признаков, неоднократно отмечались в лингвистической литературе.¹ Так, Л. В. Щерба предостерегал от «гипноза морфологических форм» и выступал против отождествления членов предложения с частями речи. Он указывал, что синтаксические категории могут выражаться и другими средствами — вопреки морфологическим формам. Л. В. Щерба считал тради-

¹ См., например: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. 2-е изд. Харьков, 1888. I—II, с. 74—75; *Александров Н. М.* Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., т. 236, 1963; *Абрамов Б. А.* Синтаксические потенции глагола в сопоставлении с потенциями других частей речи. — НДВШ ФН, 1966, № 3; *Золотова Г. А.* К типологии простого предложения. — ВЯ, 1978, № 3.

ционный формальный подход упрощенным, искажающим языковую действительность и отмечал, что для выделения членов предложения необходим сложный, «мудреный» анализ синтаксической семантики слов и отношений между словами в предложении, анализ смысла предложения.²

Основой, позволяющей подойти к выделению именных членов предложения (субъекта, объекта, обстоятельства) именно со стороны семантики отношений между словами и смысла предложения в целом, является современная теория глагольной валентности. ✓ Общепринятой точки зрения на природу валентности пока не существует. В данной работе мы опираемся на семантическое направление в теории валентности, разрабатываемое в трудах советских и зарубежных лингвистов, в первую очередь в книге С. Д. Кацнельсона «Типология языка и речевое мышление», а также в работах ученых ГДР В. Бондцио, К. Э. Зоммерфельдта, В. Флемига и др.³

Валентность представляет собой свойство слова устанавливать синтаксические отношения с другими словами на основе своего значения.⁴ Специфика глагольной валентности состоит в том, что глагол (точнее — предикат, носитель валентности — Valenzträger) определяет структуру предложения.⁵ Большинство исследователей признает существование нескольких уровней валентности, но по-разному определяет и разграничивает эти уровни. В рамках семантического направления, базирующегося на логике отношений между объективной действительностью, мыслительной струк-

² Щерба Л. В. О второстепенных членах предложения. — В кн.: Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. I.

³ См.: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; Кибардина С. М. Основы теории валентности. Вологда, 1979; Bondzio W. Abriß der semantischen Valenztheorie als Grundlage der Syntax. — In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin, Bd 29, 4/1976; Bd 30, 3/1977; Bd 31, 1/1978; Flämig W. Valenztheorie und Schulgrammatik. — In: Beiträge zur Valenztheorie. Halle (Saale); 1971; Sommerfeldt K. E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. Leipzig, 1974; см. также: Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978; Bräuer R. Die Valenztheorie. Ihre Geschichte, ihr aktueller Stand und ihre Möglichkeiten. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe XXIII, (1974), 3/4 (Berlin); Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 3. Aufl. Leipzig, 1975; Engel U., Schumacher H. Kleines Valenzlexikon deutscher Verben. Forschungsberichte des Instituts für deutsche Sprache Mannheim, Bd 31, 2. durchg. Aufl. Tübingen, 1978.

⁴ Кацнельсон С. Д. О грамматической категории. — Вестн. ЛГУ, 1948, № 2; Sommerfeldt K. E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. S. 15; Bondzio W. Valenz, Bedeutung und Satzmodelle. — In: Beiträge zur Valenztheorie. Halle (Saale), 1971.

⁵ Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris, 1959; Валтин Н. Б. Морфологическая структура и ее связь с синтаксической структурой предложения. — В кн.: Лингвистические исследования. 1975. Исследования по грамматике языков народов СССР. М., 1975.

турой (пропозицией) и языковой семантикой (семантической структурой предложения), выделяются два или три уровня валентности.⁶

Вслед за С. Д. Кацнельсоном мы разграничиваем содержательную и формальную валентность. Содержательная валентность представляет собой явление глубинного семантического плана и с типологической точки зрения универсальна, так как обусловлена «положением дел» («событием», «ситуацией», Sachverhalt) в объективной действительности. Структуры содержательной валентности — это мыслительные структуры, описываемые в терминах формальной логики как предикат и его аргументы. Формальная валентность представляет собой «поверхностную синтаксическую интерпретацию» содержательной валентности и по своей природе идиоэтнична — она определяет способ и форму выражения аргументов предиката.⁷

Формальная валентность является формой выражения содержательной валентности и, принадлежа к языку, сама обладает планом содержания и планом выражения. К плану содержания относятся семантические отношения между глаголом и зависимыми от него именами, определяющие семантическую структуру предложения; к плану выражения — морфологическая форма аргументов глагола. Разграничение содержательной (логико-семантической) и поверхностной семантической валентности глагола затрудняется тем, что единицы смыслового уровня не даны в непосредственном наблюдении и выделяются только в результате абстрагирования от конкретной языковой семантики.

Такая постановка вопроса затрагивает соотношение языка и мышления — языковой семантики и мыслительных структур, степень универсальности тех и других. Она связана с проблемой лингвистической относительности, а также с процессом порождения речи и предполагает определенный взгляд на все эти проблемы.

В процессе порождения речи можно выделить несколько ступеней, о существовании которых свидетельствуют данные физиологии и психологии, в частности результаты нейро-лингвистического анализа динамической афазии.⁸ Формирование высказывания начинается с постановки темы и проходит затем несколько стадий — от наиболее абстрактной до конкретно-языковой, в том числе речемыслительную, лексико-семантическую и фонологиче-

⁶ Об уровнях валентности см. указанные работы К. Э. Зоммерфельдта, В. Флемига, а также: Helbig G. Valenz, Semantik und Satzmodelle. Deutsch als Fremdsprache, 1976, II. 2.

⁷ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 47, 88 (гл. IV, р. 4).

⁸ Выделение нескольких ступеней в процессе порождения речи восходит к Л. С. Выготскому и поддерживается многими современными учеными. См.: Ахутина Т. В. Нейро-лингвистический анализ динамической афазии. М., 1975, с. 122—138; Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 123—127.

скую ступени. На каждой ступени существует свой «словарь» и своя «грамматика». Структуры содержательной валентности представляют собой механизм формирования предложения на речемыслительной стадии, структуры формальной валентности — на лексико-морфологической стадии.⁹ Первые универсальны, так как представляют универсальность человеческого мышления в целом, вторые идиознаны, поскольку обусловлены системой языка. В терминах современной семасиологии можно говорить о разных уровнях в семантике или о семантике разной глубины.¹⁰

Валентные свойства предиката являются основой для выделения именных членов предложения — субъекта, объекта и обстоятельства. Разграничению содержательной и формальной валентности соответствует разграничение содержательных синтаксических функций и форм их выражения. С. Д. Кацнельсон выделяет субъектно-объектные и обстоятельственные функции. Среди субъектно-объектных функций в свою очередь выделяются позиционные (функции субъекта и прямого объекта) и непозиционные функции. Главное отличие субъектно-объектных функций от обстоятельственных заключается в их отношении к содержательной валентности предиката: субъектно-объектные функции обусловлены содержательной валентностью, предполагаются ею, характеризуют глагол как бы изнутри. «В плане содержательной валентности каждое глагольное значение как бы открывает вакантные позиции по числу подразумеваемых им субъектно-объектных функций, и эти позиции с той или иной степенью обязательности подлежат замещению в предложении».¹¹ Как будет показано ниже, с точки зрения содержательной валентности аргументами к глаголу могут оказаться компоненты предложения, традиционно считающиеся обстоятельствами.

Обстоятельственные функции независимы от содержательной валентности предиката, не предполагаются ею. Обстоятельства характеризуют глагол извне и в глубинном семантическом плане представляют собой свернутые предикаты, которые могут быть развернуты в самостоятельные предложения.¹² Обстоятельственные функции отличаются от субъектно-объектных функций также своей семантичностью. «Субъектно-объектные функции семанти-

⁹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 123—127.

¹⁰ Н. А. Слюсарева противопоставляет семантику отражения и лингвистическую семантику; А. В. Бондарко разграничивает понятийные категории и лингвистическую семантику. См.: Слюсарева Н. А. Проблемы лингвистической семантики. — ВЯ, 1973, № 5; Бондарко А. В. Проблемы лингвистической семантики. — В кн.: Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тез. докл. и сообщ. плен. засед. М., 1974.

¹¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 47.

¹² Там же, с. 208—213; ср.: Алисова Т. Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений. — ВЯ, 1970, № 2; Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben, S. 31—40.

чески определимы главным образом в контексте». Говорить о семантике субъекта и прямого объекта можно только применительно к конкретному семантико-синтаксическому типу глагола.¹³

Формами выражения синтаксических функций являются падежи. Соотношение между падежами и выражаемыми ими функциями неоднозначно — одна и та же функция может выражаться разными падежами, один и тот же падеж служит для выражения разных функций. Для данного падежа одна из функций, как правило, является первичной, остальные — вторичными. Употребление падежей в несвойственных им синтаксических функциях С. Д. Кацнельсон называет «сдвинутым». Так, для именительного падежа первичной является функция субъекта, но он может выражать и другие синтаксические функции. В то же время косвенные падежи могут служить и для выражения субъекта предложения.¹⁴

На уровне пропозиции все аргументы равны: «в пропозиции как таковой не имеет места какая-либо стратификация аргументов по рангу. . . все они одинаково существенны и важны в плане отображения события. Как мыслительный образ события пропозиция более непосредственно воспроизводит объективную реальность, нежели предложение».¹⁵ Распределение аргументов по синтаксическим функциям происходит в речи, где они конкретизируются, уточняются как члены предложения. Если у глагола только один аргумент, он является субъектом предложения независимо от формы его выражения. Если у глагола несколько аргументов, один из них становится субъектом, остальные — объектами. Выдвижение аргумента на роль субъекта зависит от ряда факторов, прежде всего от семантического типа глагола. Так у глаголов действия в активной форме субъектом чаще всего становится аргумент, обладающий признаком активности (агенс). В пассивной конструкции происходит перераспределение функций — в позицию субъекта выдвигается аргумент, обозначающий предмет, подвергающийся воздействию (пациенс). Субъектом может стать любой аргумент глагола. Среди других аргументов субъект выделяется своими дополнительными синтаксическими функциями, обусловленными проективными свойствами языка, в первую очередь функцией темы. По определению С. Д. Кацнельсона субъект предложения — «это либо единственный аргумент одноместного предиката, либо тот из аргументов многоместного предиката, который облечен функцией темы и, как правило, притягивает к себе интенцию предиката».¹⁶

Таким образом, с точки зрения валентных свойств предиката члены предложения выделяются прежде всего на основе содержа-

¹³ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 43—46, 91.

¹⁴ Там же, с. 39—77.

¹⁵ Кацнельсон С. Д. О категории субъекта предложения. — В кн.: Универсалии и типологические исследования. М., 1974, с. 109.

¹⁶ Там же, с. 119.

тельных критериев. Субъект, объект, обстоятельство—это содержательные грамматические категории, складывающиеся из мыслительных (семантико-синтаксических) и коммуникативных элементов. Субъект и объект при таком подходе объединяются в категории аргумента — «дополнения» в широком смысле слова — и противопоставляются обстоятельству. Различная природа субъекта и объекта, с одной стороны, и обстоятельства — с другой, обуславливает их различную роль в структуре предложения.¹⁷

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты глагольной валентности на конкретном языковом материале. Изучение валентных свойств глаголов только начинается, и основные положения теории валентности нуждаются в уточнении. Поскольку рамки статьи не позволяют с достаточной полнотой осветить все спорные вопросы теории валентности, мы ограничимся рассмотрением проблем, важных в плане изучения членов предложения.

Для анализа предложения и его компонентов особенное значение имеет выделение и описание валентностных типов глаголов в разных языках, типов соотношения между содержательной и формальной валентностью предикативных значений, так как выделение и описание валентностных типов глаголов одновременно означает и выделение типов структур предложения.

В силу самой природы двух уровней валентности соотношение между содержательной и формальной валентностью может быть различным ввиду отсутствия изоморфизма между планом содержания и планом выражения.

В логико-семантическом плане существуют следующие оппозиции мыслительных структур (пропозиций) в зависимости от их валентности.

I. Оппозиция событийных значений, отражающих объективную действительность глобально, нерасчлененно, и значений-предикатов, выделяющих в обозначаемом событии («положении дел») «предметные элементы и объединяющий их предикативный признак».¹⁸

II. Оппозиция одноместных и многоместных предикатов, обозначающих соответственно свойства предметов или отношения между несколькими предметами (абсолютные и относительные предикаты). Дальнейшее разграничение идет по линии противопоставления друг другу различных семантико-синтаксических и семантических типов многоместных предикатов с учетом категориальной семантики их аргументов.

На языковом уровне эти оппозиции сохраняются, но на них наслаиваются особенности плана содержания и плана выражения в конкретных языках.

Оппозиция глобальных значений и значений-предикатов от-

¹⁷ Особенности обстоятельств и условия их появления в предложении в данной статье не рассматриваются.

¹⁸ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 60.

ражается в противопоставлении событийных значений (событийных имен и собственно безличных глаголов)¹⁹ всем прочим знаменательным глаголам. Событийные имена и безличные глаголы выражают глобальное представление о «положении дел»; глаголы-предикаты, выражающие расчлененное представление о «положении дел», соотносят свои «дополнения» — имена — с аргументами предиката. При однозначном соответствии содержательной и формальной валентности одной единице плана содержания соответствует одна единица плана выражения, принадлежащая к определенной знаменательной части речи. Ср.: *светает, рассвет, дождь; Regen, Nacht, Winter; Rain, snow*, и т. п. В языках, требующих обязательного присутствия двух главных членов в структуре предложения, появляется формальный субъект или предикат: *идет дождь; es regnet, der Regen fällt; Rain, snow falls; гром гремит, свет светит, ветер веет; der Wind weht, das Licht leuchtet* (иногда с добавлением плеонастических элементов в семантике предиката).

Оппозиция одноместных и многоместных предикатов отражается в оппозиции одновалентных и многовалентных глаголов. Валентность глагола может однозначно соответствовать валентности выражаемого им отношения или соотноситься с ней более сложным образом. Различные случаи несоответствия содержательной и формальной валентности сводятся к «включениям» в семантику глагола значений его аргументов, появлению в предложении формальных «дополнений», повторяющих семантику предиката, и к употреблению конструкций с глаголами-вербализаторами. Например: *fischen, mausen; buttern; sensen, hanteln; geigen, schiffen, zelten* (ср.: *Fische, Mäuse fangen; Butter herstellen; mit der Sense arbeiten; mit der Hantel turnen; mit dem Schiff fahren; im Zelt wohnen*); *einen Schlaf schlafen, ein Leben leben, einen Traum träumen* (ср.: *schlafen, leben, träumen*); *Antwort geben, Abschied nehmen, Freude machen* (ср.: *antworten, sich verabschieden, erfreuen*).

Глаголы с неоднозначным соотношением содержательной и формальной валентности представляют большой интерес для анализа, так как именно в них проявляется специфика внутренней формы языка в области не только лексической, но и синтаксической семантики. Они нуждаются в специальном исследовании и здесь за некоторыми исключениями не рассматриваются.

Таким образом, все глагольные значения (речь идет о прямом значении глагола) распадаются на значения без содержательной валентности (ср.: *es friert, es regnet, es wetterleuchtet, es weihnachtet*),

¹⁹ Об особенностях семантики безличных глаголов и событийных имен см.: Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания. — В кн.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974, с. 59; Алисова Т. Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 29; Уорф Б. Л. Лингвистика и логика. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, вып. 3, с. 196.

содержательно одновалентные (одноместные) (*schlafen, sterben*); содержательно двух- (*warten, sehen*); трех- (*geben, gratulieren*) и более валентные значения. Такая классификация глаголов по числу открываемых ими мест еще не решает всей проблемы описания валентности, поскольку глаголы с одинаковым количеством мест существенно различаются по семантике своих аргументов. В плане анализа синтаксической семантики важно определить тип валентности глагола, т. е. уточнить категориальные признаки его аргументов.

Сочетание слов в предложении происходит на основе определенных речемыслительных категорий, отражающих отношения между предметами и явлениями объективной действительности. Категориальные признаки входят в состав лексических значений и управляют их сочетаемостью на уровне классов слов — семантико-синтаксических и семантических типов. Каждое лексическое значение глагола является представителем определенного семантико-синтаксического типа и содержит в себе категориальные признаки, обуславливающие его сочетательные возможности с определенными категориями имен. С. Д. Кацнельсон указывает, что «предикат имеет „места“ или „гнезда“, заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальным признаком „гнезда“. . . Скрытые категории глагола определяют его валентность. Скрытые категории имен определяют их способность замещать „места“ при глаголе».²⁰

Понимание валентности как проявления лексического значения слова ориентирует исследователя на анализ семантической структуры этого значения и выявление компонентов, определяющих его валентность. В рамках данной статьи мы не имеем возможности подробно рассмотреть проблему определения валентности конкретных глагольных значений. Анализ некоторых практических исследований по валентности глаголов показывает, что мнения лингвистов относительно того, что считать аргументами глагола, зачастую расходятся.²¹ Задача усложняется еще и тем, что большинство глаголов многозначны и разные значения одного глагола могут обладать разной или одинаковой валентностью. По нашему мнению, определение валентности глагола должно происходить на основе анализа концептуального ядра его

²⁰ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 88; ср. Солнцева Н. В., Солнцева В. М. Взаимодействие частей речи и членов предложения на материале изолирующих языков. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972, с. 82—83.

²¹ Ср., например, определение валентности глагола *писать* в следующих работах: Кароляк С. Об обязательных и факультативных компонентах высказывания. — В кн.: Грамматическое описание славянских языков. М., 1974; Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 122—125; Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben, S. 100.

лексического значения с помощью метода компонентного анализа, методика которого еще нуждается в уточнении.²²

Другая сложная проблема, непосредственно связанная с определением валентности отдельных значений и с выделением типов валентности, — классификация лексических значений глаголов и имен. Существует множество глагольных классификаций, в основе которых лежат различные семантические, в том числе и валентностные признаки, но в целом проблема классификации глагольных значений, как отмечают многие исследователи, остается пока открытой.²³ В отношении классификации существительных наблюдается большее единство мнений.²⁴

При описании валентности мы исходим из того, что среди глаголов наиболее общими подклассами (категориями) являются глаголы с о с т о я и и я (включая процесс и изменение состояния) и глаголы д е й с т в и я; среди имен — названия с о б ы т и й и п р е д м е т о в. Предметные имена распадаются на названия существ и вещей (одушевленных и неодушевленных предметов). Эти категории в свою очередь подразделяются на более узкие по содержанию классы на основе частных семантических признаков. Связь категории семантики глагола и семантики его аргумента (субъекта) выглядит следующим образом: при глаголах состояния субъект представляет собой носителя состояния; при глаголах состояния человека субъект — лицо, при глаголах, обозначающих состояния неодушевленных предметов, субъект — вещь. При глаголах действия субъект — производитель действия. Семантика остальных аргументов у неодновалентных глаголов зависит от семантико-синтаксического типа глагола и может быть различной. При глаголах действия субъектом чаще всего является лицо (ср.: *bringen, geben, lesen, sehen, schreiben*), а прямым объектом — другое лицо (*helfen, lieben*) или неодушевленный предмет (*lesen, nehmen, kaufen*). В качестве объектов при глаголах соответствующей семантики могут выступать члены предложения, традиционно считающиеся обстоятельствами,

²² О применении метода компонентного анализа для описания валентности см., например: *Bondzio W. Valenz, Bedeutung und Satzmodelle*; *Зоммерфельдт К. Е., Аудэм Г. И.* Сопоставительный анализ на основе теории валентности. — ИЯШ, 1976, № 2; *Зандау Г., Зоммерфельдт К. Е.* Семантические условия факультативности реализации валентности. — ИЯШ, 1978, № 2.

²³ Ср.: *Сильницкий Г. Г.* Семантические классы глаголов и их роль в типологической семасиологии. — В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 246—248; *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. М., 1974, с. 114—149; *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975, с. 116—119; *Вардуль И. Ф.* Основы описательной лингвистики. М., 1977, с. 175, ср. также: *Степанова М. Д.* Части речи и корреляция лексических единиц. — В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.

²⁴ Ср.: *Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков, с. 100—114; *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление, с. 133 и сл.; *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, с. 29—38.

например компоненты со значением направления и места при глаголах движения и положения в пространстве. Ср.: *Er betrat das Zimmer; Er fährt nach Berlin; Dresden liegt an der Elbe*. Различие между объектами при глаголах типа *geben, lesen* и дополнениями направления и места состоит в том, что в немецком языке дополнения направления и места не могут становиться субъектом предложения. Ср. также глаголы, аргументы при которых имеют значение продолжительности и качества: *dauern, wahren; aussehen, sich benehmen*.

Валентностная типология глаголов еще никем не разработана,²⁵ также не выявлены и все категориальные признаки аргументов, необходимые для ее составления. Можно, однако, отметить, что такие известные категории, как одушевленность / неодушевленность, человечность, лицо / не-лицо, конкретность / абстрактность, место, время, агенс, пациенс, атрибут, продукт и т. п., существенны для ее разработки, но недостаточны.²⁶ При выделении семантико-синтаксических типов глаголов релевантными могут оказаться различные компоненты их значений, например признак функционального назначения предмета. Так, при содержательно одновалентных глаголах свечения *leuchten, glänzen, strahlen, brennen, schimmern, glühen* субъект представляет собой «источник света» естественного или искусственного происхождения — *Lampe, Kerze, Sonne, Sterne* или «отражатель» — *Wasser, Glas, Leder, Edelsteine*, т. е. называет предмет, способный и в ряде случаев предназначенный для того, чтобы светиться собственным или отраженным светом. Характеристика свечения, как правило, является существенным признаком этого предмета и входит в семантическую структуру его значения на уровне словаря. Если имя в функции субъекта не обладает соответствующим категориальным признаком, он может добавляться к имени с помощью атрибута. Ср.: *Die regennassen Dächer der Baracken glänzten matt* (В. Apitz). При глаголах звучания *klingen, läuten, schallen, tönen, ticken* и т. д. субъект — «источник звука»: *Saite, Geige, Pflöfe, Glocke, Sirene, Uhr*. При глаголах направленного движения *gehen, laufen, fahren,*

²⁵ На материале английского языка Г. Г. Почепцовым выделены синтагматические типы глаголов: *Почепцов Г. Г. Синтагматика английского слова*. Киев, 1976, с. 15—59. — Ср. глагольную классификацию Н. И. Филичевой: *Филичева Н. И. Синтаксические поля*. М., 1977, с. 195—203.

²⁶ С помощью этих категорий производится описание валентности немецких глаголов, прилагательных и существительных в словарях валентности, составленных лингвистами ГДР: *Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben; Sommerfeldt K. E., Schreiber H. 1) Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. Leipzig, 1974; 2) Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. Leipzig, 1977*. — Сами авторы словарей отмечают, что данная система категорий далеко не всегда позволяет эксплицитно семантику аргументов, и часто прибегают к более конкретным категориям типа «жидкость», «средство передвижения» и т. п. Ср. также категории существительных в следующих работах: *Чейф У. Л. Значение и структура языка*, с. 113—191; *Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения*.

fliegen, schwimmen в качестве субъекта выступают предметы, способные к перемещению в пространстве за счет своей внутренней энергии, — машины (*Auto, Wagen, Zug, Boot*) и человек. Для объекта признак функционального назначения также может быть актуальным. Ср., например, глаголы *backen, kochen, essen, kosten, trinken*, в качестве объекта при которых употребляются имена, обозначающие предметы, пригодные в пищу, — продукты.

В зависимости от широты семантики аргументов выделяются одно- и многоаргументные глаголы, например содержательно одновалентные односубъектные и многосубъектные глаголы. Односубъектность может быть представлена на уровне конкретных имен (ср. глаголы звучания голосов животных и птиц — *trillern, wiehern, bellen, quaken*) или на уровне категориальных признаков — классов имен (например, одушевленный субъект при глаголах действия и некоторых глаголах состояния). Аналогичным образом выделяются однообъектные глаголы (ср. *herstellen*, где объект — артефакт; *hören*, где объект — то, что может звучать: *Geige, Saite, Lied, Musik, Worte* и т. п.) и многообъектные глаголы (*bekommen, bringen, warten*). Ряд глаголов почти не имеет ограничений по семантику объекта, хотя в отношении субъекта они ограничены (ср. *beschreiben, benutzen, brauchen, haben, sehen, suchen*).

Таким образом, глагол в прямом значении характеризуется определенным валентностным потенциалом, реализация которого происходит в речи. Часто глагол в одном и том же лексическом значении содержит в себе несколько «валентностных значений» и относится, следовательно, к нескольким семантико-синтаксическим типам. Например, глагол может совмещать категориальное значение состояния / процесса и значение действия; значение состояния обычно является содержательно одновалентным, а значение действия — как минимум, двухвалентным, так как в большинстве случаев предполагает наличие предмета, на который это действие направлено (см. таблицу). Разграничение значений и валентности глагола, т. е. его семантико-синтаксических типов, в речи происходит по категориальным признакам его аргументов, в первую очередь того аргумента, который является субъектом.

Глагол	Содержательно одновалентное значение состояния / процесса	Содержательно двухвалентное значение действия
<i>rauchen</i>	<i>Der Ofen raucht</i>	<i>Der Vater raucht (eine Zigarette)</i>
<i>leuchten</i>	<i>Die Augen leuchteten; Die Lampe leuchtete</i>	<i>Er leuchtete mit der Lampe</i>
<i>trocknen</i>	<i>Das Holz trocknet</i>	<i>Er trocknete die Hände mit dem Handtuch</i>
<i>zerbrechen</i>	<i>Die Tasse zerbrach; Er zerbrach (körperlich)</i>	<i>Er zerbrach die Tasse</i>

В речи субъект обычно предшествует глаголу, что связано с выполняемой им функцией темы, и тем самым достаточно однозначно «задает» (актуализирует) значение глагола.

Как видно из таблицы, появление при глаголе одушевленного субъекта — лица актуализирует значение действия и дает направленность на объект. В случае однообъектности глагола, которая иногда обусловлена онтологически, объект становится факультативным, так как его появление в тексте может оказаться избыточным с коммуникативной точки зрения. Ср. *zerbrechen* — глагол с обязательной объектной валентностью (**Er zerbrach* — не ясно, что именно разбито) и *rauchen* — глагол с факультативным объектом.²⁷ Указание на семантику объекта содержит сам глагол (*rauchen, trinken*) или глагол в сочетании с определенным субъектом (в случае многозначности глагола), ср.: *Die Arznei hilft (dem Kranken)*; *Die Witwe trauert (um ihren Mann)*. У многозначных глаголов одного признака, например признака одушевленности у субъекта, может оказаться недостаточно для актуализации значения. Так, у глагола *zerbrechen* разграничение прямого двухвалентного значения и переносного одновалентного (оба с одушевленным субъектом) происходит по признаку активности / пассивности субъекта, который иногда находит отражение в семантике членов предложения, не зависящих от содержательной валентности глагола, — обстоятельств.

У содержательно неодновалентных глаголов при употреблении в речи необходимо не только соответствие признаков аргументов признакам мест при глаголе, но и соответствие признаков имен между собой. Ср. *helfen* — *Er hilft seiner Mutter* — субъект — лицо, объект — лицо; *Die Arznei hilft dem Kranken* — субъект — вещество, медицинское средство, прямой объект — лицо с определенной характеристикой (больной). Ср. также соответствие категориальных признаков субъекта и объекта при глаголе *sich füllen*: *Das Bad füllte sich mit Wasser*; *Der Raum füllte sich mit Menschen*. В зависимости от признака функционального назначения субъекта в качестве объекта выступает вещество (вода) или человек.

Применительно к условиям употребления (коммуникативная установка предложения, особенности обозначаемого события) возможны различные случаи взаимосвязи валентности глагола и его категориальной семантики.

²⁷ Ср.: Кароляк С. Об обязательных и факультативных компонентах высказывания, с. 155—156; Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben; Зандау Г., Зоммерфельдт К. Е. Семантические условия факультативности реализации валентности. — Подробно вопрос о разграничении обязательной и факультативной валентности в данной статье не рассматривается. См.: Кибардина С. М. Соотношение содержательной и формальной валентности и абсолютное употребление многовалентных глаголов. — В кн.: Лингвистические исследования 1975. Вопросы строя индоевропейских языков. М., ч. I, 1975.

а. Глагол называет в предложении явление (состояние, действие), связанное с ситуацией *hic et nunc* — единичное, конкретное явление. Например: *Er schläft*; *Er schlief*, т. е. «здесь, сейчас» или «там, тогда»; *Er schreibt einen Brief an seinen Freund*; *Er schrieb einen Brief an seinen Freund* и *Er schreibt* — как сокращенный вариант обозначения этой же ситуации, когда остальная информация содержится в контексте. Глагол *schreiben* в таком употреблении является содержательно трехвалентным и открывает места для трех аргументов, два из которых факультативны.

б. Глагол называет постоянное свойство предмета, в его значении присутствует признак устойчивости. Глаголы действия с такой семантикой могут использоваться как для обозначения ситуации с определенными локальными и темпоральными координатами, так и вне их. Ср.: *Er schreibt*=*Er ist Schriftsteller*; *er schriftstellt*; *Er trinkt*=*Er ist ein Trinker* — как в данный момент, так и вообще. Глагол называет свойство и его проявление. Значение и валентность выделяют в обозначаемой ситуации только одного участника, так как другие участники не важны с коммуникативной точки зрения, хотя и присутствуют в ситуации. Предикаты такого рода обозначают деятельность человека, «занятость» и характеризуются широким семантическим объемом, поскольку, называя деятельность, они имплицитно указывают на ее объекты, условия, причину, цель и т. п. Ср. также глаголы *backen*, *dolmetschen*, *kellnern*, *schauspiellern*, *schlossern*, *tagelöhnern*; *betteln*, *gaunern*; *experimentieren*, *konzertieren*, *bankettieren*, *wildern*, *zaubern*. Специфической формой для выражения такого содержания является составной предикат (носитель валентности) — глагол-связка *sein* + название профессии: *Er ist Schlosser*; *Er ist Schriftsteller*.

Рассмотрим взаимосвязь категориальной семантики, валентности и условий употребления глаголов на примере глаголов речи. Глаголы речи, обозначающие процесс общения, открывают места для трех аргументов — кто, что, кому сообщает.²⁸ Ср.:

(1) *Das Kind spricht mit der Mutter von der Schule.*

(2) *Die Kinder sprechen in der Stunde.*

(3) *Das Kind spricht schon.*

В предложениях (1) и (2) глагол *sprechen* является содержательно трехвалентным, второй и третий аргументы факультативны в плане выражения; в предложении (3) *sprechen* является содержательно одновалентным глаголом и обозначает способность говорить, издавать членораздельные звуки, т. е. свойство предмета. Таким образом, за отдельно взятым предложением типа *Er spricht* скрываются два семантико-синтаксических типа глаголов, отражающих два разных «положения дел» и характеризующиеся разной категориальной семантикой глагола и его субъекта

²⁸ Ср.: Ломтев Т. П. Конституэнты предложений с глаголами речи. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.

(агенса — производителя действия, сообщающего информацию, и носителя свойства). Аналогичным образом могут быть выделены содержательно одновалентные значения и у других глаголов речи. Ср. предложения с глаголами *reden*, *lügen*. С одной стороны: *Wilhelm, du bist doch nicht tot, Tote reden nicht* (H. Nachbar); *Die Träume lügen* (D. Noll); *Die Sterne lügen nicht* (F. Dürrenmatt), — и с другой: *Er redete über das Wetter, beziehungsweise über Radar. . .* (M. Frisch); *Jemand redete im Traum* (M. Frisch); *Die Leute redeten wieder* (M. Frisch); *Die Bilder haben alle gelogen* (D. Noll).

Следует заметить, что выделение одновалентных значений возможно не у всех глаголов действия и связано как с экстралингвистическими факторами, так и с особенностями значения глагола. Ср. **er liest* = «он читатель», **er sagt* = «он умеет говорить». Соотношение между значением действия-свойства и значением конкретного действия у разных глаголов различно, что находит отражение в фиксации или нефиксации содержательно одновалентных значений в словарях. У некоторых глаголов отвлечение от предмета действия и от конкретных условий возникает окказионально в определенной речевой ситуации, когда информация об объекте не интересует говорящего. Ср.: *Junge Liebe verzeiht gern* (E. Strittmatter); *Nur der Dschungel gebärt und verwest wie die Natur will. Der Mensch plant* (M. Frisch). В семантическую структуру предложения вводится квантор всеобщности, который подчеркивается временной формой презенса. В других случаях локальные и темпоральные условия события определены, опускается только информация об объекте. Ср.: *Ich putzte meine Hermes-Baby. Herbert las* (M. Frisch), *Herbert stand und erlebte noch immer* (M. Frisch); *Lola horcht nicht. Sie denkt und sie erinnert sich* (H. Kant). В последних примерах можно говорить об одновалентном употреблении глаголов в отличие от одновалентных значений.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что существуют различные случаи взаимосвязи валентности глагола, категориальных признаков глагольного значения и его аргументов и условий употребления глагола в речи. Наличие аргументов при глаголе и их семантика определяются содержательной валентностью глагола, его принадлежностью к определенному семантико-синтаксическому типу. Появление аргументов в предложении определяется как семантическими факторами, так и особенностями обозначаемой ситуации (конкретными речевыми условиями).

До сих пор шла речь о содержательной валентности глагола, рассматривались семантические особенности аргументов и условия их появления в предложении. Входя в состав предложения, аргументы глагола получают соответствующее оформление, в немецком языке формой выражения синтаксических функций являются падежи. Субъект предложения обычно выражается именительным падежом, прямой объект — винительным падежом; отклонение от этого правила обнаруживают представители некоторых

семантических типов глаголов. Так, при некоторых глаголах состояния субъект может выражаться косвенными падежами, ср., например, глаголы *frieren*, *grauen*, *ekeln*, *zittern*, *schmerzen* — *mich friert*, *mir graut* и т. п.

В традиционной грамматике такие предложения считаются бессубъектными, хотя они и отличаются от собственно безличных глаголов типа *frieren* в *es friert*. При изменении порядка слов в предложениях с этими глаголами появляется местоимение *es*, функция которого разными исследователями определяется по-разному, в том числе и как функция субъекта: ²⁹ *Es friert mich*. По нашему мнению, *es* в таких предложениях является формальным элементом, средством актуального членения, служащим для рематизации субъекта. Ср. также другие глаголы состояния с субъектом в «сдвинутой» форме: *Es sprühte von Leuchtkäfern* (М. Frisch). *Es wimmelte von Schmetterlingen* (М. Frisch). Параллельно может употребляться форма именительного падежа: *Ich friere*; *Die Sterne wimmeln am Himmel* (Е. Strittmatter).

Прямой объект у ряда глаголов также представлен «сдвинутыми» формами — дательным, родительным или именительным падежами: *gedenken*, *harren*, *helfen*, *begegnen*, *entbehren*, *mangeln*, *fehlen*.

При рассмотрении взаимоотношений между планом содержания и планом выражения необходимо иметь в виду, что аргументы с одинаковой семантикой могут быть выражены разными падежными формами, ср. *begegnen* — *treffen*; *sich bedienen* — *benutzen*. С другой стороны, за одинаковыми формами могут скрываться глубинные семантические различия в содержательной валентности глаголов, эксплицируемые в результате анализа их значений и с помощью различных трансформаций. Например:

- (1) *Ihm frieren die Hände* — *Er friert*
- (2) *Ihm zittern die Hände* — *Er zittert*
- (3) *Ihm schmerzen die Hände* — **Er schmerzt*
- (4) *Ihm versagten die Hände* — *Er versagte*
Ihm versagte die Sprache
- (5) *Ihm mangelt Geld* — **Er mangelt*
Ihm mangelt Vernunft

Субъектом во всех этих предложениях является местоимение *ihm*, однако на этом их сходство кончается, так как, несмотря на одинаковые формальные структуры, глаголы в этих предложениях относятся к разным семантико-синтаксическим типам, и отношения между аргументами у них неодинаковы. Глаголы *frieren* и *zittern* являются глаголами физического состояния человека, второй аргумент относится к субъекту как часть к целому и в лексико-семантическом плане представляет собой часть чело-

²⁹ См., например: Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973, с. 65 и сл.; Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, с. 79—82.

веческого тела. Эти глаголы употребляются также только с субъектом, в предложениях с ними может появиться уточнение *am ganzen Leib*. Глагол *schmerzen* также обозначает физическое состояние, однако он не может быть употреблен с одним только одушевленным субъектом: **Er schmerzt (am ganzen Leib)*. Различие между глаголами *frieren*, *zittern*, с одной стороны, и *schmerzen* — с другой, состоит также в том, что при глаголе *schmerzen* могут употребляться имена, обозначающие действия. Ср.: *Das kleine Menschenwesen zitterte am ganzen Leibe* (В. Apitz); *Die Knie zittern ihm* (E. Strittmatter); *...meine Stimme zitterte* (D. Noll); *Meine Füße schmerzten* (M. Frisch); *Die verbrannten Hände schmerzten nicht mehr* (D. Noll), — но: *Das Schlucken schmerzte, die Kehle war wund* (D. Noll); *Nur vorsichtig konnte er über die Stellen streifen, wo die Knute getroffen hatte, die Berührungen schmerzten* (В. Apitz).

Глагол *versagen* относится к глаголам изменения состояния и имеет значение «прийти в негодность, перестать функционировать, отказать», второй аргумент при нем обозначает части тела и различные свойства человека (способность говорить, думать и т. п.). В предложении *Er versagte* глагол имеет несколько иное значение — «быть не в состоянии что-либо сделать», в категориальном плане это глагол действия. Например: *Fermi versagte wie ein Ballettänzer bei einem Gepäckmarsch* (H. Kant); *In den letzten Wochen hat Gott selten versagt* (E. Strittmatter). Ср. также: *Der Motor versagte*.

В предложениях с глаголом *mangeln* второе место занимают неодушевленные имена, обозначающие вещи и абстрактные понятия, имеющие отношение к человеку. Предложения такого типа представляют собой вариант той же глубинной структуры, что и предложения с глаголом *haben*: *Er hat (kein) Geld, keine Vernunft* (ср. рус. *у него нет денег; у него есть деньги*).

Все анализируемые выше глаголы характеризуются однозначным соотношением между содержательной и формальной валентностью. В случае использования «сдвинутых» форм выражения, как это имело место у глаголов *frieren*, *mangeln*, *helfen* и т. п., это соотношение сохраняется. Рассмотрим группу глаголов с более сложными валентностными отношениями — глаголы, сочетающиеся с событийными именами, обозначающими целостные события: *sich ereignen*, *passieren*, *geschehen*, *stattfinden*, *vor sich gehen*, *sich vollziehen* и др.³⁰ Предложения с этими глаголами являются содержательно бессубъектными, эквивалентами содержательно бессубъектных предложений с формальным субъектом *es*, и глагол выполняет в них функцию вербализатора — структурную функцию

³⁰ Полный список этих глаголов см. в работе Л. Вайсгерберга: *Weisgerber L. Zum Sinnbezirk des 'Geschehens' im heutigen Deutsch.* — In: *Festschrift für Jost Trier zum 70. Geburtstag.* Köln, 1964. — Подробнее об особенностях валентности этих глаголов см.: *Кибардина С. М. Теория валентности и «событийные» глаголы.* — В кн.: *Лингвистические исследования 1976. Грамматические категории.* М., 1976.

организации предложения.³¹ В связи с этим отметим, что при семантически нерасчлененном обозначении события и двухкомпонентной структуре предложения в немецком языке возможны два случая распределения содержания между двумя поверхностными синтаксическими компонентами, один из которых лишен всякого предметного содержания и выполняет только структурную функцию.

I. Содержание события выражает глагол, а субъект при нем является формальным; в немецком языке таким формальным субъектом служит местоимение *es*: *es blitzt, es donnert*.

II. Содержание события выражает имя, а глагол является формальным или полуформальным элементом: *der Regen fällt; der Kampf hat begonnen*. Основанием для рассмотрения таких предложений как содержательно бессубъектных служит характер событийных значений, выражающих действительность «непосредственно и прямо»: «Задачей предиката в предложении является эксплицирование субстанциональных значений и превращение их в элементы предложения. . . Но событийные значения не нуждаются в таком эксплицировании как раз в силу глобальности своих значений, отображающих событие в целом».³² В. Г. Так отмечает, что исходной глубинной структурой для предложения *бой кончился* должен быть «глагол без указанного конкретного субъекта (нечто вроде **кончили биться*). . .».³³ В предложениях с событийными именами глагол, если он есть, лишен предметного содержания и является вербализатором, указывающим на грамматические признаки протекания события: время, степень завершенности, длительность и т. п. Ср. примеры бессубъектных в плане содержания предложений с глаголом-вербализатором: *Die Besprechungen hatten . . . in Strucks Büro stattgefunden* (E. Strittmatter); *In wenigen Minuten hatte sich die Bewaffnung vollzogen. . .* (B. Apitz); *Hier war ein Gotteswunder geschehen* (B. Apitz); *Andere Sachen waren passiert* (E. Strittmatter); *Doch ist das Unglück geschehen. . .* (F. Dürrenmatt); *Der Gottesdienst hat begonnen* (H. Nachbar).

Имя в именительном падеже в таких предложениях имеет событийное значение, дающее представление о характере события — его участниках, условиях и т. д., или атрибутивную (часто модальную) характеристику происходящего, не называя его содер-

³¹ О глаголах-вербализаторах см.: *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление, с. 142—143; *Вейсрейх У.* О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V, с. 211.

³² *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление, с. 167; см. также примечание 19. — Ср. замечание X. Бринкмана относительно событийных значений: «In diesen Begriffen kann der Übergang vom Substantiv zum Verbum deswegen so leicht erfolgen, weil Begriffe wie Regen, Zweifel, Reise im Grunde nur als Ereignis eine Realität haben» (*Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2. Aufl. Düsseldorf, 1971, S. 224).

³³ *Так В. Г.* К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 84.

жания. Если имена не несут в себе информации о содержании события, а только характеризуют его, то такая информация обычно содержится в контексте: *Da geschah etwas Merkwürdiges, Bogorski begann vor sich hin zu lachen, leise und mit schütterten Schultern* (В. Apitz); *Das Wunder geschah: Goldmarie Märkte hatte mehr Männer als Ringe an der Hand* (Е. Strittmatter); «*Aber da ist noch ein kleines Pech passiert. Sie haben vor ihrem seligen Ende noch gebeichtet*» (В. Apitz).

Событийные имена, указывающие на содержание события, можно сравнить с рассмотренными выше глаголами, называющими деятельность человека. Различие между ними в том, что глаголы выделяют в обозначаемом «положении дел» одного участника, а событийные имена вообще обходятся без расчленения события.

Большинство рассматриваемых глаголов не обладает содержательной валентностью, но некоторые из них могут открывать место для субъекта и становиться, таким образом, содержательно одновалентными, например глаголы *widerfahren, zustoßen, unterlaufen, sich darbieten*. Ср.: *Ihm ist ein Unglück widerfahren; Stanislaus war eine große Gnade widerfahren* (Е. Strittmatter). У глаголов *passieren, geschehen, vorkommen* и некоторых других аргумент является факультативным. Появление такого субъекта возможно лишь в предложениях, где имя в именительном падеже является атрибутивной характеристикой глагола. Например: *Die Einlieferung in den Bunker war vor sich gegangen, ohne daß den beiden etwas geschehen war* (В. Apitz); *Das Gefährlichste, die Überquerung des breiten Revierwegs stand ihm bevor* (В. Apitz). Такой же валентностью обладают глаголы *gelingen, glücken, klappen, schiefgehen*, у которых модальная характеристика включена в значение. Эти глаголы соотносят нерасчлененное обозначение события с одним участником: *Und ihm allein ist die Flucht geglückt* (А. Seghers); *Robert fühlte, ihr Fest war gelungen* (А. Seghers).

У глаголов *widerfahren, passieren, gelingen, glücken* и т. п. единственный аргумент выражается косвенными падежами. В немецком языке есть глагол, субъект при котором употребляется в именительном падеже, а модальная характеристика включена в значение глагола, — глагол *verunglücken*. Ср.: *...dieser Mann ... sei voriges Jahr tödlich verunglückt* (А. Seghers).

При сравнении этих глаголов с другими одновалентными глаголами состояния / процесса обнаруживается параллелизм форм выражения с той разницей, что у глаголов типа *passieren, geschehen* преобладают «сдвинутые» формы. Ср.:

Es friert (mich) — *Ich friere*

Ein Unglück ist (ihm) passiert — *Er ist verunglückt*

Рассмотренные глаголы представляют собой далеко не единственный случай неоднозначного соотношения между содержательной и формальной валентностью, когда компоненты глубинной семантической структуры по-разному распределяются в структуре предложения.

В ходе изложения неоднократно отмечалось, что определение валентности и анализ особенностей содержательной и формальной валентности относятся к прямому значению глагола. В случае реализации прямого значения в речи имена в функции субъекта и объекта имеют категориальные признаки, совпадающие с признаками мест, открываемых глаголом. Однако дело не всегда обстоит так. В определенных условиях функции субъекта и объекта могут выполнять имена, не обладающие необходимыми признаками. Рассмотрим это явление на примере одновалентных глаголов.

При содержательно одновалентных глаголах, открывающих место для одного аргумента с категориальными признаками — предметность, конкретность, одушевленность / неодушевленность, активность / пассивность, определенное функциональное назначение, могут употребляться имена с другими категориальными признаками. Несоответствующий признак может занимать различное положение в иерархии. Если это низший признак, то нарушается сочетаемость внутри семантического типа. Ср., например, употребление глаголов звучания голосов человека и животных с названиями неодушевленных предметов: *Linden und Kastanien zischelten wie warnende Weiber* (E. Strittmatter); *Die Zugmaschine kläfft* (E. Strittmatter) — и глаголов разрушения растительных организмов и неодушевленных предметов с субъектом — лицом: *Ich verfaule, ich verwese! Ich liege in den letzten Zügen* (F. Dürrenmatt); *Lena vertrocknete von der Hitze in der Glasfabrik* (E. Strittmatter); *Höfel nahm den Frost nicht mehr an. Er zerfiel immer mehr* (B. Apitz).

В случае несоответствия высшего признака при содержательно одновалентных глаголах, обозначающих состояния и процессы, касающиеся человека и неодушевленных предметов, употребляются абстрактные имена, обозначающие события, действия, состояния, чувства, эмоции, временные и пространственные отношения и т. п. Например:

Глаголы свечения: *Das Lebensgefühl flammte auf und gab seiner Seele einen Schwung* (B. Apitz); *In seinem Innern war der Gedanke noch nicht erloschen — zurück* (A. Seghers).

Глаголы звучания: *Die Luft im Raum schrie, die Wände konnten die Schreie nicht schlucken. . .* (B. Apitz); *Die Freude summt wie eine Biene im Sommer. . .* (A. Seghers); *Wahrhaftig, in diesem Buch knistert und rauscht die Wirklichkeit* (A. Seghers).

Глаголы, обозначающие различные физические состояния: *Der Morgen erwachte mit klirrendem Frost* (D. Noll); *Gefrorene Wünsche erwachten* (E. Strittmatter); *Es war früh, und der Staat schlief noch* (E. Strittmatter); *Ihre Gedanken waren erstarrt, und nur der Gehörsinn blieb hell wach* (B. Apitz); *Wünsche brachen auf, die schmerzten wie Wunden* (E. Strittmatter); *Nicht nur seine Schrift ist verraucht, verraucht ist die Liebe* (A. Seghers).

Глаголы разрушения: *. . . aber in plötzlicher Mattheit verwelkte das viel zu starke Triumphgefühl* (B. Apitz); *Die Liebe der*

Büdnern vertrocknete (E. Strittmatter); *Dann brachen jegliche Illusionen zusammen* (D. Noll); *Die Spannung nur war es, die zerbarst* (B. Apitz).

Глаголы движения: *Sie schweigt, nur die Gedanken laufen weiter* (H. Nachbar); *Timpe's Mißtrauen fliegt mit dem Blaudunst der Zigarette davon* (E. Strittmatter); *Die Erinnerung kehrte zurück* (D. Noll); *Die Welt hatte gebebt vor Angst, auch die Sterne hatten gebebt* (E. Strittmatter).

При употреблении в функции субъекта имени с несоответствующими категориальными признаками имеет место метафора — имя как бы наделяется признаками, необходимыми для сочетания с данным глаголом. Частный случай этого явления — персонификация, «одушевление» неодушевленного предмета. В других случаях можно было бы говорить об «овеществлении», «озвучивании» и т. п. Ср. также: *Der Tod rast auf einen zu wie eine Lokomotive, die Ewigkeit pfeift einem um die Ohren, Schöpfungen heulen auf, krachen zusammen, ein Riesenunfall das Ganze* (F. Dürrenmatt); *... es ist, als würfe man die Gedanken ins Wasser. Sie schwimmen noch eine Weile, saugen sich dann voll wie ein morsches Brett und versinken* (H. Nachbar).

В приведенных предложениях абстрактные имена наделяются признаками предметности и одушевленности, приобретают способность передвигаться, издавать звуки, что часто подчеркивается дополнительными средствами: членами предложения, не зависящими от содержательной валентности глагола, — обстоятельствами и атрибутами (ср. *wie eine Lokomotive, wie ein morsches Brett*). Интересно отметить, что с коммуникативной точки зрения с обозначаемым событием связано имя, а не глагол, и предложения с ними, хотя и сделаны «под движение», «под звучание» и т. д., на самом деле называют другие явления. Возможность сочетания абстрактных имен с конкретными глаголами создается за счет периферийных сем в семантической структуре имени, например семы «движение». Ср.: *Seine Blicke wanden sich um die Bögen und wirrten sich wie eingesperrte Mäuse durch das Geschlinge der Knoten* (E. Strittmatter).

В некоторых случаях несоответствие категориальных признаков имен признакам мест при глаголе сопровождается усложнением соотношения содержательной и формальной валентности предиката и, следовательно, глубинной и поверхностной структур предложения. Например: *In seinen Augen flackerte die Nervosität* (B. Apitz); *In seinen Augen glänzte die Angst* (B. Apitz); *Krämer atmete abgehetzt, das heiße Fieber glänzte ihm aus den Augen* (B. Apitz).

Традиционная грамматика выделила бы в этих предложениях субъект — *Nervosität, Angst, Fieber*, — выраженный абстрактным существительным в именительном падеже, и обстоятельство места *in seinen Augen*. В плане содержания (с точки зрения содержательной валентности) приведенные предложения являются результатом совмещения двух предложений с двумя глаголами

состояния с разными аргументами: *Er war nervös. Seine Augen flackerten (deshalb); Er hatte Angst. Seine Augen glänzten; Krämer hatte Fieber. Seine Augen glänzten.*

Эти предложения выражают ту же глубинную семантическую структуру, что и предложения: *Seine Augen flackerten vor Nervosität; Seine Augen glänzten vor Angst; Seine Augen glänzten vor Fieber*, но поверхностная семантическая структура в них не изоморфна глубинной. С точки зрения глубинной семантики, в рассматриваемых предложениях присутствуют два субъекта: местоимение *er*, скрытое в форме притяжательного местоимения *seinen*, и существительное *Augen*; абстрактные существительные, выражающие чувства, эмоции и состояния человека, представляют собой атрибутивные характеристики глагола и могут рассматриваться как обстоятельство причины. Аналогичное явление наблюдается и у других семантических типов содержательно одновалентных глаголов. Ср. также глаголы звучания: *Vor dem geöffneten Fenster raunt der Sommerwind in den Kastanienblättern* (E. Strittmatter); *Der Frost knackt in den Bäumen vor dem Fenster* (E. Strittmatter). С точки зрения содержательной валентности, субъектом в этих предложениях являются существительные *Kastanienblätter, Bäume*, а событийные имена *Sommerwind, Wind* представляют собой обстоятельства причины. Исходными предложениями для той же глубинной семантической структуры будут: *Die Kastanienblätter raunen im Sommerwind; Die Bäume vor dem Fenster knacken vor (unter) dem Frost*. На поверхностном синтаксическом уровне часто имеет место персонификация. Ср. также глаголы других семантических типов: *Jankowski flatterte wie ein gefangener Vogel* (B. Apitz) — *Wie ein aufgeschreckter Vogel flatterte die Angst in ihm* (B. Apitz); *Der Angstschweiß bricht mir aus* (F. Dürrenmatt) — *Ich schwitze vor Angst. Die Erregung versagte ihm die Sprache* (B. Apitz) — *Ihm versagte die Sprache vor Erregung*.

Таким образом, при появлении в предложении членов с категориальными признаками, не соответствующими признакам мест, открываемых глаголом, отношения между планом содержания и планом выражения усложняются. Рассмотренный материал позволяет также сделать вывод более общего порядка, касающийся синтаксической деривации: ³⁴ исходными, первичными, наиболее простыми в деривационном смысле являются предложения, семантическую структуру которых определяет глагол с однозначным соотношением содержательной и формальной валентности, субъект и объект при котором соответствуют категориальным признакам мест при глаголе.

Синтаксически производные предложения представляют собой результат взаимодействия различных явлений плана содержания и плана выражения — несоответствия содержательной и формаль-

³⁴ Ср.: Мразек Р. Синтаксическая деривация. — *Slavica Slovaca*, 1974, N 3, p. 288—289.

ной валентности, переосмысления лексических значений, совмещения в одном предложении нескольких предикатов и наличия поэтому в одном предложении нескольких субъектов. Среди производных предложений, очевидно, можно выделить различные типы. Одним из них, например, являются сложные предложения, где событийное имя выступает одновременно как событийное значение с глаголом-вербализатором и как субстанциональное значение — производитель действия: *Zur Nacht fällt Regen und weicht die Frosthaut der Erde auf* (E. Strittmatter); *Der Schuß schmetterte und ließ die Kanonen aufbocken* (D. Noll); *Der Winter war vergangen, er hatte die Geranien verdorren lassen* (B. Apitz). Ср. также предложения, основанные на переносном употреблении глаголов и соотносящие нерасчлененное обозначение события с содержательным субъектом: *In Förstes Brust vollzog sich ein verzweifelter Kampf* (B. Apitz); *In meinem Innern gehen Veränderungen vor, die mich vor ein wissenschaftliches Rätsel stellen* (H. Kant); *In Gay erwachte das Jagdfieber* (B. Apitz); *In Annegret glomm neue Hoffnung* (E. Strittmatter); *Ein Licht ist mir aufgegangen. . .* (F. Dürrenmatt).

Содержательная валентность глагола — явление сложное, многоаспектное. Мы рассмотрели некоторые из проблем теории валентности — выделение типов валентности, анализ и классификацию лексических значений глагола и его аргументов, условия реализации валентности в предложении, соотношение содержательной и формальной валентности и их некоторые особенности в немецком языке. Подводя итог, необходимо отметить, что существуют и другие проблемы, важные в плане определения и описания членов предложения, которые были затронуты в нашем изложении лишь вскользь, — определение валентности глагольного значения, разграничение обязательной и факультативной валентности, условия реализации факультативной валентности, распределение аргументов по синтаксическим функциям, семантические отношения в предложении между «дополнениями» и обстоятельствами и ряд других проблем. Изучение всех этих вопросов на материале разных языков будет способствовать созданию универсальной теории членов предложения.

Список литературных источников

- Apitz B. *Nackt unter Wölfen*. Leipzig, 1971.
Dürrenmatt F. *Zwei Dramen* (Frank der Fünfte; Der Meteor). Berlin, 1970.
Frisch M. *Homo Faber*. Berlin, 1974.
Kant H. *Die Aula*. Berlin, 1968.
Nachbar H. *Der Mond hat einen Hof*. Berlin, 1967.
Noll D. *Die Abenteuer des Werner Holt*. Roman einer Jugend. Berlin und Weimar, 1970.
Seghers A. *Das Vertrauen*. Berlin und Weimar, 1970.
Strittmatter E. *Ole Bienkopp*. Berlin und Weimar, 1967.
Strittmatter E. *Der Wundertäter*, Bd 1. Berlin und Weimar, 1974.

Е. Б. Аристова

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТА И АГЕНТИВНЫЕ СИНТАКСЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматические категории в языках различных типов неоднозначны. Одни из них «систематически выражены во всех известных языках, в то время как другие передаются факультативно, а иногда вообще не дифференцированы и соединены близкими значениями».¹ К первым несомненно относятся категории субъекта и объекта — за ними стоят важнейшие для человеческого общения понятия, которые не могут не быть выражены в языке. Рассматривая субъектно-объектные отношения, Э. Сепир писал, что ни один из известных ему языков не может без них обойтись.²

Однако универсальность грамматической категории субъекта (а также объекта) не означает, что она понимается однозначно. В грамматической литературе мы находим самую различную трактовку термина «грамматический субъект». В одних случаях под этим термином подразумевается подлежащее, в других — деятель, в-третьих, как отмечает М. М. Гухман, — производитель признака (при анализе эргативных конструкций).³ Наиболее распространенным является отождествление понятий «грамматический субъект» и «подлежащее». Определение подлежащего посредством понятия субъекта встречается не только в нормативных грамматиках, но и в специальных исследованиях. Так, академик И. И. Мещанинов следующим образом определяет подлежащее: «...подлежащим называется отдельный член предложения, выражающий субъект».⁴ А. И. Смирницкий писал: «Субъект в предложении находит выражение в подлежащем. Следовательно, подлежащее представляет собой слово или сочетание слов, которыми обозначают субъект».⁵ А. Мартине считает, что подлежащее, «называемое субъектом, обозначает активного и пассивного участника событий».⁶ Следствием указанного положения вещей яв-

¹ Ярцева В. Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках различных типов. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. (Мещаниновские чтения). Л., 1972, с. 10.

² Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934, с. 73.

³ Гухман М. М. Позиция подлежащего в языках разных типов. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. (Мещаниновские чтения), с. 22.

⁴ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978, с. 207.

⁵ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 108—111.

⁶ Мартине Э. Основы общей лингвистики. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, т. III, с. 478.

ляется объединение под термином «подлежащее» единиц, имеющих самое различное синтаксико-семантическое содержание. С одной стороны, это единицы со значением «активно действующего лица, предмета» (деятеля), «носителя какого-либо признака» (качества, состояния), как в следующих предложениях: *The boy was reading a book*; *The boy was ill*; *The boy was smart*. В первом случае в позиции подлежащего мы имеем элемент, наделенный признаком агентивности (обозначает «субъект действия»), во втором — элемент, имеющий значение носителя состояния (обозначает «субъект состояния»), в третьем — значение носителя качества (обозначает «субъект качества»).

С другой стороны, единицы, обладающие общим синтаксико-семантическим содержанием, например признаком агентивности (обозначающие производителя действия), в учении о главных и второстепенных членах предложения подводятся под наименования разных членов предложения — подлежащего и дополнения. Так, в предложениях со сказуемым в действительном и страдательном залоге традиционно выделяют два различных подлежащих. В активной конструкции подлежащее совпадает с наименованием предмета, производящего действие, в пассивной конструкции подлежащее обозначает предмет, на который направлено действие, как например в следующих предложениях: *Peter invited the boy*; *The boy was invited by Peter*. Тем самым элементы, обладающие общим синтаксико-семантическим признаком, а именно признаком агентивности, оказываются отнесенными к разным синтаксическим рядам.

Более последовательным представляется анализ подобных элементов в терминах синтаксем, которые могут обладать признаком агентивности. В частности, А. М. Мухин отмечает, что за понятием «субъект действия», в отличие от «субъекта состояния», «субъекта качества» и т. д., стоят агентивные синтаксемы.⁷ Агентивная синтаксема⁸ — это элементарная, далее неделимая единица — инвариант, способный обладать совокупностью синтаксико-семантических признаков, из которых ведущим и обязательным является признак агентивности. Агентивные синтаксемы устанавливаются в предложении в определенных синтаксических позициях, а именно в позиции ядерного предикцируемого компонента (NP_1), в позиции неядерного зависимого компонента при причастии II ($\bar{N}D_{PII}$), а также в позиции зависимого компонента при существительном и герундии ($\bar{N}D_s$ и $\bar{N}D_g$).

Компоненты предложения выделяются на основе синтаксических связей в рамках каждого отдельного предложения и харак-

⁷ Мухин А. М. Синтаксемы и средства их выражения. — В кн.: Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика (Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького, вып. 112). М., 1977, с. 43.

⁸ Этот же термин используется И. Ф. Вардулем, который указывает и на отличия его понимания синтаксем от истолкования их А. М. Мухиным (см.: Вардуль И. Ф. Основы описательной лингвистики. Л., 1977, с. 209).

еризуются синтаксическими признаками ядерности, неядерности, предикцируемости, предикцирования, зависимости. Так, на базе ядерной предикативной связи, составляющей структурную основу двухъядерного (двусоставного) предложения, устанавливается ядерный предикцируемый и ядерный предикцирующий компоненты; на базе же субординативной связи (односторонне направленной синтаксической связи) определяется неядерный зависимый компонент. Синтаксемы, выступающие в позиции того или иного компонента предложения, помимо некатегориального синтаксико-семантического признака (в частности, признака агентивности) могут быть наделены категориальным признаком, например субстанциальным (обозначение субстанции или предмета), процессуальным (обозначение процесса) или квалификативным (обозначение признака, характеристики). Синтаксемы и их варианты обладают также формальными дистрибутивными особенностями, каковыми являются их сочетаемость с другими синтаксемами, их местоположение и позиционные возможности. В этих формальных признаках проявляется различие синтаксико-семантического содержания синтаксем.⁹

Для определения содержания синтаксем, а также их дистрибутивных возможностей используется метод эксперимента — проведение различного рода трансформаций.¹⁰ Опираясь на этот метод, подвергнем анализу различные агентивные синтаксемы в предложениях современного английского языка.

I.1. Позицию ядерного предикцируемого компонента (NP₁) можно рассматривать как сильную позицию агентивной синтаксемы. В этой позиции она обязательно сочетается с активной (обозначающей действие) синтаксемой на основе ядерной предикативной связи, как например в предложениях: *Poirot's hand flew swiftly to a dramatic salute* (C. S. : 90); *Craig's good humor returned briefly* (W. P. : 73); *She opened the front door* (C. G. : 53); *It hit him on the temple* (M. S. C. : 147).

Сочетаемость с активной синтаксемой (*flew, returned, opened, hit*) можно определить как обязательную, так как с ее помощью устанавливается признак агентивности у синтаксемы в позиции NP₁. Изучению активных элементов в плане отграничения их от стативных посвящен целый ряд специальных исследований, в которых указывается на то, что активные и стативные элементы сочетаются в предложении с разными типами наречий.¹¹ В ка-

⁹ См.: *Мухин А. М.* Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка). М.; Л., 1964, с. 272—276.

¹⁰ *Мухин А. М.* Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976, с. 102.

¹¹ См.: *Алисова Т. Б.* К вопросу о так называемых стативных предикатах. — В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы секционных заседаний. М., 1974, с. 55—60; *Филимонова О. Е.* Стативные синтаксемы в современном английском языке. АКД. Л., 1978, с. 81; *Miller J.* The Stative Verbs in Russian. — In: Foundations

честве исходного принимается положение о том, что активные элементы в отличие от стативных способны сочетаться с наречиями типа *rapidly, intently, energetically*. Трансформация с введением этих наречий может использоваться для отграничения активных синтаксем от стативных (в позиции NP₂), например:

Old Rudy Hermant . . . sat back . . . (H. F. : 6) → *Old Rudy Hermant . . . energetically sat back . . .* (ср. *The quietness between us continued until I said* (C. G. : 161) → **The quietness between us energetically continued until I said*).

. . . the faller stewardess was addressing them on the intercom (W. P. : 88) → *. . . the taller stewardess was intently addressing them on the intercom* (ср. *The air smelled of sausage* (C. W. : 46) → **The air intently smelled of sausage*).

He switched his radio to the frequency of airport maintenance (H. A. : 443) → *He rapidly switched his radio. . .* (ср. *. . . they belonged to someone else* (S. O. : 133) → **. . . they rapidly belonged to someone else*).

Сочетаемость агентивной синтаксемы в позиции NP₁ с активной синтаксемой в позиции NP₂ позволяет отграничить рассматриваемую агентивную синтаксему от синтаксемы носителя качества, синтаксемы носителя состояния. Ни синтаксема носителя качества, ни синтаксема носителя состояния в позиции NP₁ не может сочетаться с активной синтаксемой в позиции NP₂. Каждая из них характеризуется собственной обязательной сочетаемостью. Сравните следующие предложения: *But she was rich and handsome* (Т. Н. : 138) и *She sat motionless* (Т. Т. : 269). Для синтаксемы носителя качества (*she*) обязательна сочетаемость с качественной синтаксемой (*was rich and handsome*), для синтаксемы носителя состояния (*she*) — со стативной синтаксемой (*sat*).

Агентивная синтаксема в позиции NP₁ может быть выражена существительными самой разнообразной семантики, в частности одушевленными и неодушевленными. В предложениях *The call didn't come from the house* (C. S. : 115) и *. . . his son came* (G. F. I : 163) в позиции NP₁ находится агентивная синтаксема. Несмотря на различные лексические средства выражения (в первом предложении агентивная синтаксема выражена неодушевленным существительным, во втором — одушевленным), обе синтаксемы обладают одинаковыми дистрибутивными возможностями. Под последними понимаются сочетаемость, местоположение (находятся в препозиции к активной синтаксеме) и позиционные возможности. Так, агентивная синтаксема, выраженная как одушевленным, так и неодушевленным существительным, способна употребляться не только в позиции NP₁, но и в позиции зависимого компонента (ND), например: *Leon had . . . been stopped by Lauretta's call* (C. B. : 221); *A few moments later the door was opened by her*

son (O. S. : 105). Говоря же о сочетаемостных возможностях агентивной синтаксемы, мы прежде всего имеем в виду сочетаемость ее с активной синтаксемой на основе ядерной предикативной связи (в рассматриваемых предложениях *didn't come, came*), а также способность сочетаться с другими синтаксемами, в частности посессивной, дефинитной, выраженной указательным местоимением, например: *The call didn't come from her house* → *His call didn't come from her house* (ср. . . . *his son came*); *The call didn't come from her house* → *That call didn't come from her*; . . . *his son came* → *that son came*. Таким образом, обе синтаксемы (*the call, son*) в позиции NP₁ обладают признаком агентивности. Однако агентивная синтаксема, выраженная существительным *call*, наделена дополнительным синтаксико-семантическим признаком активности (обозначает действие) и по этому признаку входит в парадигматический ряд активных синтаксем.¹²

Собственно агентивная синтаксема (наделенная одним лишь некатегориальным признаком агентивности) в позиции NP₁ представлена существительным в общем падеже (вариант S) и личными местоимениями (варианты *I, you, he, she, it, we, they*).¹³ Субстантивный (S) и местоименные варианты (*he, she, they, it*) часто являются факультативными, т. е. взаимозаменяемыми, вариантами агентивной синтаксемы, ср.: *Sarah took her letter from her pocket* (C. B. : 138) → *She took her letter from her pocket*; *The constable strolls on* → *He strolls on*; *Six years of exhaustive labours had taken their toil* (W. P. : 60) → *They had taken their toil*; *The whole thing broke up in a year or two* → *It broke up in a year or two*. Личные местоимения *he, she, they, it* являются анафорическими.¹⁴ Они составляют ядро анафорических местоимений.¹⁵ Поэтому в ряде случаев их можно рассматривать как коннотативные варианты агентивной синтаксемы, например когда агентивная синтаксема выражена существительным с неопределенным артиклем, ср.: *A man . . . come out* (H. D. : 134) — *He . . . came out*. К числу коннотативных вариантов собственно агентивной синтаксемы относятся местоимения *you, we, I*. Коннотативные варианты имеют различные смысловые оттенки, связанные с ситуацией, например: *Two men struggled in the van with a chest of drawers* (C. T. : 51) → *We struggled . . . You struggled . . .*; *The girl took another long pull at the cigarette . . .* (H. W. : 31) → *I took another long pull at the cigarette* → *You took another long pull at the cigarette*.

¹² Об агентивной активной синтаксеме подробнее см. ниже.

¹³ О вариантах синтаксем, выраженных личными местоимениями, см.: Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л., 1980, с. 39—41.

¹⁴ Анафорический — указывающий на предшествующее слово или слова. См.: Азманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 47.

¹⁵ См.: Ещенко Ю. Ф. Об анафорических местоимениях в современном английском языке. — Вестн. Харьк. ун-та, вып. II, 1978, № 170, с. 25.

Субстантивный вариант агентивной синтаксемы сочетается на основе субординативной связи с синтаксемами из категории квалификативных, как например в следующих предложениях: . . . *and his well-trained servant, George, entered* (С. Т. : 5); *No obstacle prevented her from returning to it* (S. C. : 276); *Plenty of people have gone through medical school with a baby* (H. F. : 199); . . . *these statistics described him almost exactly* (W. P. : 39); *A sort of instinct often leads ladies . . . to conclusions truer than . . .* (H. D. : 142); *Few physicians could escape errors like this* (H. F. : 30); *Three more men entered the bus* (F. P. : 10); *Don't know what things will come to next* (С. Т. : 103). Агентивная синтаксема, выраженная существительным, также может сочетаться с синтаксемами из категории субстанциальных: *Of all her brothers and sisters James manifested the most emotion* (G. F. I : 116); . . . *and her mind began to enlarge upon the fact* (F. V. : 168). В отличие от субстантивного варианта, агентивная синтаксема, выраженная личными местоимениями, почти полностью лишена способности сочетаться с другими синтаксемами на основе субординативной связи. Некоторое исключение составляют варианты *we*, *they*, которые сочетаются с социативной синтаксемой, выраженной наречием *together*, например: . . . *and together they made a wide circle around the big house* (С. В. : 206). Местоименные варианты агентивной синтаксемы могут также сочетаться с синтаксемами, которые входят в парадигматический ряд интенсифицирующих синтаксем, например с собственно-интенсифицирующей, рефлексивной интенсифицирующей: *He alone of those in the room remembered the death of his mother* (G. F. I : 116); . . . *and he lost some money himself in a fraudulent company* (С. S. : 181). Таким образом, изучение сочетаемостных возможностей собственно агентивной синтаксемы подтверждает ведущую роль субстантивного варианта (S), который является ее основным вариантом.

К дистрибутивным особенностям относится и их местоположение. Собственно агентивная синтаксема в позиции NP₁ употребляется обычно в препозиции к активной синтаксеме (см. приведенные выше примеры), иногда — в постпозиции, например: . . . *in his ears hammered still the harsh notes of the mechanical piano* (M. C. : 9); *There came a morning at the end of September* (G. F. I : 114).

2. Агентивная синтаксема в позиции зависимого компонента при причастии II ($\bar{N}D_{PII}$) связана субординативной связью с активной направленной синтаксемой, выраженной сочетанием связочного глагола с причастием II: *It was opened almost at once by a tall distinguished-looking woman* (С. Т. : 145); *Her face . . . was divided into compartments by the little ridges of pouting flesh* (G. F. I : 115). Речь идет о так называемых пассивных конструкциях, в которых часто усматривают глагольную форму в страдательном залоге. Как уже отмечалось, за противопостав-

лением так называемого действительного (активного) и страдательного (пассивного) залога в современном английском языке стоят единицы синтаксического уровня — синтаксемы.¹⁶ В предложениях *He read it* и *It was read by him* местоименные элементы в позиции NP_1 содержательно различаются тем, что один из них наделен признаком агентивности, другой — признаком объектности (обозначает объект действия). Другими словами, в позиции NP_1 в первом предложении мы имеем агентивную синтаксему (*he*), во втором — объектную (*it*). Аналогичным образом, сопоставляя беспредложный и предложный элементы в позиции $\bar{N}D$, можно прийти к выводу, что в первом случае мы имеем дело с объектной синтаксемой (*it*), во втором — с агентивной (*by him*). При наличии сходного синтаксемного состава становится возможной трансформация предложения с агентивной синтаксемой в позиции $\bar{N}D_{PII}$ в предложение с агентивной синтаксемой в позиции NP_1 , например: *It was read by him* → *He read it*. Возможность данной трансформации обуславливается тем, что исходное предложение и трансформация содержат одни и те же субстанциальные синтаксемы: агентивную (варианты *he*, *by him*) и объектную (вариант *it*).

Таким образом, трансформация депассивизации может служить в большинстве случаев доказательством наличия признака агентивности у синтаксемы в позиции $\bar{N}D$ при причастии II. Однако трансформация депассивизации имеет некоторые ограничения. В ряде случаев пассивные предложения не содержат агентивной синтаксемы, хотя включают в себя сочетание с предлогом *by* в позиции $\bar{N}D$. Это можно показать с помощью трансформации депассивизации с одновременным введением агентивной синтаксемы, выраженной, в частности, местоимением *they*, например: (1) *The . . . road was shaded by pepper-trees* (M. S. M. : 198); (2) *They shaded the road by pepper-trees*; (3) *The . . . dog had been treated with . . . substance S* (W. P. : 50); (4) *They had treated the . . . dog with . . . substance S*. В предложениях-трансформах (2) и (4) в позиции $\bar{N}D$ употреблена инструментальная синтаксема, что подтверждается трансформацией замены сочетаниями *by means of S*, *with the help of S*: *They shaded the . . . road by pepper-trees* → *They shaded the . . . road by means of pepper-trees*; *They had treated the . . . dog with . . . substance S* → *They had treated . . . the dog with . . . the help of substance S*.

В предложениях (1, 2) и (3, 4) мы имеем идентичные субстанциальные синтаксемы (если не учитывать агентивную синтаксему *they*), в частности инструментальную синтаксему (*by pepper-trees*, *with . . . substance S*). Итак, в исходных предложениях (1, 3) в позиции $\bar{N}D_{PII}$ мы обнаруживаем инструментальную (но не агентивную) синтаксему. В других же предложениях, содержащих агентивную синтаксему в позиции $\bar{N}D_{PII}$, проведение подоб-

¹⁶ См.: Мушин А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976, с. 95—126.

ной трансформации оказывается невозможным: *No view was expressed by any other member of the family* (G. F. I : 293) → **They expressed no view by any other member of the family*; *Once again I was seized with vertigo* (M. M. : 153) → **Once again they seized me with vertigo*.

Агентивная синтаксема в позиции $\bar{N}D_{PII}$ представлена следующими вариантами: сочетанием существительного, с предлогом *by* (вариант *by S*), сочетанием существительного с предлогом *with* (вариант *with S*), сочетаниями личных местоимений в объектном падеже с предлогом *by* (варианты *by me, by you, by him, by her, by it, by us, by them*), сочетаниями личных местоимений в объектном падеже с предлогом *with* (варианты *with me, with you, with him, with her, with it, with us, with them*), например: *She might have been driven to it by boredom* (B. J. : 242); *As Catherine entered the building she was filled with an ineffable sense of loss* (O. S. : 170); *Numberless people were victimized by it* (C. S. : 170); *Mackintosh was suddenly seized with it* (M. C. : 179).

Приведенные примеры подтверждают мнение о том, что предлог *with* в пассивной конструкции используется не только в значении инструмента, но и также наряду с предлогом *by* в значении агенса.¹⁷

Сочетания *by S* и *with S* иногда являются факультативными (взаимозаменяемыми) вариантами агентивной синтаксемы в позиции $\bar{N}D_{PII}$, например: *She was very impressed by the hotel* (H. E. : 227) → *She was very impressed with the hotel*. Сравните: *I'm very impressed with you uncle* (W. P. : 109); *The people of the city were much impressed by his fortitude* (C. S. : 123).

Однако чаще взаимозаменяемость вариантов ограничена лексическими факторами, в частности лексическим значением глагола, которым выражена активная синтаксема, сочетающаяся с агентивной синтаксемой в позиции $\bar{N}D_{PII}$, а также лексической наполняемостью самой агентивной синтаксемы.

В качестве примера рассмотрим глагол *to seize*. Когда активная направленная синтаксема выражена сочетанием связки с глаголом *to seize* в значении «охватывать, завладевать» (фигурально), агентивная синтаксема реализуется вариантом *with S*, где *S* — абстрактное существительное, выражающее эмоционально-психическое состояние человека (*fear, horror, happiness*). С глаголом *to seize* в значении «хватать, ухватиться» употребляется вариант с предлогом *by* (*by S*), ср.: *He was seized with horror* (M. S. M. : 205) и *Jiggs was immediately seized by the stranger* (F. P. : 36).

¹⁷ См.: Левуцкая А. П. Лексико-грамматическая характеристика компонентов пассивной конструкции с предлогами *by* и *with*. — В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1973, вып. 3, с. 105.

Агентивная синтаксема в сочетании с активной направленной синтаксемой, выраженной причастием II глагола *to fill* в сочетании со связкой, также имеет два варианта — *with S, by S*, например: *Her eyes suddenly were filled with tears* (F. P. : 13) → *Tears suddenly filled her eyes; The two rows of seats . . . were gradually filled by barristers in wigs* (G. F. I : 278) → *Barristers in wigs gradually filled the two rows of seats.*

В приведенных предложениях агентивная синтаксема (*with tears, by barristers*) сочетается на основе субординативной связи с активной направленной синтаксемой (*were filled*). На наличие признака активности у последней указывает ее сочетаемость с элементами, характеризующими скорость протекания действия (*suddenly, gradually*). Сравните предложения, имеющие стативную синтаксему в позиции NP₂ (также выраженную сочетанием связочного глагола и причастия II глагола *to fill*): *Turning to the interior of the bus Craig saw that it was almost filled . . . with young scandinavian women* (W. P. : 147); . . . *four of the five rooms were already filled by Nobel guests* (W.P. : 182).

Сочетание существительного с предлогом *by* (вариант *by S*) и сочетание объектных местоимений *him, her, them, it* с предлогом *by* (варианты *by him, by her, by them, by it*), а также сочетание существительного с предлогом *with* (вариант *with S*) и сочетания объектных местоимений с предлогом *with* (варианты *with him, with her, with them, with it*) могут быть факультативными вариантами агентивной синтаксемы в позиции ND_{PII}, например: *I'm employed by miss Restarick's father* (C. T. : 146) → *I'm employed by him; . . . the door was opened by the same ununiformed maid* (O. S. : 61) → . . . *the door was opened by her; Penelope was suddenly informed with the sense of her own mortality* (C. B. : 14) → *Penelope was suddenly informed with it; . . . the presents were given me by the persons . . .* (M. S. M. : 217) → . . . *the presents were given me by them.* Варианты *by S* и *by you, by us, by me*, а также *with S* и *with you, with us, with me* являются коннотативными в следующих предложениях: . . . *it was opened for him* *by Horn* (M. C. : 41); . . . *it was opened for him by you . . . it was opened for him by me; . . . the carpenters' living room was filled with friends* (M. M. : 137) — . . . *the Carpenters' living room was filled with us — . . . the Carpenters' living room was filled with them.* Сочетаемые возможности агентивной синтаксемы, которая может быть выражена существительными самой разнообразной семантики, в позиции ND_{PII} почти полностью аналогичны ее сочетаемым возможностям в позиции NP₁. Исключение составляет сочетаемость с активной направленной синтаксемой, что совершенно не свойственно агентивной синтаксеме в позиции NP₁.

II. Агентивная синтаксема, помимо признака агентивности, может быть наделена и другим некатегориальным синтаксико-семантическим признаком, например активным, или стативным,

или квалитативным, или инструментальным, или каузальным, или эмфатическим, или посессивным. По этим признакам соответствующие агентивные синтаксемы входят в парадигматические ряды либо активных, либо квалитативных, либо инструментальных и других синтаксем. Обратимся к материалу.

1. А г е н т и в н а я а к т и в н а я с и н т а к с е м а (AgAc) встречается в предложениях в двух синтаксических позициях — NP₁ и $\bar{N}D_{\text{PII}}$, например: . . . *that Hooper's arrival had created* (B. J. : 82); *The greatest interest was aroused by their discovery* (C. S. : 56).

Признак агентивности у данной синтаксемы (*arrival, by discovery*) определяется на основе сочетаемости с активной синтаксемой (*had created, was aroused*). Наличие же у нее признака активности подтверждается с помощью экспериментов-трансформаций замены агентивной посессивной синтаксемы (*Hooper's, their*)¹⁸ на собственно-агентивную синтаксему и соответственно субстанциальной активной синтаксемы (*arrival, by discovery*) на процессуальную активную синтаксему, ср.: *Hooper's arrival* → *Hooper arrived*; *their discovery* → *they discovered*.

Сочетаемость с агентивной посессивной синтаксемой является отличительной чертой рассматриваемой агентивной активной синтаксемы. Следует при этом иметь в виду, что под сочетаемостью синтаксем понимается возможность сочетаться, в конкретных же предложениях она может быть нереализованной. Например, в следующих двух предложениях — *The order went out at once to close all the ports* (C. S. : 73); . . . *when he had been lifted to the heights by the announcement* (W. P. : 124) — мы также обнаруживаем агентивную активную синтаксему (*the order, by the announcement*). Сравните возможную сочетаемость: *The order went out at once to close all the ports* → *Their order went out at once to close all the ports (their order → they ordered)*; . . . *when he had been lifted to the heights by the announcement* → . . . *when he had been lifted to the heights by her announcement (her announcement → she announced)*.

Агентивная активная синтаксема представлена тремя вариантами: S (в позиции NP₁) и *by S, with S* (в позиции $\bar{N}D_{\text{PII}}$). В отличие от собственно агентивной синтаксемы в аналогичных позициях, агентивная активная синтаксема не имеет вариантов, выраженных личными местоимениями, что обусловлено наличием признака активности.

2. В следующих предложениях употреблена а г е н т и в н а я с т а т и в н а я с и н т а к с е м а (AgSt):¹⁹ *Her shyness made her seen foreign* (M. S. : 53); *His anger at Honora had changed . . .* (M. C. : 82); *Ethel was obviously irritated by his presence* (M. C. : 146).

¹⁸ Об агентивной посессивной синтаксеме см. также ниже.

¹⁹ О стативных синтаксемах см. также: Филимонова О. Е. Стативные синтаксемы в современном английском языке. АКД. Л., 1978.

Признак стативности у отмеченных элементов определяется с помощью трансформации замены агентивной стативной синтаксемы (*shyness, anger, by presence*) на собственно-стативную синтаксему, выраженную сочетанием связочного глагола *fell* или *be* с прилагательным, а также сочетанием *in the state of S* и глагола-связки, например: *her shyness* → *she was shy* → *she feels shy*; *his anger* → *he was angry* → *he was in the state of anger*; *his presence* → *he was present*. В ряде случаев наличие признака стативности у агентивной стативной синтаксемы доказывается с помощью трансформации с использованием собственно-стативной синтаксемы, выраженной глаголами *to feel, to live, to long* и т. д., например: *It had been obsessed by her feeling of fear and horror* (С. Т. : 77) — . . . *her feeling of fear and horror* → *she feels fear and horror*; *His longing to see her drove away all other thoughts* (М. S. : 153) — *his longing to see her* → *he longed to see her*.

В приведенных выше примерах агентивная стативная синтаксема сочетается с синтаксемой носителя состояния (*her, his*). Подобная сочетаемость свойственна только агентивной стативной синтаксеме, в отличие от агентивных синтаксем, наделенных другими синтаксико-семантическими признаками. Однако синтаксема носителя состояния может не всегда присутствовать в предложении, тем не менее сочетаемость с ней всегда возможна: *Hunger told her to go* (С. В. : 37) → *Her hunger told her to go* — *her hunger* → *she was hungry*; . . . *the need for secrecy has gone by* (С. S. : 79) → *her need for secrecy has gone by* — . . . *her need for secrecy* → *she needs secrecy*.

Агентивная стативная синтаксема представлена в предложениях тремя вариантами: S (в позиции NP₁), *by* S (в позиции ND_{PII}), *with* S (в позиции ND_{PII}). Последний вариант мы находим, например, в следующем предложении: *The air was filled with an electric contagious excitement* (S. O. : 229).

3. Агентивная качественная синтаксема (AgQI)²⁰ представлена как в позиции NP₁, так и в позиции ND_{PII}. Признак качественности у данной синтаксемы выявляется с помощью трансформации соответствующей конструкции в предложение с качественной синтаксемой, выраженной сочетанием связочного глагола *be* с прилагательным, например: . . . *As if the strength of her feeling had carried her far* (М. Z. : 8) — *the strength of her feeling* → *her feeling was strong*; . . . *Catherine had been bewildered by the variety of uniforms* (S. O. : 116) — *the variety of uniforms* → *uniforms were various*. Характерной особенностью агентивной качественной синтаксемы является сочетаемость на основе субординативной связи с синтаксемой носителя качества (в приведенных предложениях *of . . . feeling, of uniforms*).

²⁰ О качественной синтаксеме см.: Дорошенко В. А. Качественные элементы в предложении современного английского языка. АКД. Л., 1978.

Рассматриваемая синтаксема представлена вариантами: S (в позиции NP_I), *by* S и *with* S (в позиции ND_{PII}).

Лексической базой агентивной качественной синтаксемы, как и агентивной активной и агентивной стативной синтаксем, могут служить только субстантивные лексемы (но не местоименные), а именно абстрактные существительные.

4. Агентивная каузальная синтаксема (AgCs) обнаруживается только в позиции ND_{PII} и имеет два варианта — *by* S, *with* S. Признак каузальности определяется с помощью трансформации введения собственно-каузальной синтаксемы, имеющей вариант *because of* S, ср.: . . . *her eyes were veiled by some thought* → . . . *her eyes were veiled because of some thought*; *Bateman's eyes were veiled with tears* (M. C. : 60) → *Bateman's eyes were veiled because of tears*.

Агентивная каузальная синтаксема может обладать дополнительным синтаксико-семантическим признаком, например активным или стативным: *Noelle Page's life was changed very little by the Nazi occupation* (S. O. : 30) → *Noelle Page's life was changed very little because of the Nazi occupation* → *Nazi occupation* → *Nazi occupied*; *Goe Bell was satisfied with my puzzlement* → *Goe Bell was satisfied because of my puzzlement* — *my puzzlement* → *I was puzzled*.

5. Агентивная инструментальная синтаксема (AgIns) также обнаруживается в позиции ND_{PII}. Признак инструментальности доказывается с помощью трансформации замены агентивной инструментальной синтаксемы собственно-инструментальной синтаксемой, выраженной сочетанием существительного с составным предлогом *with the help of*, *by means of*: *The . . . tasks would be performed by a staff of librarians* (W. P. : 75) → *The . . . tasks would be performed with the help of a staff of librarians*; *War is not won by victory* (H. E. F. : 67) → *War is not won by means of victory*.

Агентивная инструментальная синтаксема в отличие от агентивной каузальной имеет только один вариант — *by* S. Сравните следующие два предложения: *You'd be protected by your sudden popularity* (H. W. : 151) и *But it is protected with a . . . sac* (S. O. : 73). В первом предложении в позиции ND_{PII} употреблена агентивная инструментальная синтаксема (вариант *by* S). Признак инструментальности определяется с помощью следующей трансформации: *You'd be protected by your sudden popularity* → *You'd be protected by means of your sudden popularity*. Наличие признака агентивности доказывается невозможностью проведения трансформации депассивизации с введением собственно-агентивной синтаксемы (*they*): **They'd protect you by your sudden popularity*. Во втором предложении мы имеем инструментальную синтаксема (вариант *with* S), лишенную признака агентивности, ср.: *But it is protected with a sac* → *But they protected it with a sac* → *But they protected it by means of a . . . sac*.

6. Агентивная эмфатическая синтаксема (AgEmph) выделяется в предложении только в позиции NP₁, например: . . . *it was Giggs who moved* (F. P. : 51); . . . *it is she who arranges that* (C. T. : 119).

Синтаксически неделимое сочетание *it was Giggs who* в первом предложении сопоставимо с элементом 'Giggs (с сильным ударением) в предложении *Giggs moved*. Они представляют собой факультативные варианты агентивной эмфатической синтаксемы.²¹ Между частями указанного составного варианта синтаксемы возможно вклинивание других синтаксем, например посессивной: . . . *it was your hand who slipped the fatal doze of this* (C. T. : 69). Это значит, что составному варианту свойственна та же сочетаемость, что и варианту, выраженному одним существительным. Сравните также следующие предложения: . . . *it was the President himself who suggested you for this job* (W. P. : 29) → *The 'President himself suggested you for this job*; . . . *it was you, madame, who drew my attention*. → *'You, Madame, drew my attention*.

Таким образом, составной вариант агентивной эмфатической синтаксемы получает следующее обозначение: *it was (is) S who; it was (is) you who* и т. п. Однако возможны также варианты: 1) *it's S that* — *It's Germans that are attacking* (H. E. F. : 171); 2) *it was S which* — *it was just this situation which had made him thoughtful* (H. F. : 27); 3) *that's him that* — *That's him that went up* (F. P. : 22).

В ряде случаев агентивная эмфатическая синтаксема может характеризоваться дополнительными синтаксико-семантическими признаками, например 1) стативным, 2) квантитативным, 3) негативным, 4) коллективным: 1) . . . *but it was sheer love of the sport that actuated him . . .* (C. S. : 20) (ср. возможную сочетаемость: . . . *but it was his sheer love of the sport that . . . — his . . . love* → *he loved*), этому предложению соответствует вариант: *it was S . . . that*; 2) . . . *It was one of them who hit me on the head* (C. T. : 186); *Only it's two of them that fly those little ships* (F. P. : 28), здесь варианты — *it was Num. . . who, it's Num. . . that*; 3) *It is not I who can send you to one* (C. T. : 67); *That was not the procedure that appealed to Ariadne Oliver* (C. T. : 50), варианты — *it is not I who, that was not S that*; 4) *That's all that killed him* (H. F. : 192), вариант — *that's all that*.

7. Агентивная посессивная синтаксема (AgPss) занимает особое положение среди агентивных синтаксем, которое обусловлено ее синтаксической позицией. Практически только эта агентивная синтаксема встречается в позиции зависимого компонента при существительном (ND_s), например: *After*

²¹ Об эмфатических синтаксемах см.: Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка, с. 187 и сл.

O'Donnell's arrival the former chief of surgery had slipped quietly out (H. F. : 25); . . . they could hear the roar of water (C. W. : 59). На основе субординативной связи агентивная посессивная синтаксема связана с субстанциальной активной синтаксемой (*arrival, the roar*).

Трансформация замены субстанциальной активной синтаксемой на процессуальную активную подтверждает наличие признака агентивности у синтаксем в позиции $\bar{N}D_s$, например: *O'Donnell's arrival* → *O'Donnell arrived*; *the roar of water* → *water roared*. О принадлежности действия деятелю писал А. Н. Пешковский.²² Осуществление же трансформации с введением глагола *to have* в предложение, содержащее агентивную посессивную синтаксема (для доказательства признака посессивности), оказывается не всегда возможным. Этому препятствует наличие признака активности у субстанциальной активной синтаксемой, с которой сочетается агентивная посессивная синтаксема, хотя в ряде случаев подобная трансформация допустима: . . . *until he realized that that was her intention* (S. O. : 327) — *her intention* — *she had an intention*; . . . *he silenced my protests* (C. S. : 27) — *my protests* → *I had protests*.

Агентивная посессивная синтаксема имеет собственную систему вариантов, которые отличаются от вариантов собственно агентивной синтаксемой, а также от вариантов агентивных синтаксем, наделенных другими дополнительными признаками. Так, агентивная посессивная синтаксема может быть выражена: 1) существительным с предлогом *of* (вариант *of S*), 2) существительным в родительном падеже (вариант S_g), 3) притяжательными местоимениями (варианты *my, your, her, his, our, their*), 4) абсолютной формой местоимения после предлога *of* (варианты *of mine, of yours, of hers, of his, of ours, of theirs*). Например: *At first the stealthy moment of the hand paralyzed Walter's thought* (M. M. : 192); *It was the day of Nan's departure* (M. S. — 103); . . . *and the three men watched my intent approach* (F. B. : 14); . . . *again he silently nodded the approval of his* (W. P. : 9).

Варианты *of S* и S_g , а также *his* и *of his, my* и *of mine* и т. п. часто являются факультативными, различаясь местоположением, например: . . . *and he awaited the arrival of his visitors* (C. T. : 6) → . . . *his visitors' arrival*; . . . *he silently nodded the approval of his* → . . . *his approval*. Агентивная посессивная синтаксема может быть также выражена сочетанием существительного с предлогом *from* (вариант *from S*): *A quick, sharp laugh from Quint broke the thread of tension* (B. J. : 224). В этом случае варианты *of S, S_g* и *from S* также являются факультативными, ср.: *A quick sharp laugh from Quint* → *A quick sharp laugh of Quint* → *Quint's quick sharp laugh*.

²² Пешковский А. Н. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 223 с.

От агентивной посессивной синтаксемы, имеющей вариант *from S*, следует отличать агентивную синтаксему, лишенную признака посессивности, которая, однако, также выражена сочетанием существительного с предлогом *of* и находится в позиции ND_s , например: *The sudden invitation from Tanya had surprised him* (Н. А. : 32). Данная синтаксема (*from Tanya*) не входит в парадигматический ряд агентивной посессивной синтаксемы, так как не имеет варианта *of S*, S_g .

Синтаксема, выраженная сочетанием существительного *Tanya* с предлогом *of* (вариант *of S*), лишена признака агентивности. Сравните следующие трансформации: *The sudden invitation of Tanya* → *His sudden invitation of Tanya* → *He invited Tanya*.

В предложениях, где в позиции ND_s находится агентивная синтаксема, имеющая вариант *of S*, проведение подобных трансформаций невозможно: *A quick, sharp laugh of Quint* → **his quick, sharp laugh of Quint*.

Синтаксико-семантические признаки агентивности и посессивности устанавливаются также в тех случаях, когда существительные или местоимения употребляются при герундии.²³ Другими словами, агентивная посессивная синтаксема употребляется также в позиции зависимого компонента при герундии (ND_{ger}) и имеет варианты S_g , *my*, *your*, *his*, *her*, *their*, *our*. Например: *It supplied, however the reason of Gun's coming so late* (G. F. I : 197); *If you don't mind my saying so* (B. J. : 78).

III. Особую группу составляют агентивные синтаксемы, выраженные местоимениями, в частности отрицательными, неопределенными, относительными и т. д., в названии которых отчасти уже отражена их синтаксическая семантика. Эти агентивные синтаксемы своими функциональными особенностями существенно отличаются от агентивных синтаксем, выраженных личными или притяжательными местоимениями. Последние находятся в эквивалентностных отношениях с существительным с предлогом или без предлога (ср. приведенные выше варианты собственно агентивной и агентивной посессивной синтаксем). Агентивная негативная, агентивная индефинитная и т. д. синтаксемы имеют свои системы вариантов, которые выражены только местоимениями. По условиям места ограничимся лишь краткими замечаниями по поводу агентивных синтаксем такого рода.

1. Агентивная негативная синтаксема (AgNg) представлена местоимениями *no*, *one*, *none*, *nobody*, *neither*, *nothing*. О невозможности объединения отрицательных местоимений с существительными или личными местоимениями в качестве вариантов одной и той же синтаксемы свидетельствует и характерная для них сочетаемость, например с синтаксемой, выраженной местоимением или существительным с предлогом *of*: *For*

²³ См.: Жигало В. Н., Иванова И. П., Иорфик Л. Л. Современный английский язык. М., 1956. 33 с.

a few minutes neither of them spoke (M. C. : 71); . . . *that none of them had succeeded* (S. O. : 145). Они представляют собой варианты особой синтаксемы, а именно агентивной негативной, причем одни из них могут быть факультативными (ср.: *No one will come* → *No one will come*), другие же являются коннотативными: *Nothing interfered with his business* (M. C. : 129); *No one ever visited me* (F. B. : 15).

2. Агентивная индефинитная синтаксема (AgInd) выражена неопределенными местоимениями, *some, any, somebody, anybody, someone, anyone, something, anything, either*, а также *one, another, other*. Агентивную негативную и агентивную индефинитную синтаксемы объединяют некоторые дистрибутивные закономерности. При наличии в предложении агентивной негативной синтаксемы становится невозможным употребление негативной активной синтаксемы, т. е. в английском предложении может присутствовать только одна негативная синтаксема (ср. английское предложение и его русский перевод: *No one will find this place* (M. S. : 6) 'Никто не найдет это место'). И наоборот, если в предложении употреблена негативная активная синтаксема, то в позиции NP₁ может находиться агентивная индефинитная (но не негативная) синтаксема, например: *Why shouldn't either of them come at once* (F. P. : 35).

Агентивная индефинитная может быть наделена дополнительным, например квантитативным признаком, т. е. может обладать семантикой количества: *Some of the champagne spilled onto the rug* (H. W. : 123). В этом предложении неопределенное местоимение *some* служит средством выражения агентивной индефинитной квантитативной синтаксемы (AgIndQn), которая по признаку квантитативности объединяется с квантитативными синтаксемами, выраженными числительными. Однако последние лишены признака индефинитности, ср.: . . . *two of the earlier groups were moving out* (H. F. : 238).

Агентивная индефинитная и агентивная индефинитная квантитативная синтаксемы, выраженные местоимениями *some, any*, характеризуются различными системами вариантов. Так, местоимения *some, any* как средства выражения агентивной индефинитной синтаксемы находятся в эквивалентностных отношениях с местоимениями *another, other*. Вариантами же агентивной индефинитной квантитативной синтаксемы служат уже местоименные прилагательные *many, much, few, a few, little*, например: *A few sank slowly* (B. J. : 12).

3. Агентивная индефинитная коллективная синтаксема (AgIndClc) может быть выражена неопределенным местоимением *any* (в значении «всякий, любой»), *every, each* и образованными от них сложными местоимениями на *-one, -body, -thing*. По признаку индефинитности агентивная индефинитная коллективная синтаксема объединяется с агентивной индефинитной и агентивной индефинитной квантитативной син-

таксемами, но отличается от них наличием признака коллективности (собирабельности), например: *Everybody agreed with this statement* (С. С. : 110); *Everything about it offended him* (М. М. : 229).

4. Агентивная коллективная синтаксема (AgClc) представлена местоимениями *all, both*, которые по синтаксической семантике близки к перечисленным выше местоимениям, но отличаются от них отсутствием признака индефинитности, ср.: *both had moved on from new Richmond* (Н. Ф. : 162). . . *all departed together* (М. С. : 155). Функциональными эквивалентами местоимений *all, both* могут служить составные варианты синтаксемы, в состав которых входят два местоимения, например: . . . *they all went up again* (С. Т. : 43); *both of them looked off* (W. P. : 138).

5. Агентивная дефинитная синтаксема (AgDf) представлена указательными местоимениями *this, these, that, those*: *This had given him time to breathe* (G. F. I : 312). Местоимения *this* и *that, these* и *those* являются коннотативными вариантами (указывают на близкие и далекие предметы).

6. Агентивная релятивная синтаксема (AgRl) реализуется на базе относительных местоимений *who, whom, which, that, those*, которые употребляются в придаточных зависимых предложениях, например: . . . *the police arrested the distrainers who resisted arrest violently* (М. М. : 150). В приведенном предложении относительное местоимение имеет antecedent в главном предложении (существительное *the distrainers*), обозначающий субстанцию. В этом случае мы имеем субстанциальную агентивную релятивную синтаксему (SbAgRl). Иногда агентивная релятивная синтаксема в качестве antecedenta имеет все главное предложение: *What kind of discipline existed which allowed insolence like this* (Н. Е. : 160). Синтаксему подобного типа нельзя отнести к категории субстанциальных. В таком случае агентивная релятивная синтаксема остается вне классификации по категориальным синтаксико-семантическим признакам. Таким образом, нужно различать субстанциальную агентивную релятивную и агентивную релятивную синтаксемы. Различие между ними проявляется и в системе вариантов. Так, субстанциальная агентивная релятивная синтаксема выражена местоимениями *which, who that*; агентивная релятивная синтаксема выражена лишь местоимением *which*.

7. Агентивная интеррогативная синтаксема (AgIntr) реализуется на базе вопросительных местоимений и входит в парадигматический ряд агентивных синтаксем вместе с субстанциальными агентивными синтаксемами, выраженными другими средствами. Поэтому предложение, содержащее агентивную интеррогативную синтаксему, может быть трансформировано в предложение с иной агентивной синтаксемой в той же позиции, например: *Who is reading a book?* → *Is the boy reading a book?*

В предложении-трансформе мы имеем собственно агентивную синтаксему, выраженную существительным (*the boy*), которая имеет отличные от агентивной интеррогативной синтаксемы в исходном предложении дистрибутивные особенности, например сочетаемость с местоимением и другими элементами. В свою очередь агентивной интеррогативной синтаксеме в отличие от собственно агентивной синтаксемы свойственна сочетаемость с эллективной синтаксемой с предлогом *of*. Эта дистрибутивная характеристика объединяет агентивную интеррогативную синтаксему с агентивной негативной и агентивной индефинитной синтаксемами.

8. Агентивная косвенно-интеррогативная синтаксема (AgInd-Intr). В ряде случаев вопросительные местоимения вводят придаточные предложения, например: *What gave rise to this sudden piece of psychology he didn't state* (G. F. I : 143). В этом случае агентивная синтаксема не тождественна агентивной синтаксеме, выраженной существительным. Следовательно, в содержании вопросительных местоимений в придаточных предложениях есть особый признак. Об этом свидетельствует и то, что придаточные предложения, содержащие вопросительные местоимения, нельзя трансформировать в так называемые общие вопросы. Предложения же, содержащие интеррогативную синтаксему, поддаются такой трансформации. С другой стороны, вопросительные местоимения в придаточных предложениях допускают трансформацию придаточного предложения в вопросительное предложение с интеррогативной синтаксемой: *Tell me who made this?* → *Who made this?* Исходя из этого, агентивную синтаксему в придаточном предложении, выраженную вопросительным местоимением, можно определить как агентивную косвенно-интеррогативную.

Итак, рассмотренные синтаксемы образуют по признаку агентивности парадигматический ряд агентивных синтаксем. Помимо признака агентивности, который является общим для всех агентивных синтаксем, каждая из них может характеризоваться различными дополнительными синтаксико-семантическими признаками, в соответствии с которыми выделяются следующие агентивные синтаксемы из категории субстанциальных:²⁴ агентивная, агентивная активная, агентивная стативная, агентивная качественная, агентивная посессивная, агентивная эмфатическая, агентивная инструментальная, агентивная каузальная, агентивная негативная, агентивная индефинитная, агентивная коллективная, агентивная дефинитная, агентивная релятивная, агентивная косвенно-интеррогативная.

Кроме содержательных особенностей, агентивные синтаксемы

²⁴ Здесь не были рассмотрены процессуальные агентивные синтаксемы, как например: *To bathe there refreshed not only the body but the soul*. Категориальный же признак квалификативности, по-видимому, вообще не свойствен агентивным синтаксемам.

обладают различными позиционными возможностями. Так, агентивные синтаксемы встречаются в следующих синтаксических позициях: NP_1 , $\bar{N}D_{pII}$, $\bar{N}D_s$, $\bar{N}D_{ger}$, — что находит соответствующее выражение в системах вариантов. В позиции NP_1 , которая является сильной, встречается большинство агентивных синтаксем. Исключения составляют агентивная каузальная и агентивная инструментальная синтаксемы, для которых единственно возможной является позиция $\bar{N}D_{pII}$.

В позиции NP_1 агентивные синтаксемы реализуются беспредложными вариантами, выраженными существительными и местоимениями,²⁵ а также беспредложными составными вариантами (ср. варианты агентивной эмфатической, агентивной коллективной синтаксем). В этой синтаксической позиции собственно-агентивная синтаксема имеет как субстантивный, так и местоименные варианты; агентивная активная, агентивная стативная и агентивная квалитативная синтаксемы имеют варианты, выраженные только существительными. И наоборот, агентивная негативная, агентивная индефинитная, агентивная коллективная, агентивная дефинитная, агентивная интеррогативная, агентивная релятивная синтаксемы, выраженные соответствующими местоимениями, никогда не соотносятся с существительными, т. е. имеют только системы местоименных вариантов.

В позиции $\bar{N}D_{pII}$ агентивные синтаксемы имеют только предложные варианты (сочетания существительного и местоимений с предлогами *by*, *with*). В этой позиции встречаются агентивная, агентивная активная, агентивная стативная, агентивная негативная и другие синтаксемы. Исключения составляют агентивная эмфатическая, агентивная релятивная, агентивная интеррогативная и агентивная косвенно-интеррогативная синтаксемы, употребление которых в позиции $\bar{N}D_{pII}$ невозможно.

В позиции $\bar{N}D_s$ и $\bar{N}D_{ger}$ употребляется агентивная посессивная синтаксема, которая имеет особую систему вариантов.

Варианты агентивных синтаксем, помимо формальных особенностей (ср. беспредложные и предложные варианты; субстантивные, местоименные, составные варианты), могут иметь функциональные особенности. Так, можно выделить факультативные (взаимозаменяемые) и коннотативные (с различными смысловыми оттенками) варианты агентивных синтаксем. К числу дистрибутивных характеристик агентивных синтаксем относится их сочетаемость с другими синтаксемами. Несмотря на различные сочетаемостные возможности агентивных синтаксем (ср., например, сочетаемость агентивной стативной синтаксем с синтаксемой носителя состояния, агентивной квалитативной синтаксем с синтаксемой носителя качества, агентивной негативной, агентивной

²⁵ Агентивные синтаксемы, выраженные другими частями речи, в статье не затрагивались.

индефинитной синтаксем с элективной синтаксемой (с предлогом *of*), их в этом отношении объединяет одно — сочетаемость с активной синтаксемой, которую можно определить как обязательную. Речь идет о сочетаемости агентивных синтаксем в позиции NP_1 с процессуальной активной синтаксемой и в позиции $\bar{N}D_{pII}$ с процессуальной активной направленной синтаксемой, а также о сочетаемости агентивной синтаксемы в позиции $\bar{N}D_1$ и $\bar{N}D_{ger}$ с субстанциональной активной синтаксемой. Таким образом, рассмотрение агентивных элементов с учетом как содержательных, так и формальных дистрибутивных возможностей способствует более полной их дифференциации.

Список литературных источников и их сокращения

- B. J. — *Benchley P.* Jaws. Pan books, 1975.
 C. B. — *Coleman L.* Beulah Land. New York, 1974.
 C. G. — *Capote T.* The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's. Moscow, 1976.
 C. S. — *Christie A.* Selected Stories. Moscow, 1976.
 C. T. — *Christie A.* Third Girl. London; Glasgow, 1966.
 C. W. — *Cheever G.* The Wapshot Chronicle. New York, 1957.
 F. B. — *Scott Fitzgerald.* Bernice Bobs, Her Hair and other Stories. Penguin Books, 1976.
 F. P. — *Faulkner W.* Pylon. Signet Book, 1958.
 G. F. I — *Galsworthy J.* The Forsyte Saga, book I. Moscow, 1974.
 H. A. — *Hailey A.* Airport. Pan books, 1968.
 H. D. — *Hardy T.* Desperate Remedies. London, 1975.
 H. E. F. — *Hemingway E.* A Farewell to Arms. Moscow, 1976.
 H. F. — *Hailey A.* The Final Diagnosis. Pan books, 1967.
 H. W. — *Hensley R.* Washington, D. C. New York, 1977.
 M. M. — *Making it All Right.* Modern English Short Stories. Moscow, 1978.
 M. C. — *Maugham S.* Collected Short Stories, vol. 1. Pan books, 1975.
 M. M. — *Maugham S.* The Moon and Sixpence. Moscow, 1969.
 M. Z. — *Macdonald R.* The Zebra-stripped Hearse. Bantam books, 1964.
 S. O. — *Sheldon S.* The Other Side of the Midnight. New York, 1975.
 W. P. — *Wallace I.* The Prize. Signet book, 1962.

И. Б. Долинина

МАРКИРОВКА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ВАЛЕНТНОСТНЫХ КАТЕГОРИЙ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

В статье рассматриваются основания для интерпретации субъектно-объектных отношений в конструкциях современного английского языка, образуемых так называемыми «залоговыми» формами английского глагола: исходной (отсутствие маркировки), пассивной (*to be* + P II), рефлексивной ($V_i + oneself$). Сложность интерпретации субъектно-объектных отношений в названных конструкциях связана с тем, что залоговые формы глагола, как исходная, так и производные, являются чрезвычайно многозначными по своим категориальным значениям. Во-первых, они могут передавать самые разнообразные типы залоговых значений, а не только те, которые отражены в их названии (благодаря чему даже в рамках залоговых оппозиций отсутствует изоморфизм между формой и содержанием); во-вторых, эти же формы используются при образовании других категориальных противопоставлений, таких как каузативные, декаузативные, результативные, рефлексивные и некоторые другие.

Многозначность названных форм приводит в свою очередь к весьма существенной разноплановой категориальной многозначности большого числа синтаксических конструкций. Эта многозначность требует для своего разрешения привлечения разнообразных критериев, как содержательных, охватывающих самые разнообразные типы значений, так и структурно-функциональных. Данная ситуация в английском языке является прекрасной иллюстрацией отмечавшегося С. Д. Кацнельсоном нарушения изоморфизма между планом выражения и планом содержания, связанного с тем, что «одна единица содержательного плана может оказаться „распределенной“ между несколькими единицами плана выражения и, наоборот, несколько единиц содержательного плана могут оказаться сосредоточенными в одной единице плана выражения».¹ При таком положении дел интерпретация форм (как морфологических, так и синтаксических²) с точки зрения их

¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; Долинина И. Б. Некоторые вопросы исходности и производности синтаксических структур (на материале английского языка). — В кн.: Проблемы лингвистической типологии. Л., 1977.

² Роль синтаксической структуры при описании данных категорий глагола двойственная. С одной стороны, она может выступать как форма, слу-

значений возможна только, по мнению С. Д. Кацнельсона, при учете их значимостных характеристик.³ В нашем случае значимостная оценка формы предполагает: 1) установление набора всех парадигм, в которые данная форма входит, и определение места формы в каждом конкретном ряду, 2) установление тех реальных языковых условий (тип синтаксической конструкции для морфологической формы, деривационные особенности синтаксической структуры, с точки зрения соотношения синтаксических и понятийных элементов, лексическая семантика глагола и др.), в которых форма становится либо многозначной, либо, наоборот, связана с наличием синонимических ей средств выражения тех же значений, и 3) выявление границ объема значений, которые в принципе могут передаваться рассматриваемыми формами. Только такой комплексный анализ разнообразных факторов позволяет удовлетворительным образом интерпретировать значение каждой конкретной синтаксической конструкции, образуемой одной из многозначных форм глагола, с точки зрения их категориальной принадлежности, деривационного статуса как в содержательном, так и в синтаксическом плане и типа передаваемых ими субъектно-объектных отношений.

Как показывают наблюдения, «залоговые» формы английского языка при всей их многозначности имеют достаточно четко очерченную сферу действия. Они могут маркировать не любые категориальные преобразования, а только те, действие которых охватывает изменение субъектно-объектно-предикатных отношений. Эти категории образуют особый класс глагольных категорий, которые мы будем называть «валентностными» категориями, поскольку они, в отличие от других категорий глагола, охватывают и отражают способы функционирования синтаксических и семантических валентностей глагола и всегда сопровождаются изменением валентностной структуры предложения (ср. с классификацией грамматических категорий, предложенной А. В. Бондарко).⁴

жащая для выражения определенных значений, например, формой выражения каузативной оппозиции выступает тип синтаксической структуры: некаузативное значение передается одноактантной (непереходной), а каузативное — двухактантной (переходной) конструкцией (*John walked — John walked the horse/John made the horse walk*). С другой стороны, синтаксическая структура может выступать как содержательный план некоторой категории, соотносящийся с определенной морфологической маркировкой. Так, например, можно говорить об образовании непереходных структур от переходных при помощи производных залоговых форм в английском языке (*Mary dressed the child — Mary dressed herself — The child was dressed*). Кроме того, синтаксическая структура может иметь и собственное синтаксическое значение в смысле, изложенном А. В. Бондарко (см.: *Бондарко Л. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978*).

³ См.: *Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.*

⁴ См.: *Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976, с. 64.*

Остановимся на особенностях этих категорий относительно других категорий глагола. Как известно, описание глагольных категорий является одной из важных и спорных проблем лингвистической теории, вовлекающей в свою орбиту практически все уровни описания языка. Дело в том, что глагол (глагольная лексема) занимает особое положение в системе языка и роль его на всех уровнях чрезвычайно важна и своеобразна. По-видимому, этими его свойствами объясняется то большое количество грамматических и лексических категорий, которые выделяются исследователями при описании его функционирования и наличие которых связывается со сложностью и многозначностью реалий объективного мира, передаваемых каждой частью речи.⁵ В связи с этим возникает необходимость классификации этих категорий, поскольку очевидно, что они часто являются разноплановыми и отражают различные стороны функционирования глагола. Вопрос об общих и частных классификациях глагольных категорий по самым разнообразным признакам как содержательного, так и формального плана неоднократно ставился лингвистами,⁶ и сделаны большие успехи в описании таких типов глагольных категорий, как категории, связанные с временными и аспектуальными характеристиками действия,⁷ валентностными категориями — каузативности,⁸ залога⁹ и некоторыми другими.

Характеризуя глагол как единицу языкового строя, необходимо в первую очередь подчеркнуть наличие у него двойного набора ролей на всех языковых уровнях: на семантическом он выступает, во-первых, как и любая другая часть речи, в роли единицы лексической, концептуальной номинации, называющей некоторое конкретное действие, некоторое конкретное явление действительности (концепт «читать», а не «писать», «спать», а не «веселиться» и т. п.). Данное значение глагола определяет его

⁵ См.: *Кацнельсон С. Д.* О грамматической категории. — Вестн. ЛГУ, 1948.

⁶ См.: *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий; *Кацнельсон С. Д.* О грамматической категории; *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959; *Ярцева В. Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков. — В кн.: Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). М., 1975; *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972; *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979; *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания; *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977, и др.

⁷ См.: *Маслов Ю. С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии; *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971; *Иванова И. П.* Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.

⁸ См.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.

⁹ См.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.

лексическое значение. Во-вторых, глагол способен передавать не только свое собственное значение, но и репрезентировать значение всей ситуации, описываемой его лексемой, а именно определять набор участников ситуации, их роли и их иерархию, т. е. выступать в роли предиката, являющегося единицей особой — комплексной — номинации, определяющей ситуацию как нечто единое, целое, образуемое комплексом из него самого и его аргументов.¹⁰ Это значение глагола рассматривается как лексикографическое. Таким образом, глагол способен называть не только само действие, но и всю ситуацию целиком и предсказывать всех участников этого действия, этой ситуации. Данная способность глагола определяется как его семантическая валентность.

Роль глагола в функционально-синтаксическом плане тоже двойка: во-первых, он репрезентирует самого себя, выступая в роли определенного члена предложения (сказуемого в первичной и любого второстепенного члена предложения во вторичных функциях); во-вторых, он выступает в роли синтаксического ядра предложения, задающего полный набор синтаксических позиций в предложении.

Специфична роль глагола и на морфологическом уровне: с одной стороны, он определяет таксономические средства выражения членов предложения, а также их падежные характеристики; с другой стороны, форма самого глагола (род, число и некоторые другие категориальные показатели) определяется элементами его окружения, обычно подлежащим и дополнениями, что, кстати говоря, отражено и в классификационной схеме его категорий — эти категории попадают в число так называемых «синтаксически обусловленных» категорий.¹¹

Таким образом, особенностью глагола по сравнению с другими частями речи является то, что он и в семантическом и в грамматическом планах выполняет два различных ряда ролей: свою собственную, отвечающую только за свое собственное функционирование в системе языка, и роль ядра (предиката или сказуемого) как репрезентанта всей ситуации, всего отражающего ее предложения. Эти разноплановые роли глагола, с одной стороны, тесно переплетаются, поскольку функционирование глагола в роли предиката прямо связано с его лексическим значением, а с другой — обладают достаточно определенной автономностью, которая, в частности, проявляется в дифференцированности глагольных категорий. Роли первого типа находят отражение в таких глагольных категориях, как род, лицо, число (у глагола эти категории носят вторичный характер, поскольку отражают некоторые реалии, связанные не с самим глаголом, а с теми именами,

¹⁰ См.: Богданов В. В. Семантико-стилистическая организация предложения. Л., 1977.

¹¹ См.: Перцов Н. В. О грамматических категориях английского глагола. (Из-т русского языка АН СССР. Предв. публ., вып. 90). М., 1976.

которые с ним сочетаются), время, вид, наклонение и т. п. Роли второго типа передаются такими глагольными категориями, как категория залога, категория каузативности, категория результата, и некоторыми другими категориями. Если категории первого типа, в той или иной степени дробности, безоговорочно относятся всеми лингвистами к списку глагольных категорий, то статус последних, за исключением, пожалуй, актива и пассива (в силу высокой регулярности грамматических средств их противопоставления), до сих пор весьма спорен. Многие исследователи рассматривают их не в числе грамматических категорий, а либо вообще никак не квалифицируют, либо рассматривают как сферу действия лексики. Такая точка зрения представляется хотя и вполне объяснимой и приемлемой (действие валентностных категорий определенным, и часто весьма значительным, образом сказывается на значении глагола), но допускает и иную трактовку, поскольку, во-первых, изменения, как правило, носят строго детерминированный и регулярный (а не произвольный) характер, что дает основания рассматривать их как сферу действия грамматики, и, во-вторых, что самое главное, они не затрагивают концептуального, собственно лексического значения глагола. Они меняют только такие его характеристики, как особенности связи с элементами окружения или особенности модификации исходной семантики лексемы, связанные с введением добавочных смыслов определенного типа.

Сферой действия данного типа глагольных категорий являются такие сдвиги значений, которые отражают изменения между элементами окружения глагола. Именно поэтому категории целесообразно назвать «валентностными» категориями. Как уже было сказано, эти категории характеризуют различного рода изменения взаимоотношений между глаголом и его актантами окружением, в первую очередь это касается 1) изменения иерархии актанта (сюда относятся залоговые и диатезные оппозиции), 2) изменения денотативной соотнесенности актанта, связанной с фактором однореферентности, либо объекта субъекту (рефлексив), либо субъекта и объекта взаимно друг другу¹² и 3) добавления новых актанта, вызванного усложнением семантики глагола (к его лексеме добавляется сема каузации) и соответственно его семантической структуры (категория каузативности) и т. п.

Все эти изменения связаны, как правило, с оппозицией переходных и непереходных конструкций, поэтому в ряде исследований предлагалось рассматривать категории подобного типа как синтаксические.¹³ Термин «синтаксическая категория» представляется в данном случае менее удобным по следующим сообра-

¹² См.: Бирюлин Л. А. и др. Проблемы универсальной теории залога (о специфике форм с возвратным и взаимным значением). — Всесоюз. научн. конф. по теор. вопр. языкозн. Тезисы докл. секц. засед. АН СССР. М., 1974.

¹³ Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков.

жениям. Во-первых, изменение синтаксической конструкции часто может регулярно сопровождаться изменением морфологической формы, как например в случае маркированного залога, и возникает конкуренция терминов «морфологическая» vs. «синтаксическая категория»; а во-вторых, членами одной категориальной многочленной парадигмы могут быть такие структуры, из которых в одной изменение синтаксических отношений не маркируется в глаголе и, следовательно, ее надлежит рассматривать как представителя синтаксической категории, а в другой маркируется и ее следует рассматривать как элемент морфологической категории, в результате чего остается неясным, как квалифицировать всю категорию. Термин «валентностная категория» более универсален, не зависит от техники оформления категориальных сдвигов и передает сущностные характеристики данного типа категорий.

Характерными признаками валентностной категории являются следующие.

1. Валентностная категория охватывает такие ряды противопоставленных друг другу синтаксических структур, соотнесенные элементы которых образованы одной и той же глагольной вокабулой (или ее морфологической формой):¹⁴

Mary wrote a letter — The letter was written by Mary.

Mary dressed the child — Mary dressed herself.

John walked — John walked the horse.

The child was accustomed to drink milk — Mary accustomed the child to drink milk.

2. Синтаксические структуры, репрезентирующие категориальные оппозиции, обязательно отличаются друг от друга

а) либо количеством представленных в них членов предложения:

Mary read the article — The article reads quickly; Mary reads quickly;

John boils water — Water boils;

John opened the door with a key — The key opened the door;

б) либо типом их понятийной соотнесенности:

Mary read the article (подлежащее соотнесено с субъектом ситуации, дополнение — с объектом) — *The article was read by Mary* (подлежащее соотнесено с объектом ситуации, агентивное дополнение — с субъектом).

3. Указанные изменения синтаксических структур обязательно сопровождаются регулярными содержательными сдвигами, такими как

а) изменение «интенции» при залоговых и диатезных преобразованиях:

John read the letter — The letter was read — The letter read: «. . .» — John reads in the evening;

¹⁴ См.: Поскольку исследование посвящено английскому языку, примеры будут приводиться в основном на этом языке.

б) изменение денотативной соотнесенности:

Mary brought a cup of tea for her mother — Mary brought a cup of tea for herself;

Mary washed the child — Mary washed herself;

Tom despises John and John despises Tom — Tom and John despise one another;

в) добавление нового регулярного и жестко фиксированного содержания к лексеме глагола, а именно значения каузации:

The picture hangs on the wall — John hung the picture on the wall;

Water boils — Mary boiled water;

My finger hurts — I hurt my finger;

г) редуцирование значения лексемы, связанное также с регулярным и жестко фиксированным типом содержательного изменения, фиксирующее переход от действия к состоянию:

John persuaded Mary that he was wrong — John persuaded himself that he was wrong;

John closed the door — The door is tightly closed.

4. Образование валентностных категорий может сопровождаться изменением и морфологической формы глагола, но в отличие от универсальной обязательности синтаксической перестройки образуемой им конструкции морфологическая перестройка его формы носит факультативный характер и разнится весьма существенно в различных языках.

Во многих языках каждая из категорий имеет свой собственный морфологический механизм. В английском языке способы маркировки валентностных категорий очень своеобразны: имеется один общий набор форм (залогово исходная, пассивная и рефлексивная), при помощи которых осуществляются, как указывалось выше, все типы преобразований, и это делает весьма актуальным разрешение возникающей многозначности форм и выделение синонимичных употреблений различных форм.

Мы выделяем у английского глагола четыре типа валентностных категорий — залог, рефлексивность / реципрокность, каузативность / декаузативность и результатив. Все эти категории могут реализоваться либо всегда, либо в качестве одного из вариантов в рамках одной глагольной вокабулы (или ее аналитической формы) и, соответственно, представлены одноглагольной конструкцией. Залог и рефлексивность / реципрокность реализуются в английском языке только таким образом, а каузатив и результатив имеют и другие способы выражения: первый — при помощи двуглагольных конструкций (ср. *John walked the horse — John let the horse walk, John made the horse walk; Mary boiled water — Mary let water boil*); второй — при помощи новых транспозиционных единиц (ср. *John opened the door — The door is opened — The door is open; John busied Mary with reading — Mary is busy with reading*).

Почти все проблемы, связанные с выделением валентностных категорий в английском языке, на сегодняшний день остаются дискуссионными. Самая главная из них — это проблема количества самих категорий и количества субкатегорий. В английском языке безоговорочно выделяются только такие категории, как залог и рефлексив / реципрок, а внутри залога — такие субкатегории, как актив и пассив.¹⁵

Причиной подобной ситуации является то, что безоговорочно выделяемые авторами категории имеют более или менее закрепленный за ними тип глагольной маркировки, хотя и здесь дело обстоит достаточно не просто в связи с наличием синонимических средств передачи этих значений (маркированный и немаркированный рефлексив, типа *to shave oneself—to shave* в значении 'бриться'; *to defend oneself—to defend* 'защищаться'). В остальных же случаях маркировка либо вообще отсутствует, либо одно категориальное значение передается спектром форм, в котором трудно выделить «главный» способ выражения. Так, например, декаузативный элемент в каузативной оппозиции у одних групп глаголов не имеет маркировки вообще (*Water boils — Mary boils water*), у других может маркироваться пассивной формой (*Mary was accustomed to walk every day — John accustomed Mary to walk every day*) или рефлексивной (*Mary accustomed herself to walk every day*).

При этом синтаксический критерий оказывается также малоэффективным: большинство категориальных оппозиций осуществляется в рамках одних и тех же типов синтаксических структур — двухактантные (переходные) структуры противопоставляются одноактантным (непереходным) или соответственно трехактантные — двухактантным.

Учитывая вышеизложенное, представляется очевидным, что в случаях многозначности форм, как морфологических, так и синтаксических, основой формирования категории должна быть ее содержательная сторона, в связи с чем категориальная интерпретация конструкций, образуемых глаголами с названной маркировкой, должна в первую очередь базироваться на содержательных критериях. Однако формулировка содержательного аспекта грамматической категории представляет существенные трудности в связи с тем, что этот аспект охватывает очень разнообразные планы как самого языка, так и типов его соотносительности с объективной реальностью, которые определенным образом преломляются в грамматических категориях.

Остановимся на типах содержательных сдвигов, сопровождаю-

¹⁵ Такие, например, категориальные значения, как 'фазовость', 'модальность', 'засвидетельствованность' и некоторые другие, в английском языке внутриглагольными средствами вообще не выражаются и поэтому нами в данной статье, посвященной обсуждению значений залоговых форм, рассматриваться не будут.

щих грамматические преобразования. Многие исследователи неоднократно указывали на необходимость разграничивать типы значений, сопровождающих эти преобразования, которые так или иначе оказываются связанными с внутрикатегориальными оппозициями.¹⁶

Мы полагаем, что при образовании валентностных категорий глагола происходят следующие семантические процессы: одни содержательные характеристики глагола и образуемой им конструкции остаются без изменения (это всегда относится только к собственному лексическому значению глагола и его первично-пропозиционному значению), а другие его содержательные характеристики, затрагивающие разные типы и уровни значений (вторичное пропозиционное значение глагола, синтаксическая значимость элементов окружения, их денотативная соотнесенность, их грамматическое значение и др.), меняются. В зависимости от того, какие именно изменения значений имеют место, можно говорить о различных типах валентностных категорий.

Анализ материала показывает, что в связи с описанием содержательного плана валентностных категорий необходимо разграничивать два типа сопряженных с ними содержательных сдвигов, один из которых связан с изменением денотативных реалий, отражаемых в лексеме глагола, а другой — нет. В первом случае определенным образом изменяется лексическое значение глагола, его семантическая валентность, и как следствие этих изменений — синтаксическая валентность. Во втором случае лексическое значение и семантическая валентность остаются неизменными, а меняется только синтаксическая валентность, и все содержательные сдвиги связаны с ее изменением.

Значения валентностных категорий, связанных с содержательными сдвигами первого типа, отражают такие изменения в языковой действительности, которые показывают, что некоторая «первичная» ситуация, называемая глаголом, претерпевает такие изменения, что превращается по существу в новую (либо более сложную, либо качественно иную) ситуацию с новым набором участников, вследствие чего лексема глагола, которая называет эту новую ситуацию, имеет иное денотативное значение по сравнению с первой лексемой (речь, естественно, идет о тех случаях, когда оба значения передаются в рамках одной глагольной вокабулы).

При этом обе эти лексемы, оба значения вокабулы, связаны совершенно определенными семантическими отношениями; с одной стороны, они имеют общую часть, некоторое общее концептуаль-

¹⁶ См.: *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление; *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий; *Иикитин М. В.* О предмете и понятиях комбинированной семантики (взаимодействие лексических значений слов в словосочетаниях). — В кн.: *Проблемы лексической и грамматической семасиологии.* Владимир, 1974, и др.

ное ядро, являющееся носителем названия действия, а с другой стороны, они имеют совершенно четкие семантические различия, фиксирующие, каким именно способом видоизменилась ситуация.

В английском языке сдвиги значения, связанные с изменением лексического значения глагола, находят отражение в таких валентностных категориях, как каузативность / декаузативность и результатив.

Категория каузативности показывает, что некоторая ситуация становится частью другой ситуации, более широкой — «каузативной», которая отражает факт возникновения первичной ситуации под влиянием со стороны (декаузативность, наоборот, показывает, что некоторая ситуация существует сама по себе, без какого-либо постороннего влияния). Как уже отмечалось, в некоторых случаях в английском языке обе ситуации могут называться одной глагольной вокабулой: *Water boils — Mary boils water; John prepares Mary for examinations — Mary prepares herself for examinations*. Вокабула в таких случаях имеет два значения, первое из которых можно назвать исходным пропозиционным, а второе — «каузативным». Второе значение вокабулы репрезентируется помимо пропозиционного (равного первому) предиката еще и модификаторным предикатом — каузативным. Таким образом, второе значение вокабулы, ее семная структура в случае каузативной оппозиции, состоит из двух сем: пропозиционной семы, носительницы наименования действия, носительницы концепта (S_{prop}) и семы каузации (S_{caus}).¹⁷ Изменение семной структуры глагола, которая теперь помимо пропозиционной семы имеет дополнительную сему каузации, влечет за собой перестройку семантической, т. е. валентностной, структуры глагола, связанную с добавлением к ней нового партиципанта. Это может быть новый каузатор, если объектом каузации является субъект пропозиции (*Water boils — John boils water*), при этом роль субъекта действия в каузативной конструкции меняется на роль объекта каузации, вернее этот элемент начинает выполнять двойственную семантическую функцию, поскольку, становясь объектом каузации, он не перестает оставаться субъектом действия. Это может быть новый объект, если субъект пропозиции начинает выполнять функцию каузатора по отношению к некоторому новому действующему лицу (*John walks — John walks the horse*). В таких случаях первый и второй элементы выполняют

¹⁷ В тех случаях, когда каузативное значение передается либо специальной аналитической конструкцией, либо специальной аффиксацией, между значением и формой его передачи существуют следующие отношения: сам глагол или его корень передают пропозиционное значение, а вспомогательный глагол и аффикс — значение каузации, в тех же случаях, когда никакой маркировки нет вообще или имеющаяся маркировка не связана непосредственно с данным значением, мы считаем, что возникает просто новое значение вокабулы с указанной семной структурой.

двойственную ролевую функцию: первый (*John*) является и каузатором, и субъектом действия, а второй (*horse*) — объектом каузации и субъектом того же действия, поскольку каузатор и сам его выполняет, и вовлекает объект в его выполнение. В случаях *John made the horse walk* или *John let the horse walk* — *John* выполняет роль скорее только каузатора, поскольку из аналитической конструкции не явствует, движется ли он сам, заставляя лошадь двигаться (или разрешая ей это делать). Изменение синтаксических валентностей глагола в каузативной конструкции обусловлено изменением семантико-денотативных характеристик репрезентируемой им ситуации, т. е. изменением его семантических валентностей.

При образовании категории результата¹⁸ изменение значения глагольной лексемы связано с тем, что действие, называемое этой лексемой, таково, что в процессе своего протекания оно может определенным образом качественно видоизменяться: достигать своего естественного предела и затем превращаться из действия в результирующее состояние или свойство одного из участников исходной ситуации. *John closed the window* — *The window is closed*; *John straightened his back* — *John's back straightened*; *John persuaded Mary that he was not guilty* — *At last Mary persuaded herself that John was not guilty*. Здесь отношения между значениями глагольных лексем в первом и втором случаях более сложные, чем в случае каузативной оппозиции (они не представляют собой простую сумму или разницу значений). Проблема представления семной структуры первого и второго значений нам не вполне очевидна; единственно, что очевидно, это то, что в качестве общего семантического элемента они имеют концептуальное ядро, называющее тип действия / состояния, а другие семы, по-видимому, фиксируют, каким образом, каким типом денотативного значения этот концепт реализуется: как действие или как состояние. Естественно, что семантическая валентность глагольных лексем, называющих действие и состояние, разная: во втором случае она обычно на единицу меньше — действие превращается в свойство / качество либо субъекта действия, либо объекта действия (соответственно субъектный результатив и объектный результатив).

Семантические сдвиги, возникающие при образовании категорий каузативности / декаузативности и результата, т. е. те, которые связаны с изменением семантической валентности глагольной вокабулы (или ее формы), дают основания рассматривать это новое употребление вокабулы как новую лексему с новым лексикографическим (т. е. предикатным) значением, отличным от, условно говоря, исходного. При этом второе значение связано

¹⁸ Мы основываемся на определении значения результата, предложенном А. А. Холодовичем (см.: Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 138).

с первым регулярными содержательными отношениями, которые следует трактовать как глагольное словообразование.¹⁹

Второй тип содержательных сдвигов оставляет без изменения лексическое (и, соответственно, лексикографическое) значение глагола, а отражает изменение субъективно-оценочных реалий,²⁰ связанных с изменением восприятия одной и той же ситуации говорящим, т. е. этот тип семантических сдвигов вообще не затрагивает денотативного содержания высказывания, а меняет только его, по терминологии С. Д. Кацнельсона, «интенцию», его логические акценты относительно роли каждого участника в ситуации. Значения такого типа рассматриваются обычно как диатезные или залоговые,²¹ а отношения между исходными и производными глаголами — как синтаксическое словоизменение, т. е. «производные» словоформы трактуются как иные залоговые формы одного и того же глагола.

Таким образом, содержательные изменения, затрагивающие денотативную семантику, обычно находят отражение (если они носят грамматикализованный характер) в словообразовательных категориях, а интенционно-оценочные (залогово-диатезные) — в словоизменительных категориях.

Кроме двух выделенных типов содержательных сдвигов, выделяется еще один, третий, тип категориальных значений, который не связан непосредственно со значением глагола, ни с лексическим, ни с интенционным, они оба остаются неизменными. Изменения затрагивают только денотативную соотнесенность элементов семантического окружения глагола. Таковы семантические сдвиги, связанные с образованием рефлексива и реципрока. Значение первого заключается в том, что оба элемента семантического окружения соотносятся с одним и тем же денотатом, в результате чего сферой приложения действия субъекта является он сам. При реципроке каждый из обоих семантических элементов одновременно соотносится с двумя сопоставленными им денотатами. При очевидности типа содержательного сдвига интерпретация категории рефлексива (особенно типа ее категориального статуса) оказывается сложной. Это связано со следующим: в ряде случаев (это относится к рецессивным конструкциям) способы выражения этой категории таковы, что передают не только одно «чистое» категориальное значение — «перенос действия на объект, однореферентный субъекту», а кумулятивны и сочетают это значение с самыми

¹⁹ Правда, в ряде случаев регулярное изменение категориальных значений может сопровождаться дополнительными, единичными семантическими сдвигами, и тогда уже приходится говорить не о регулярной словообразовательной, грамматической оппозиции, а о чисто лексическом явлении.

²⁰ Подробно этот вопрос обсуждается М. В. Никитиным, который интерпретирует это значение как значение логико-синтаксического уровня (см.: *Никитин М. В.* О предмете и понятиях комбинаторной семантики).

²¹ См.: *Холодович А. А.* Залог. — В кн.: Категория залога (Материалы конференции, АН СССР, ЛО ИЯ). Л., 1970.

разными другими значениями, либо категориальными (залоговыми, декаузативными), либо с чисто лексическими сдвигами значения. В таких случаях трактовка статуса этой категории — залог или словообразование — особенно затрудняется и вызывает существенные разногласия.

Таким образом, можно выделить три класса валентностных категорий в зависимости от типа содержательных изменений, которые они отражают, с учетом следующих критериев: 1) содержательный сдвиг связан с изменением значения самого глагола, затрагивающего либо и семантическую и синтаксическую валентности, либо только синтаксическую валентность, 2) содержательный сдвиг связан с изменением денотативных значений элементов окружения глагола.

Эти классы следующие.

I. Категория, где изменение затрагивает только синтаксическую валентность глагола: залоговые и диатезы.

II. Категории, где изменение затрагивает семантическую валентность глагола: каузатив / декаузатив, результатив и т. п.

III. Категории, где изменения затрагивают денотативный аспект элементов окружения глагола: рефлексив, реципрок и некоторые другие.

В последнем случае изменение денотативного значения элементов окружения часто сопровождается процессами либо первого, либо второго типа, поэтому в «чистом» виде они реализуются далеко не всегда, а часто представляют собой своеобразные категориально двойственные явления, типа «рефлексивный залог», в котором реализуется и значение рефлексивности, и значение определенной диатезы с элиминированным дополнением.

Все категории, кроме категории залога и диатезы, двуэлементны, и поэтому для характеристики составляющих их субкатегорий не требуется дополнительной содержательной интерпретации — она полностью покрывается общекатегориальным значением. Категория диатез и залогов многоэлементна, и поэтому требуется специальный анализ значения каждой субкатегории отдельно в рамках общекатегориального значения. Значение категории этого типа может быть определено либо вслед за А. А. Холодовичем²² как «схема соответствия между единицами синтаксического и семантического уровня», либо вслед за С. Д. Кацнельсоном²³ как изменение интенции высказывания. Обычно диатезы и залоговые рассматриваются как субкатегории одной категории,²⁴ где статус залога получают те диатезы, которые имеют специальную маркировку. По-видимому, дело обстоит несколько сложнее, поскольку различие между статусом диатезы и статусом залога лежит не только и не столько в плоскости морфологии, сколько

²² См.: Холодович А. А. Залог, с. 13.

²³ См.: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 181.

²⁴ См.: Холодович А. А. Залог; Типология каузативных конструкций.

в охвате глагольной лексики: те диатезы, которые могут регулярно быть образованы большим количеством глагольных групп (вне зависимости от факта наличия или отсутствия маркировки), безусловно могут быть проинтерпретированы как залоговые, а те, возможность образования которых носит единичный характер, залогового статуса не получают.²⁵ Поэтому и количество реализуемых в каждом конкретном языке типов диатез, и количество залогов носит в языках сугубо индивидуальный характер и может быть выявлено только посредством обследования конкретного языкового материала. При этом предполагалось, что одной диатезе может соответствовать только один залог, а одному залоговому статусу — только одна диатеза. Однако, как показывает материал, дело обстоит несколько иначе: в ряде случаев — обычно это случаи с элиминацией актанта — одна диатеза может соотноситься с несколькими залоговыми статусами, а один залог может быть представлен разными диатезами. Ситуация первого типа возникает тогда, когда с одним и тем же обобщенным значением изменения интенции соотносится несколько конкретно содержательных значений, которые можно интерпретировать как пресуппозиционные, т. е. такие, которые носят уточняющий характер по отношению к разворачиваемому действию. Например, элиминация дополнения в диатезе типа (Sb=II) (Ob=Ø) (так называемый «объектный имперсонал»),²⁶ связанная с подчеркиванием несущественности объекта ситуации, имеет, как минимум, два следующих значения: а) абсолютное значение (*Mary reads quickly; John walks in the morning; The girl is sewing*), при котором подчеркивается либо способность субъекта совершать определенные действия, либо факт занятости субъекта в определенное время определенной деятельностью и т. п., и 2) рефлексивное значение (*Mary dressed herself; John washed himself; The child buttoned himself*), передающее, что действие направлено не просто на самого себя, а либо на часть тела, либо на какую-то неотчуждаемую принадлежность субъекта.²⁷ Интересно, что различные пресуппозиционные значения одной и той же диатезы могут иметь как различные, так и одинаковые способы глагольной маркировки (данный тип рефлексивного значения может и не маркироваться в глаголе — случаи так называемого «имплицитного рефлексива»). В случае наличия у одной диатезы двух или более пресуппозиционных значений имеется потенциальная возможность для формирования в ее рам-

²⁵ При этом в тех случаях, когда маркировка имеется, а охват лексики мал, вряд ли можно говорить о наличии залоговых оппозиций, поскольку здесь возникают чисто лексические, а не регулярные грамматические сдвиги значений.

²⁶ См.: Холодович А. А. Залог; Типология пассивных конструкций.

²⁷ Данный тип рефлексивного значения является одним из подвидов общего значения рефлексивности. Оно всегда сочетается с диатезным значением элиминации дополнения, и при нем образуются кумулятивные типы конструкций.

ках нескольких залогов. Примером такой возможности является реально выделяемый в английском языке «рефлексивный залог», который, естественно, не охватывает всех структур, соотносенных с названной диатезой. Такое положение дел требует при интерпретации содержательной стороны диатез и соответственно залогов учитывать два плана: план общих, по-видимому сугубо функциональных значений, отражающих тип интенции (тип соотносенности семантических и синтаксических элементов), и второй план, план пресуппозиционных значений, отражающих уже некоторые семантические реалии.

Прежде чем обсуждать систему английских диатез и залогов и их значений, остановимся на характере соотношения лексического и лексикографического значения глагола с его диатезно-пресуппозиционными значениями, возникающими при залогово-диатезных преобразованиях. Как уже отмечалось ранее, сдвиг значения в этой категории связан с изменением только синтаксической валентности глагола при сохранении его семантической валентности (т. е. лексикографического значения) и лексического значения. В связи с этим необходимо говорить о двух типах значений — тех, которые остаются постоянными (лексическое и лексикографическое), и тех, которые меняются (диатезные и пресуппозиционные). Как уже отмечалось ранее, лексикографическое значение глагола задается его лексическим значением и семантической структурой ситуации, которую данный глагол описывает, и характеризуется, во-первых, набором партиципантов и их семантическими ролями, во-вторых — их иерархической, «весовой» упорядоченностью. Последняя закрепляется и реализуется в предложении посредством изоморфной весовой упорядоченности актантов, благодаря чему каждая исходная диатеза и каждая залогово-исходная структура имеют определенную исходную интенцию, определяемую непосредственно лексическим значением глагола. Под диатезным значением понимается любое изменение интенции, связанное с изменением оценки «веса» партиципанта относительно глагольного предиката или других партиципантов, что на синтаксическом уровне диатезы достигается путем нарушения изоморфных отношений между «весами» элементов семантической и синтаксической структур предложения. Этот тип значения следует рассматривать скорее как функциональное, в отличие от пресуппозиционного значения диатез, которое всегда передает какие-то конкретные реалии. Изменение интенции может сопровождаться (но не обязательно, особенно в случаях с элиминацией элементов) появлением особых пресуппозиционных значений, причем, насколько позволяет судить английский материал, более чем одного для каждой диатезы с элиминацией.²⁸

²⁸ Кроме сдвигов значений указанного типа, некоторые авторы, в частности А. В. Бовдарко (см.: Грамматическое значение и смысл), выделяют в качестве особого сдвига значения при образовании залогов изменение «син-

В исходных синтаксических структурах диатезное и пресуппозиционное значения предложения нейтральны и полностью определяются лексикографическим толкованием глагола. При сдвиге диатезы (залога) интенция предложения меняется: либо на первый план выдвигается не первый партиципant (при помощи изменения синтаксического статуса), либо меняется количество обязательно представленных партиципантов, т. е. происходит их элиминация на синтаксическом уровне, благодаря чему сохранившиеся в структуре актанты несут дополнительные относительно исходной структуры смысловые нагрузки. Таким образом, значение предложения с производной синтаксической структурой складывается из лексикографического значения и диатезного, последнее в производных структурах никогда не нейтрально, более того, обычно поддается семантической интерпретации: например, в конверсной диатезе с элиминацией субъекта («средний залог») пресуппозиционное значение передает либо произвольность действия — *The cup broke; The door opened*, либо модальность — *The book reads easily; The floor scrubs well*.²⁹

Таким образом, при залоговых и диатезных преобразованиях наблюдается тождественность лексикографического значения глагола во всех конструкциях, но меняется диатезно-пресуппозиционное значение, вследствие чего суммарное значение всей конструкции, безусловно, тоже меняется. Различие значений здесь напоминает различие значений членов падежной парадигмы: вещественное значение (в нашем случае лексикографическое) всюду одно и то же, а «формальное», «падежное», диатезно-пресуппозиционное — разное.

Мы рассматриваем множество синтаксических структур, образуемых одной глагольной лексемой при залогово-диатезных преобразованиях, как синтаксическую парадигму этого глагола. Поэтому необходимо, как и в любых других типах грамматических парадигм, в частности морфологических, различать вещественное и формальное значение у каждого члена парадигмы. Когда речь идет о любой словоизменяемой парадигме в морфологии, то под вещественным значением понимается конкретное лексическое значение слова, а под формальным — грамматическое значение определенной категории (падеж, время и т. п.), которое, во-первых, всегда является обобщенным в сравнении с лексическим и, во-вторых, всегда носит сопроводительный характер.

В случае синтаксической парадигмы в качестве вещественного значения образуемой глаголом синтаксической структуры выступает не набор конкретных лексем типа *читает (Маша, книга, сестра)*, а семантическая структура, представленная набором

таксического значения» понятийных единиц, т. е. единиц синтаксического уровня.

²⁹ О пресуппозиционных значениях в диатезе с элиминацией объекта говорилось выше.

обобщенных, формализованных, понятийных единиц: *читает* (агнс, патиенс, адресат), которые передают некие обобщенно-грамматические значения. В качестве грамматического (диатезно-пресуппозиционного) значения выступают различные способы аранжирования этих понятийных единиц на синтаксическом уровне и мотивировка этого аранжирования. Таким образом, при описании как вещественного, так и грамматического значения в синтаксической парадигме, в отличие от морфологической, мы всегда имеем дело только с абстрактными грамматическими значениями, но это абстракции разных порядков: первые отражают понятийные категории, партиципаны, характеризуемые собственным денотативно-ситуационным значением, вторые имеют лишь интенционное значение, меняющее лишь логическую значимость партиципантов. Это позволяет считать, что, хотя уровень как пропозиционных, так и диатезно-пресуппозиционных значений описывается в терминах грамматических единиц, единицы первого типа являются «вещественными» по отношению ко вторым, выполняя функции «грамматических», т. е. значения, вкладываемые в понятия «вещественности» и «грамматичности», могут носить не только абсолютный, но и относительный характер.³⁰

Приложение системы исчисления залогов и диатез у двухактантных глаголов³¹ к английскому материалу показывает, что они реализуются в более или менее очевидных случаях следующим образом³² (см. таблицу): 1. Залогово-диатезный статус большого количества синтаксических конструкций с нестандартными способами маркировки глагола далеко не всегда очевиден³³ и в большинстве случаев практически не обсуждался. Однако все эти структуры укладываются в указанную систему. 2. Что касается незаполненных или условно заполненных клеток (4, 6 и 7), то о них можно сказать следующее: а) субъективный квазипассив (русск.: «мне мечтается», «мне не читается») в английском языке, на наш взгляд, вообще не представлен, и вряд ли можно найти какую-либо английскую конструкцию, которая удовлетворяла бы требованиям данной диатезы; б) абсолютный имперсонал представлен в английском языке очень ограниченным количеством примеров, которые представляют собой скорее устойчивые словосочетания, клише (надписи на этикетках или на табличках) не-

³⁰ Такая трактовка не представляется неожиданной: рассмотрение явлений, связанных с динамическими аспектами языка, обусловило необходимость трактовать целый ряд понятий как скользящие.

³¹ См.: *Холодович А. А.* Залог, с. 14.

³² Вопрос о диатезах трехактантных глаголов, там, где преобразование затрагивает третий партиципант, будет рассмотрен ниже. В тех случаях, когда преобразования охватывают только два первых актанта, они укладываются в систему двухактантных глаголов.

³³ См.: *Долинина И. Б.* Рефлексив и средний залог в системе английских залогов и проблема «гиперлексемы». — В кн.: *Проблемы теории грамматического залога.* Л., 1978.

X	Y	Тип диатезного (залогового) знака Холодовичу	Вид конструкции	Англистическая интерпретация категориального статуса		
				залоговая	незалоговая	
1	П	Д	Актив	<i>John read the book Mary dressed the child The child closed the door</i>	Активный залог	—
2	Д _{ар}	П	Пассив	<i>The book was read (by J.) The child was dressed (by M.) The door was closed (by the child)</i>	Случай без эллипсиса 1) акциональный пассив 2) с эллипсисом Д _{ар} а) акциональный пассив б) стальной пассив	— — Именное сказуемое
3	П	∅	Объектный имперсонал	<i>John reads quickly Mary dressed herself</i>	Актив Рефлексивный залог	Абсолютив
4	∅	Д	Субъектный имперсонал	Возможно: <i>One must not read this kind of literature</i>		
5	∅	П	Объектный квазипассив	<i>The book reads quickly The door opens easily</i>	Средний залог	1. Новое значение слова 2. Деказатив
6	Д	∅	Субъектный квазипассив	—	—	—
7	∅	∅	Абсолютный имперсонал	Возможно: <i>Made in England Opens inside</i>	—	—

жели регулярно образуемые производные синтаксические структуры; в) субъективный имперсонал, на наш взгляд, регулярно представлен в английском языке конструкциями с так называемым «формальным подлежащим». Сюда относятся конструкции с *one* (обычно в сочетании с модальными глаголами), типа *One knows (лучше must know) everything about such kind of things; One should not read in bed*. Эти конструкции являются аналогами русских неопределенно-личных конструкций, поскольку подлежащее выражено здесь не полнозначной лексемой, как это всегда бывает при факте «выраженности партиципанта», а представляет собой чисто формальное заполнение позиции. В подобном случае есть основания говорить об элиминации партиципанта, так как он не представлен и не может быть представлен никакой конкрет-

ной лексемой и подлежащее не может быть представлено в виде комплекса из однородных членов предложения, где один из элементов *one*, а второй — полнозначная лексема: **One and John must know everything about such kind of things*. Кроме того, к этой же диатезе по признаку (Об=Д) можно отнести и конструкции типа: ³⁴ *It is known that John comes in time; It was appreciated that Mary played the piano*, т. е. с пассивной маркировкой глагола и начальным *it*, которое мы склонны в этом случае интерпретировать не как репрезентант полнозначной части, а как формальное подлежащее, придаточное же — как обычное дополнение. Подробнее этот вопрос обсуждается нами в связи с интерпретацией залогового значения «пассивной формы». ³⁵

Итак, в английском языке можно безусловно говорить о реализации пяти типов диатез. Естественно встает вопрос, какие из них могут получить статус залога, а какие — нет. Мы полагаем, что принципиальных различий между залоговыми и незалоговыми значениями (и подзначениями, если диатеза имеет более одного пресуппозиционного значения) не существует. В качестве залоговых эти значения выступают тогда, когда 1) имеется формальное средство (или сравнительно ограниченный спектр средств) для их передачи и 2) определенный круг глаголов (наличие хотя бы одного лексико-семантического класса глаголов, а не группы единичных глаголов), способных реализовывать данные значения в данной диатезе.

В связи с этим мы в систему залогов включаем как традиционно признаваемые активный, пассивный и рефлексивный (последний с существенными оговорками относительно характера глаголов, которые могут его образовывать), так и дискуссионный средний. Что касается случаев абсолютива, то его статус остается для нас неочевидным: с одной стороны, структуры этого типа вполне можно интерпретировать как случаи обычного контекстуального эллипсиса; с другой стороны, пресуппозиционные значения, которые возникают при этом (модальные: *She reads English* 'Она умеет читать по-английски'; оценочные: *She reads quickly* 'Он читает быстро' и др.), позволяют говорить о наличии специфического диатезного значения у переходных глаголов — процессно-ориентированного, в отличие от обычного объектно-ориентированного

³⁴ Строго говоря, это не совсем та же диатеза, а диатеза вида $\frac{SbOb}{D_{agr}D}$, поскольку субъект, хотя и не занимает позиции подлежащего, все-таки может быть представлен агентивным дополнением. Но такого рода сдвиги в исчислении Холодовича не учтены, а по признаку неизменности дополнения, по типу пресуппозиционного сдвига (появляется значение безличности) эти конструкции вполне можно отнести к этой группе.

³⁵ См.: *Долинина И. Б.* Пассивные диатезы английских глагольных лексем. — В кн.: *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*. Л., 1981; *Ярцева В. Н.* Слова-заместители в современном английском языке. — Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол., 1949, № 14; *Ильин Б. А.* Современный английский язык. М., 1948.

(см. интерпретацию этих типов значения у Холлидея),³⁶ и соответственно о принципиальной возможности выделять абсолютивный залог.³⁷

Статальный пассив мы выводим из числа залогов, включая его в систему результатива. Такая трактовка этой субкатегории не противоречит традиционной интерпретации.

Предлагается следующая содержательная интерпретация залогов.

1. Активный залог обозначает выполнение субъектом определенного действия относительно или безотносительно других вещей или лиц. При этом диатезные и пресуппозиционные характеристики (интенция, имплицитная модальность и т. п.) данного залога полностью определяются его лексическим и лексикографическим значением.

2. При пассивном залоге сдвиг диатезного значения связан с изменением интенции: подчеркивается, что логическим центром высказывания становится тот партиципant, который подвергся высказыванию со стороны субъекта, при этом факт связи между ним и субъектом (вне зависимости, представлен субъект в реальной структуре или нет) остается существенным. Невыраженность субъекта рассматривается как его эллипсис, а не как элиминация.³⁸

3. При образовании среднего залога сдвиг диатезного значения заключается в изменении интенции, ставящей в центр высказывания также второй партиципant. Однако это изменение иного плана, нежели при пассивном залоге, — внимание фиксируется не на факте, фиксирующем характер отношения между объектом и субъектом, а на характере отношения объекта и действия, а именно на том, каковы его собственные свойства или особенности, определяющие его участие в действии, или какова его доля в производимом субъектом действии. Поэтому в структурах этого залога у ряда глаголов (см. ниже) часто присутствуют в качестве обязательного элемента обстоятельства образа действия, места или времени, показывающие, при каких условиях эти способности реализуются. Недаром Холлидей эти конструкции (как и абсолютивные) определяет как процессно-ориентированные (в отличие от агенсно-ориентированных пассивных). При этом у разных лексико-семантических классов глаголов пресуппозиционные значения бывают различными, в частности наиболее распространенными являются значения различных модально-вре-

³⁶ См.: *Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English*, pt. 1. — *Journ. of Ling.*, 1967, vol. 3, N 1.

³⁷ В языках эргативного типа, где прямым падежом маркируются дополнения, элиминация дополнения всегда сопровождается соответствующей маркировкой в глаголе и конструкции рассматриваются как залоговые.

³⁸ Пресуппозиционное значение у этих диатез одного типа, поэтому его можно не дифференцировать от диатезного.

менных оценок и значение случайности, произвольности или анонимности действия.

4. Рефлексивный залог связан с одним из специфических пресуппозиционных значений диатезы с элиминацией объекта, которая вызвана фактом однореферентности субъекта и объекта, при этом не любая однореферентность, как было отмечено ранее (см. с. 76), приводит к образованию рефлексивного залога (см. с. 77), а только тот ее тип, когда она связана с наличием поссессивных / партитивных отношений между субъектом и объектом ситуации. В этом залоге реализуются по существу два типа категориальных значений: значение категории диатезы и значение категории рефлексивности. В тех случаях, т. е. у тех глаголов, у которых образование рефлексивных значений не сопровождается сдвигом диатезы, оппозиции при образовании рефлексивных конструкций не образуется.³⁹

Кроме названных пяти типов диатез и четырех выделенных залогов, которые охватывают изменение синтаксической структуры взаимного статуса первых двух актантов глаголов, т. е. все случаи двухактантных глаголов и те случаи трехактантных, в которых участвуют только первый и второй элементы, существуют диатезы, охватывающие изменение синтаксического статуса третьего партиципанта, т. е. второго дополнения. В английском языке таких диатез три. Одну из них мы интерпретируем как такую пассивную, у которой в позицию подлежащего переходит не второй, а третий партиципant (см. п. 2). Интерпретация других диатез не столь очевидна. Однако одна из них, связанная с переходом третьего партиципанта в позицию подлежащего и элиминацией агенса (*John closed the door with a key — The key closes the door easily; Mary illuminated the hall with candles — Candles illuminated the hall*), вполне подходит под интерпретацию, данную среднему залогу, подчеркивающему пресуппозиционные значения, связанные со способностью подлежащего выполнять определенные действия или их специфической (модально оцениваемой) ролью в выполнении этих действий. Третий тип диатезы не имеет непосредственного аналога в системе исчисления двухактантных глаголов. Сюда относятся случаи двойных моделей управления, типа *Mary planted roses in the garden — Mary planted the garden with roses; John gave an apple to the child — John gave the child an apple*, когда второй и третий партиципанты могут взаимно менять свой синтаксический статус. Эти конструкции можно рассматривать как один из случаев собственно конверсии,⁴⁰ связанной с сохра-

³⁹ Подробно этот вопрос рассмотрен нами в статье «Пассивные диатезы английских глагольных лексем».

⁴⁰ Чаще коинверсивные отношения передаются либо чисто лексическими средствами, т. е. существуют две разные лексемы для передачи изменения «веса» элемента в ситуации (*продавать—покупать; давать—брать*), либо при помощи словообразовательной аффиксации (*очистить ботинки от грязи—счистить грязь с ботинок*), либо при помощи пассивных преобразований.

нением лексикографического значения глагола, но с изменением диатезно-пресуппозиционных значений определенного типа. Диатезный статус конструкции будет рассмотрен ниже, при описании конкретного материала.

Итак, рассмотрев все особенности содержательных сдвигов, связанных с действием валентностных категорий, перейдем к анализу категориального статуса конкретных синтаксических структур, образуемых в рамках спектра «залоговых форм».

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ «ИСХОДНОЙ» ФОРМЫ ГЛАГОЛА

В английском языке имеется значительное число глаголов, у которых одна и та же вокабула в активной форме может образовывать более одной синтаксической структуры. При этом возникает альтернатива: существование таких структур свидетельствует о наличии у глагола различных лексикографических значений (в соответствии с чем необходимо выделять две самостоятельные синтаксические залоговые парадигмы, отдельную для каждого глагола), или данная вокабула передает одно лексикографическое значение, различие же синтаксических конструкций связано с изменением диатезы или залога, и, следовательно, сдвиг диатезы может вообще не маркироваться в глаголе, а исходная форма глагола может образовывать залогово производные структуры. В последнем случае необходимо решать, какое лексикографическое толкование приписывается глаголу и какой из имеющихся структур приписывается статус исходной в синтаксической парадигме.⁴¹

Двухактантные глаголы рассматриваемого типа образуют две пары синтаксических структур: одна из структур в каждой паре является двухактантной, включающей подлежащее и дополнение, вторая — одноактантной, с подлежащим, которое соотносится с дополнением, либо с подлежащим двухактантной структуры. Одни глаголы образуют пары структур только одного типа, другие — обоих типов.

Примером пар первого типа могут служить следующие структуры:

- (1) *John reads the book — The book reads quickly.*
- (2) *Mary scrubbed the floor — The floor scrubs easily.*
- (3) *Mary broke the cup — The cup broke.*
- (4) *Mary closed the door — The door closed.*
- (5) *John clasped his hands — John's hands clasped.*
- (6) *He burns wood — Wood burns.*
- (7) *Mary hurt her finger — Mary's finger hurts.*

Формально во всех приведенных предложениях подлежащее одноактантных структур соотносится с дополнением двухактант-

⁴¹ См.: Долинина И. Б. Некоторые вопросы исходности и производности синтаксических структур (на материале английского языка). — В кн.: Проблемы лингвистической типологии. Л., 1977.

ных, и в этом плане все пары одинаковы. Подлежащее двухактантных структур не представлено в одноактантных, т. е. там, где соотношенная ему лексема представлена, — случаи (5) и (7) — она выполняет функцию не актанта, а атрибута. Причины лексической выраженности подлежащего связаны не с синтаксическими особенностями глагола, а с тем, что в английском языке необходимо в определенных случаях фиксировать посессивные отношения. По особенностям семантических взаимоотношений актантов и глагола предложения можно разделить на четыре группы.

Исходя из рассмотренных ранее типов содержательных сдвигов, связанных с категориальными преобразованиями, предлагается следующая интерпретация каждой выделенной группы.

К первой группе относятся пары типа (1) и (2). Обе структуры в данных парах несомненно образованы одной и той же лексемой, и позицию подлежащего одноактантной структуры занимает дополнение, соотношенное с объектом двухактантной. Речь идет об одной и той же лексеме, потому что действие, которое ею называется, и в первом и во втором случае одно и то же, причем и в первом и во втором случае это действие производит только субъект, объект же сам никакого действия не производит, а является только точкой приложения усилий субъекта. Что касается подлежащего первого предложения, то, хотя оно не представлено и, более того, запрещено на синтаксическом уровне, наличие отражаемого им семантического элемента во второй структуре совершенно очевидно: в выражениях (1) и (2) семантика самих глаголов *read* и *scrub* предполагает существование субъекта действия. В связи с этим мы считаем, что глаголы в обеих парах структур имеют одно и то же лексикографическое значение, которое отражает ситуацию с двумя партиципантами: субъектом и объектом. Соответственно исходной структурой является двухактантная, а одноактантная — ее залоговым дериватом, репрезентирующим диатезу среднего залога. При этом можно говорить о наличии особого пресуппозиционного типа значения: модального, фиксирующего наличие определенного типа возможности («легко», «трудно», «быстро») для протекания действия. Лексический состав глаголов, способных образовывать пары данного типа, не вполне очевиден; по-видимому, сюда относятся глаголы нескольких семантических групп, характерная черта которых состоит в том, что это истинно переходные глаголы (в отличие от каузативных), у которых объект является только объектом воздействия или возникает в результате действия, а сам в действии никакого участия не принимает (например, *to read*, *to sew*, *to wash*, *to scrub* и т. д.).

Вторую группу составляют предложения типа (6) и (7). Здесь глагольная вокабула имеет два омонимичных значения: каузативное в случае двухактантной структуры и декаузативное в случае одноактантной структуры. Такое толкование обусловлено тем, что одноактантные структуры отражают ситуации, осуществление

действия в которых не требует наличия еще одного партиципанта. В связи с этим отношения между двух- и одноактантными структурами качественно иные, чем в случаях (1) и (2): первая структура описывает ситуацию каузации с двумя участниками (каузатором и субъектом действия), вторая — ситуацию только с субъектом, т. е. второй партиципant — каузатор, подлежащее первой структуры, во второй не представлен не только на синтаксическом уровне, как в случаях (1) и (2), но и содержательно, — его вообще нет в семантической структуре. Лексическое значение этих глаголов (как каузативных, так и некаузативных) таково, что второй партиципant (как в первой, так и во второй структуре) сам непосредственно выполняет действие (называемое концептуальным ядром лексемы), т. е. дерево поджигают и оно горит; палец ударяют и он болит, в отличие от случаев (1) и (2), где второй партиципant сам никакого действия не выполняет. Естественно, что каждое из значений вокабулы называет совершенно разные с точки зрения денотативного значения действия, при этом второе, некаузативное, прямо называет конкретное событие, конкретный процесс — факт «горение», факт «боль», а каузативный глагол никакого конкретного действия может и не называть (так как неизвестно, что конкретно сделал субъект, чтобы дерево начало гореть или чтобы палец заболел).

Что касается предложений (3) и (4), то их интерпретация сложна, поскольку они занимают в некотором роде промежуточное положение между случаями выражения явно залоговых и явно каузативных противопоставлений. С одной стороны, осуществление действия в ситуации, описываемой одноактантной структурой, происходит как бы само по себе, поскольку семантика глагола и семантика объектов такова, что объект в первой структуре не просто подвергается воздействию, оставаясь бездеятельным, пассивным, а он сам выполняет некоторое действие или является активным носителем определенного состояния (меняет форму, положение и т. п.). Глаголы, образующие первые в паре члены конструкций, — это всегда каузативные глаголы, поскольку их значение передает идею такого воздействия на объект, которое заставляет объект быть активным: принимать участие в действии, соучаствовать в нем. Поэтому факт отсутствия у таких глаголов на синтаксическом уровне субъекта каузации дает право говорить о возможном процессе декаузации. Однако тип действия, называемого каузативным глаголом, таков, что он каузирует объекты, являющиеся такими неодушевленными или лишенными внутренней динамики предметами, которые сами по себе, без воздействия извне, подобного действия совершить не могут; а это свидетельствует о том, что в семантической структуре ситуации субъект каузации должен быть обязательно представлен. Это позволяет говорить о том, что отсутствие субъекта связано не с изменением семантической валентности, а со сдвигом диатезы, т. е. с элиминацией его только на синтаксическом уровне, т. е. что есть основания

считать данную оппозицию залоговой (меняется статус объекта, и элиминируется субъект), соотносенной так же, как и (1) и (2), со средним залогом. Таким образом, в данном случае есть объективные причины для двойственной интерпретации данных пар структур, связанные с тем, что понижение синтаксической валентности у каузативных лексем может быть обусловлено двумя различными категориальными процессами: 1) декаузацией и 2) сдвигом диатезы. Однако мы полагаем, что для наиболее типичных случаев ⁴² можно определить, когда реализуются процессы первого типа, а когда — второго. Представляется, что в тех случаях, когда семантика каузативного глагола такова, что он требует одушевленного — или неодушевленного, но активного — объекта, понижение валентности приводит к образованию декаузативных значений, т. е. к образованию нового, некаузативного значения у вокабулы. В тех же случаях, когда семантика требует «пассивного» объекта, образуются, как у обычных переходных глаголов, залоговые конструкции, с сохранением лексического значения глагола. В связи с этим мы считаем, что случаи типа (3) и (4) представляют собой залоговые дериваты каузативных глаголов. В принципе все спорные случаи подобного рода необходимо описывать в системе залоговых преобразований, но в рамках гиперлексемы.

Интересно, что тип пресуппозиционного сдвига в производных структурах в случае (1) и (2) иной, чем в случаях (4) и (5), хотя оба они репрезентируют одну и ту же диатезу. В первой группе подчеркивается характер модальной оценки, во второй — характер случайности, произвольности действия. В связи с этим в производных структурах первой группы всегда обязательно присутствует наречие со значением модальной оценки, в производных структурах второй группы оно обычно отсутствует, хотя может быть и введено. В последнем случае пресуппозиционное значение также изменится: вместо произвольности, случайности действия появится значение модальной оценки (ср. *The door opened — The door opens easily; The cup broke — The cup broke immediately*).

Четвертую группу образуют конструкции типа (5). Они образуются в основном глаголами с семантикой «моторики» (значение

⁴² В тех случаях, когда интерпретация семантики элементов конструкции неоднозначна в силу того, что в языке реально существуют пограничные зоны, где категориальные значения элементов занимают как бы пограничное положение (уже не залоговые в строгом смысле, но еще и не явно каузативные и т. п.), предлагается пользоваться понятием гиперлексемы (или суперлексемы) (см.: Холодович А. А. Залог; Долина И. Б. Рефлексив и средний залог в системе английских закоиов и проблема «гиперлексем»), это позволяет объединять в одно гнездо на основе общности концептуального ядра лексем различные предикаты, взаимный категориальный статус которых не ясен (залоговая форма, декаузатив, новая лексема и т. п.), но ясны типы взаимного соответствия элементов окружения, т. е. какому партиципанту из общего их набора соответствует каждый член предложения в каждой конструкции.

конкретного физического движения частей тела). Интерпретация категориального значения глаголов с данной семантикой наиболее сложна, поскольку семантически эти глаголы представляют собой особый тип, который невозможно подвести ни под семантически истинно переходные (прямое дополнение находится в партитивном отношении с подлежащим и, таким образом, реальным участником не является и не имеет собственного денотата, независимого от денотата субъекта), ни под истинно каузативные, поскольку движения частей тела не являются следствием каузации субъекта, а являются способом деятельности субъекта, самой этой деятельностью. Представляется очевидным, что лексическое значение глагола в обеих конструкциях одинаково, различия же в значении связаны с тем, что в непереходных конструкциях в гораздо большей степени выражено значение произвольности действия, чем в первой. Кроме того, по-видимому, учитывая, что дополнения в этих конструкциях всегда обозначают подвижные части тела, возможно и наличие определенной метафоризации в одноактантных конструкциях, когда подлежащее воспринимается как самостоятельный производитель действия, который можно интерпретировать как своего рода субъект. Мы считаем, что случаи такого типа можно интерпретировать двояко — и как случаи среднего залога, и как случаи непереходных глаголов движения (вряд ли им возможно приписывать декаузативное значение, поскольку наличие каузативного значения у двухактантных структур для нас очень сомнительно).

Неопределенность интерпретации переходных случаев усугубляется тем, что существуют категориально синонимичные пары (иногда даже тройки) структур типа:

(7a) *His hand lowered* — (b) *His hand was lowered* — (c) *His hand lowered itself*.

(8a) *His hands clasped* — (b) *His hands were clasped* — (c) *His hands clasped themselves*.

В случаях 7b и 8b можно говорить о результативном значении в противовес акциональному значению соответствующих структур (a) и (c), но (a) и (c) полностью синонимичны.

Если считать, что при исходной форме глагола имеем новое значение глагола и соответственно залогово исходную диатезу, то следует признать существование двух параллельных способов маркировки исходной диатезы у ряда глаголов. Однако это может привести к чрезмерному усложнению описания глагольной системы английского языка, ибо придется устанавливать, для какого типа глаголов характерна такая множественность оформления и чем она отличается от депонентных глаголов типа *to be accustomed*, являющихся единственной формой некаузативного глагола. В результате придется учитывать еще один тип грамматической синонимии глагольных форм на уровне многозначности исходной формы. При этом наличие двух способов маркировки значения, которое можно принять за исходное значение глагола,

регулярно наблюдается только тогда, когда имеется оппозиция с «исходным» двухактантным глаголом, случаи же наличия двойственной маркировки вне такой пары практически (за редчайшим исключением) отсутствуют. Таким образом, говорить об «абсолютной» исходности значения у данных употреблений глагола вряд ли допустимо.

П р и м е ч а н и е. Необходимо отметить, что указанные тройки (залогово исходная, рефлексивная и иногда пассивная формы) могут образовывать и другие семантические группы глаголов: глаголы движения в более широком спектре значения, в том числе и не механического движения, а психологического, речевой моторики и т. п., глаголы «становления», «формирования свойств и качеств» и т. д. Правда, весь набор структур реализуется в полном объеме нерегулярно и далеко не для всех глаголов. Часто глаголы в названных конструкциях имеют маркировку либо двух типов — (а) и (с), либо только одного — или (а), или (с). Например, глаголы *to form*, *to diffuse*, *to propagate*, *to repeat*, *to reveal*, *to utter* регулярно образуют модели (а) и (с). Случаи с пассивной маркировкой (*The state was formed*; *The sound was repeated*) репрезентируют не одноактантные структуры, а являются эллипсисом двухактантных, пассивных, в которых опущено агентивное дополнение.

Глаголы *to arise*, *to relax*, *to move*, *to swing*, *to extend* образуют как будто бы только модель (а): *His head arose*; *Her face relaxed*.

Модель (с) образуют глаголы *to arrange*, *to transfer*, *to present*, *to empty*, *to express*, *to refine* и т. д.: *Her face arranged itself in a meditative smile*; *These conduits emptied themselves into the stream*.

Таким образом, если для этой промежуточной (не явно залоговой и не явно непереходной или декаузативной) группы глаголов рассматривать употребление в одноактантной модели как самостоятельное значение вокабулы, то кроме всего прочего еще неясно, какую же форму глагола избрать за исходную, образующую исходную диатезу.

Мы полагаем, что эти случаи необходимо, как и предыдущий, интерпретировать в рамках гиперлексемных отношений, считая, что корреляция значений глагола в двух- и одноактантных конструкциях представляет собой некоторую пограничную зону между залоговыми изменениями и словообразованием. Правда, представляется, что внутри подобных пар (ср. с конструкциями на с. 89) отношения более близки к залоговым, т. е. мы склонны данные одноактантные конструкции интерпретировать как конструкции среднего залога с пропозиционным значением аналогичным тому, какое наблюдается в случаях (3) и (4).

Кроме описанных пар, образуемых исходной формой глагола, в английском языке существуют пары с иным отношением между элементами двух- и одноактантных структур — они имеют общее подлежащее: ⁴³

⁴³ Из рассмотрения исключаются случаи абсолютивного употребления.

- (10) *Mary dressed the child — Mary dressed.*
 (11) *John straightened his back — John straightened.*
 (12a) *John moved his fingers — John moved.*
 (b) *Mary moved the chair — Mary moved quickly.*
 (13) *The teachers assembled children in the garden —
 The teachers assembled in the garden.*
 (14) *John walked the horse — John walked.*
The boy drowned the boat — The boy drowned.

Для подобных глаголов также стоит вопрос относительно того, как интерпретировать их категориальное значение. Глаголы в этом плане неоднородны. В случаях типа (10) (так называемые имплицитные рефлексивы) речь идет бесспорно об одном семантически двухактантном глаголе, предполагающем наличие субъекта и объекта, в связи с чем двухактантная структура интерпретируется как исходная, а одноактантная — как рефлексивная, производная от первой.

В случае типа (14) отношения между глаголами в двух- и одноактантной структуре представляют собой отношения каузатива и некаузатива, т. е. имеется два самостоятельных значения глагола.

Интерпретация всех остальных пар очень неопределенна: случай (11) еще как-то можно рассматривать как оппозицию исходного и рефлексивного значений, предполагая, что в случае одноактантной структуры имплицитно присутствует информация о распрямляемом объекте. С другой стороны, в семантически близком ему глаголе *to move* интерпретировать *he moved* как рефлексив, предполагая имплицитное наличие в семантической структуре того, кого (или что) двигают, представляется малоубедительным, и отношения внутри пар (12) невозможно подвести под рефлексивные. Скорее всего это случаи лексической интранзитности.

Глагол *to move* в значении «двигать, двигаться» в примере (12b), по-видимому, передает отношения лексической детранзитивации, близкие к каузативным, при которых агенс движения выступает в качестве каузатора.

Что касается случаев типа (13), то здесь, по-видимому, можно говорить о двухактантной каузативной структуре и об одноактантной декаузативной (а не рефлексивной) конструкции.

При этом (10), (11) и (14) могут иметь синтаксическую структуру, синонимичную одноактантной, образованную рефлексивной глагольной формой: *Mary dressed herself; John straightened himself; The teachers assembled themselves in the garden.*

Наличие таких структур при рефлексивных значениях производных диатез естественно. Но у структуры с *assemble*, которая является исходной, возникает две синонимичные формы глагола (исходная и производная) для обозначения данного значения глагола.

Таким образом, для глаголов, образующих переходные и непе-

реходные конструкции с общим подлежащим, в большинстве случаев невозможно однозначно определить взаимный статус этих структур и значение глагола с точки зрения того, о каких категориальных или чисто лексических оппозициях здесь идет речь.

Сложность интерпретации усугубляется тем, что ряд глаголов — в основном это глаголы «моторики» — может образовывать оба типа структур: *He moved his fingers — He moved — His fingers moved; The boy straightened his back — The boy straightened — His back straightened.*

А это значит, что каждую из этих структур невозможно рассматривать не только обособленно, но даже и попарно, а необходим анализ всех трех структур одновременно, с позиций двухактантного глагола, т. е. в общем случае, с позиций глагола, толкование которого включало бы в себя суммарный набор всех партиципантов, с которыми рассматриваемая глагольная лексема может сочетаться. Для этого и в этих случаях необходимо пользоваться понятием «гиперлексемы», которое даст возможность осмыслить комплекс взаимных связей между всеми структурами, образуемыми рассматриваемым глаголом.

Кроме указанных оппозиций двух- и одноактантных структур, в английском языке имеются немаркированные оппозиции трех- и двухактантных структур, а также так называемые «двойные модели» управления трехактантных глаголов.

Интерпретация первых, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Все случаи типа:

- (15) *John closed the door with a key — The key closes the door;*
- (16) *Mary covered the table with a cloth — The cloth covers the table;*
- (17) *The girl decorated the room with flowers — Flowers decorate the room;*
- (18) *John disappointed Mary with bad news — Bad news disappointed Mary, —*

можно интерпретировать как случаи среднего залога, когда в сферу залоговых преобразований втянут третий актант. Каузативное значение глагола в исходных структурах сохраняется и в производных. Значение концептуального ядра также остается без изменения. Диатезно-пресуппозиционное значение связано с элиминацией одушевленного субъекта каузации и передачей его семантических функций орудию / средству.

Интерпретация случаев второго типа более сложна. Пары двойных моделей управления имеют вид:

- (19) *Mary planted roses in the garden — Mary planted the garden with roses.*
- (20) *John hung pictures on the wall — John hung the wall with pictures.*
- (21) *Mary explained the situation to John — Mary explained John the situation.*
- (22) *Tom presented apples to children — Tom presented children with apples.*

Подобные пары образуют класс трехактантных однолексемных конверсивов. Он встречается во многих языках, но в большинстве случаев глагольные лексемы различаются там словообразовательными аффиксами («погрузить кирпичи на телегу» — «загрузить телегу кирпичами», «повесить картины на стену» — «завесить стену картинами»), что хотя бы формально позволяет рассматривать их как разные глаголы. Однако в ряде языков, в частности в английском (в качестве его типологического аналога выступает только индонезийский язык), такие структуры регулярно образуются одной глагольной вокабулой, в связи с чем особенно остро встает вопрос о том, имеется ли тут два разных предиката или только один. В английском языке такие пары образуют глаголы с семантикой «пространственной локализации», «давания», «речи». Мы считаем, что глагольные вокабулы данного типа имеют только одно лексикографическое толкование, исходя из принятой нами трактовки пропозиционного значения предиката как системы, состоящей из одного и того же набора партиципантов. У глаголов данного типа это условие выполняется. Различия в значении образуемых ими структур особенно четко проявляются у глаголов пространственной ориентации,⁴⁴ где одна из структур имеет дополнительное значение «полное заполнение пространства». Так, предложение *He planted the garden with roses* означает, что весь сад засажен цветами, в отличие от *He planted roses in the garden*, которое фиксирует только факт посадки роз в саду.

Мы полагаем, что названное значение полного заполнения пространства является дополнительным по отношению к пропозиционному, оно не связано с введением каких-либо новых участников в ситуацию и не меняет в интерпретации ситуации ничего, кроме некоторой квантитативной оценки выполнения действия относительно имеющегося пространства и связанного с этим изменения интенционной оценки участников. Поэтому смысловые надбавки, не меняющие ни набора, ни статуса партиципантов, можно считать одним из типов диатезного значения и рассматривать глагольную вокабулу в обеих структурах как один и тот же глагол. Правда, считая, что здесь речь идет о диатезных противопоставлениях значения глагола, необходимо выяснить, какая из конструкций передает его категориально исходное значение. Этот вопрос требует специального рассмотрения, и ответ на него связан с тем, какая из конструкций передает минимальные содержательные нагрузки относительно лексикографического толкования.

Итак, говоря о категориальном значении исходной формы, можно констатировать следующее.

1. При оппозиции двух- и одноактантных структур, в тех случаях, когда подлежащее одноактантной соотносится с дополнением двухактантной, эта форма помимо категориального исход-

⁴⁴ Подробнее см.: Холодович А. А. Залог.

ного значения может передавать 1) явно залоговые, а именно среднего залога, 2) явно декаузативные, 3) промежуточные между залоговыми и каузативными значения (они возникают у тех каузативных глаголов, которые имеют «пассивные» с точки зрения каузативного действия объекты, благодаря чему возможность реализации декаузативного значения, требующего «активного» субъекта, весьма проблематична) и 4) промежуточные между залоговыми и словообразовательными (но не декаузативными) оппозициями (глаголы «моторики»). Случаи двух последних типов целесообразно описывать в рамках залоговых оппозиций, с учетом того, что они представляют собой элементы гиперлексем.

В тех случаях, когда подлежащее одноактантной структуры соотносится с подлежащим двухактантной структуры, форма, кроме исходного значения, передает 1) значение рефлексивного залога, 2) значение декаузатива и 3) целый набор значений, которые не укладываются ни в рефлексивное, ни в декаузативное, а представляют собой некую лексическую интранзитивность.

2. При оппозиции трех- и двухактантных структур исходная форма глагола маркирует помимо залоговоисходных значений значения среднего залога, образованного в результате сдвига в позицию подлежащего второго дополнения.

3. При оппозиции двух- и трехактантных структур исходная форма глагола маркирует помимо залоговоисходного значения еще и особое диатезное.

4. Таким образом, исходная форма глагола может маркировать 1) залогово-диатезные производные значения (средний залог двухактантных и трехактантных глаголов, рефлексивный залог и диатеза мены второго и третьего актантов), 2) каузативные и декаузативные значения, 3) значения соотносительных лексических транзитивов и интранзитивов.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ

Пассивная форма *to be + P II*, наименее многозначная из всех трех форм, используется при двух типах категориальных преобразований, причем основная сфера ее действия — это маркировка пассивного залога (на рассмотрении этого вопроса мы останавливаться не будем) и маркировка результата типа

(23) *The door was closed.*

(24) *The fence was painted green,*

т. е. случаи объектного результата, семантически производного от пассива.

Рассмотрим два типа случаев, интерпретация которых менее очевидна.

Первый случай представлен конструкциями типа

(25) *At last John was dressed and went out.*

(26) *Now Mary was persuaded that John was right.*

Здесь можно говорить о наличии результативного значения, но значение результата здесь может быть и иного типа, нежели в (23) и (24), а именно является производным семантически не от пассива, а от рефлексива. Рефлексивное значение у приведенных структур появляется тогда, когда объективно развертываемое событие, отражаемое данной структурой, не предполагает никакого другого деятеля, кроме здесь представленного. Кстати, Г. Суит, анализируя соотношения между пассивными и рефлексивными формами, приводит примеры именно такого типа для иллюстрации положения, что часто пассивные и рефлексивные формы сближаются в значении.⁴⁵

Для дифференциации случаев этого типа от (23) и (24) будем использовать разные термины: рефлексивный результатив и пассивный результатив.

Образование рефлексивно-результативных значений с пассивной маркировкой возможно только в тех случаях, когда глагол имеет одушевленных субъекта и объекта. Лексически, насколько мы можем судить, это глаголы двух основных групп: 1) глаголы «туалета» — *to dress, to shave, to wash* и т. д. и 2) глаголы «психологического воздействия» — *to disturb, to persuade, to shave* и т. д. У глаголов с неодушевленными объектами одноактантные структуры с пассивной маркировкой имеют пассивное либо результативно-пассивное значение. (Исключение составляют только глаголы «моторики», когда неодушевленный объект — часть тела субъекта).

При двухактантном глаголе с одушевленным объектом структуры с пассивной маркировкой смыкаются по значению (но не тождественны) со структурами с рефлексивной маркировкой или без маркировки в силу наличия общего рефлексивного элемента в значении: ср. *John was dressed and went out — John dressed himself and went out — John dressed and went out; Mary was disturbed — Mary disturbed herself.*

Второй случай представлен конструкциями типа

(17) *John's hands were clasped.*

(28) *Mary's head was lowered.*

(29) *The child's eyes were closed.*

Эти конструкции образуются глаголами «моторики», причем в качестве подлежащего производной структуры выступает неодушевленный объект, являющийся частью тела субъекта. Здесь, на наш взгляд, имеет место значение результатива, производного от среднего залога, т. е. случай медиумного результатива. Это значение отличается от пассивного результатива тем, что при пассиве обязательно предполагается (сознательное или несознательное) участие субъекта в совершении действия. При среднем же

⁴⁵ См.: *Sweet II. A New English Grammar Logical and Historical.* Oxford, 1900.

залоге действие происходит как бы самопроизвольно⁴⁶ и участие субъекта в нем очень относительно и происходит постольку, поскольку если, например, глаза смыкаются, то это, являясь движением глаз, одновременно является и видом деятельности, производимой человеком). Если же приведенные примеры проинтерпретировать как случаи пассивного результата, восходящего к *John's hands were clasped (by somebody / by John)*, это означало бы не непроизвольное действие рук, а то, что Джон или кто-то другой при помощи каких-то средств или орудий (а не тех рук, о которых идет речь) сжал эти руки. Аналогично обстоит дело и в случае с *cover* и *close*, которые, если им приписать пассивные значения, означали бы «ребенку закрыли глаза», «ей опустили голову». Но в таких случаях эллипсис агентивного дополнения был бы невозможен, поэтому двучленная конструкция как пассивная не осмысливается.

При других партитивных отношениях между субъектом и объектом (духовные проявления, одежда, права и т. д.), т. е. при пассивных объектах, эти структуры имеют пассивно-результативные значения, но не значение среднего залога: *His coat was buttoned*, *His rights were restored*.

Итак, говоря о нестандартных значениях пассивной формы, необходимо дифференцировать три типа результативных значений, которые она передает: пассивный результатив, рефлексивный результатив и медиальный результатив.

Рефлексивная форма глагола является, как и исходная, чрезвычайно многозначной. Помимо маркировки стандартного для нее рефлексивного преобразования, на рассмотрении которого мы останавливаться не будем, она может маркировать еще 1) средний залог, 2) декаузативные конструкции и 3) результативные конструкции.⁴⁷

При образовании среднего залога возможна двойственная маркировка: либо используется рефлексивная форма, либо исходная. Как известно, способностью образовывать средний залог обладают глаголы только с неодушевленными объектами,⁴⁸ причем часть глаголов сравнительно регулярно имеет оба типа маркировки (*to form*, *to diffuse*, *to propagate*, *to clasp*, *to lower* и т. д.), например: *A new state formed in this part of the world — A new state formed itself in this part of the world*; *Grief diffused through the house — Grief diffused itself through the house*.

⁴⁶ См.: Шубная Э. Г. Залоговое значение ипактивных конструкций в современном английском языке. АКД. Л., 1973.

⁴⁷ Подробно эти вопросы рассмотрены нами в статье «Структура предложения с рефлексивными конструкциями в английском языке» (в кн.: Структура и объем предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1981).

⁴⁸ В случае одушевленных пациенсов подлежащее в такой структуре не может быть проинтерпретировано как объект. *The child dressed (itself)* значит, что ребенок сам оделся, а не что его одели.

Часть глаголов предпочтительно, а иногда и строго обязательно образует средний залог без маркировки (*to arise, to relax, to move, to extend, to scrub, to clean, to open, to read, to break, to dry* и т. д.), например: *His hand arose; Her face relaxed; The floor scrubs easily; The pool dried.*

Для двух последних глаголов структуры с рефлексивными местоимениями невозможны: **The floor scrubs itself easily* и **The pool dried itself*. Введение *oneself* создает дополнительный смысл, а именно: пол сам себя оттирает, пруд сам себя высушивает. В первых двух примерах строгого запрета на введение *oneself*, по-видимому, нет, и — учитывая крайнюю продуктивность образования моделей с обоими типами маркировок⁴⁹ в современном английском языке — можно предполагать, что и четкой границы сферы действия каждой из форм тоже нет. Существует значительная промежуточная группа глаголов, для которой потенциально возможны оба употребления.

Часть глаголов образует средний залог только с рефлексивной маркировкой (*to arrange, to transfer, to present, to empty, to express, to refine, to direct* и т. д.) с теми же оговорками, что и для предыдущей группы. Например:

Such ideas don't present themselves to us. Her face arranged itself in his apprehension. The basin emptied itself into the river.

Для первых двух случаев примеры без рефлексивного местоимения невозможны — предложения выглядят синтаксически незавершенными, особенно первое: **Such ideas don't present to us*. Для третьего примера абсолютного запрета на отсутствие *itself* нет: *The basin emptied into the river*. Вообще пока что не представляется ясным, является ли тип маркировки залога свойством, определяемым семантикой самих глаголов, или же — семантикой элементов их окружения, в первую очередь подлежащих. Этот вопрос требует специального рассмотрения, однако мы полагаем, что в большинстве случаев тип маркировки обусловлен семантикой самих глаголов.

Декаузативные значения рефлексивная форма маркирует у ряда каузативных глаголов ряда семантических групп: «стимуляция физической или умственной деятельности» (*to busy, to engage, to prepare*), «вскармливания» (*to feed, to nourish*), глаголы «местоположения» и «локализации» (*to settle, to establish, to post*). В сочетании с рефлексивным местоимением эти глаголы не получают рефлексивного значения, поскольку они утрачивают значение каузации и приобретают соответственно значение занятости субъекта, местоположения субъекта и т. п.: *Mary occupied herself with reading; John prepared himself to the examinations; The girl settled herself cosily in an armchair.*

Здесь рефлексивная форма как будто бы может конкурировать

⁴⁹ См.: Шубная Э. Г. Залоговое значение инактивных конструкций в современном английском языке; *Grady M. The medio-passive voice in Modern English.* — *Word*, 1966, vol. 21, N 2.

с пассивной формой: *Mary was occupied with reading; The girl was settled in an armchair*, но, по-видимому, последняя передает резуль- тативное значение, в отличие от более акционального значе- ния рефлексивной формы. В ряде случаев возможно отсутствие маркировки: *John was preparing to the examinations*.

Причины выражения одних и тех же значений разными фор- мами пока нам не очевидны, однако, по-видимому, в данном слу- чае связаны с различиями аспектуальных значений, а не только с семантикой глаголов.

При помощи рефлексивной маркировки регулярно образуется резуль- тативное значение у каузативных глаголов «психологиче- ского» и «интеллектуального» воздействия: *At last John consoled himself; Mary persuaded herself that John was right*.

Эти значения могут довольно регулярно передаваться и при помощи пассивной формы, однако в последнем случае у ряда глаголов явно присутствует значение того, что данное состояние является результатом воздействия со стороны, т. е. имеет место значение пассивного результата.

Кроме этих значений, рефлексивная форма может служить для маркировки некоторых категориальных значений, статус кото- рых нам не вполне очевиден:

In his eyes she would always associate herself with this picture 'В его глазах она всегда будет ассоциироваться с этим портретом';

A horn with the voice of a sea-lion made itself heard approaching 'Стал слышим приближающийся звук рожка, напоминающий голос тюленя'.

По-видимому, эти конструкции очень близки по значению к пассивным:

In his eye she would always be associated with this picture или *A horn . . . was heard, approaching*.

Случаи, когда рефлексивная форма сближается по значению с пассивной, единичны, поэтому нам трудно сделать заключение относительно типов глаголов, с которыми это возможно.

Итак, спектр значений рефлексивной формы включает в себя 1) залоговые значения (рефлексивный, средний и, возможно, в исключительных случаях пассивный залог), 2) декаузативные значения и резуль- тативные значения.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно констатиро- вать следующее относительно характера маркировки различных типов категориального значения.

1. Залоговые значения:

1) активный залог: а) стандартно не маркируется, однако может быть представлен в случае вторичности формы у декаузативных значений (которые в залоговом плане представляют собой актив- ный залог) рефлексивными формами; ⁵⁰

⁵⁰ Случаи образования декаузативных значений пассивной формой (*to be accustomed, to be acquainted*), т. е. случаи депонентных глаголов, в данной статье не рассматривались.

2) пассивный залог маркируется только пассивной формой глагола, возможность маркировки его рефлексивной формой пока что весьма проблематична;

3) средний залог маркируется либо рефлексивной формой, либо исходной, либо они дублетны;

4) рефлексивный залог маркируется стандартно рефлексивной формой, в ряде случаев имеются немаркированные дублеты.

2. Категория каузатива / декаузатива.

Декаузативы могут образовываться от немаркированных каузативных глаголов либо вообще без специальной маркировки, либо при помощи рефлексивных форм. Кроме того, исследователи выделяют случаи декаузативов с пассивной маркировкой. Каузативы (в рамках одной глагольной вокабулы) образуются от некаузативов без маркировки.

3. Все виды результатаiva связаны стандартно с пассивной маркировкой, в ряде случаев они образуются рефлексивными формами.

4. Гиперлексемные отношения связаны с отсутствием маркировки.

Ю. А. Лопашов

О ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТОВ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Термины «субъект» и «объект» в современном языкознании употребляются очень широко. Понимаются они разными исследователями по-разному. В зарубежной лингвистике они обычно употребляются как названия определенных членов предложения, т. е. как эквиваленты русских терминов «подлежащее» и «дополнение». В таких же значениях их используют и многие наши языковеды, прибавляя к ним иногда прилагательное «грамматический» (грамматический субъект, грамматический объект). Некоторые исследователи вкладывают в них иной смысл, понимая, например, под субъектом самого производителя действия или носителя состояния, признака, которые выражаются сказуемым, а под объектом — лицо или предмет, на которые направлено действие. Широко известна трактовка субъекта и объекта И. И. Мещаниновым как понятийных категорий.¹ С особыми значениями эти термины используются С. Д. Кацнельсоном в его концепции синтаксического членения предложения.²

В данной статье предпринимается опыт описания грамматических средств выражения субъекта и объектов (прямого и косвенного) в современном албанском языке на основе точки зрения, согласно которой проводится различие двух параллельных рядов понятий. Понятия одного ряда обозначаются такими терминами, как «подлежащее», «прямое» и «косвенное дополнения». К другому ряду относятся понятия субъекта, прямого и косвенного объектов. К имеющему место у ряда исследователей разграничению понятий подлежащего и субъекта, дополнения и объекта здесь добавляется соответственно разграничение понятий сказуемого как определенного члена предложения, выражающего некий предикат, и предиката как конкретного действия, состояния или другого признака субъекта, который (признак) передается в форме сказуемого. Таким образом, под предикатом понимается обобщенное значение члена предложения, называемого сказуемым.

В качестве необходимого условия разграничения субъекта и объектов предусматривается проведение принципа, который, по видимому, можно назвать принципом соотнесенности предложе-

¹ См., например: Мещанинов И. И. 1) Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945; 2) Структура предложения. М.; Л., 1963.

² Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

ний. Этот принцип требует, чтобы при выяснении того, какими средствами в данном языке выражаются указанные реляционные понятия, мы исходили из предложений, в которых реляционное значение соответствующих членов предложения является вполне очевидным, соотнося с этими предложениями-эталоном прочие предложения, имеющие ту же структуру, т. е. трактуя их в том же роде, что и соответствующие предложения-эталоны. Такой подход приводит к выводу, что и субъект, и объекты могут выражаться разными грамматическими средствами даже в одном языке.

В современном албанском языке значение субъекта действия выражается различными грамматическими средствами. Одним из таких средств служит форма именительного падежа. Так, в предложении *Mjeku e vizitoi dy herë* 'Врач навестил его два раза' субъект выражен существительным *mjeku* 'врач', выступающим в форме именительного падежа. Благодаря этой форме (конечно, с учетом также значений и форм других компонентов данного предложения) денотат этого существительного воспринимается здесь именно как субъект. Именительный падеж как средство передачи значения субъекта используется при глаголах активного залога — переходных и непереходных (*Djali lexon librin* 'Мальчик читает книгу'; *Djali fle* 'Мальчик спит'), возвратных (*Djali lahët* 'Мальчик умывается'), при глаголах среднего залога (*Shkumbini derdhët në Adriatik* 'Шкумбин впадает в Адриатику'), взаимного залога (*Shokët u përqaftuan* 'Товарищи обнялись').

В предложениях со сказуемыми, представленными глаголами в пассивном залоге, субъект выражается формами именительного падежа в сочетании с предлогом *nga* или формами отложительного падежа в сочетании с предлогом *prej*: *Ata ishin dërguar nga shokët* 'Они были посланы товарищами' (*nga shokët* 'товарищами'); *Sulmi përgatitej prej shtabit* 'Атака подготавливалась штабом' (*prej shtabit* 'штабом'). В пассивных конструкциях субъект может выражаться также сочетаниями сложных предлогов *nga ana, prej anës* 'со стороны' с формами родительного падежа.

Если в предложениях со сказуемыми, представленными глаголами в активном, возвратном, среднем и взаимном залогах, сказуемые согласуются в лице и числе с формами, выражающими субъект, то в пассивных конструкциях сказуемое согласуется с формой, передающей объект.

Пассивные конструкции очень употребительны в албанском языке. Субъект в них чаще всего не получает выражения, в силу чего они оказываются удобными для тех ситуаций, когда субъект просто неизвестен говорящему или говорящий по каким-то соображениям не хочет его называть — одним словом, когда можно обойтись без выражения субъекта.

В указанных выше случаях субъект выражается самостоятельными в синтаксическом плане единицами — словами или словосочетаниями, представляющими собой отдельные члены предложения (подлежащее или дополнение). Однако он может сигнали-

зироваться в определенных ситуациях только через посредство личного окончания глагола-сказуемого: *Shkrualj letrën* '(Я) пишу письмо'; *Ndërtoni shtëpinë* '(Вы) строите дом'. В тех случаях, когда можно обойтись без называния субъекта, обычно для его передачи не употребляется и личное местоимение, если на него не падает логическое ударение. Вследствие этой особенности употребления личных местоимений в албанском очень распространены бесподлежащие предложения.

Субъект может выражаться также в форме винительного падежа с предлогом *me*: *I ati shkoi në qytet me djalin* 'Отец отправился в город с сыном'. Хотя здесь глагол-сказуемое согласуется с одним из имен, передающих субъект (с именем *i ati* 'отец'), из всего смысла предложения вытекает, что денотат предложного сочетания *me djalin* 'с сыном' обозначает лицо, выполняющее такое же действие, какое выражено глаголом *shkoi* 'отправился, и характеризует денотат существительного *i ati* 'отец'. Здесь налицо коллективный субъект, представленный на уровне плана выражения в расчлененном виде как два отдельных самостоятельных члена предложения — подлежащее и дополнение. При этом форма глагола-сказуемого ориентирована лишь на один из них — на существительное в именительном падеже, на подлежащее. Иное наблюдается в предложениях типа *I ati me djalin shkuan në qytet* 'Отец с сыном отправились в город', где субъекты представлены теми же формами (*i ati* 'отец', *me djalin* 'с сыном'), но сказуемое согласовано не с одной из них, а с обеими, как в предложении *I ati dhe djali shkuan në qytet* 'Отец и сын отправились в город', где оба субъекта передаются формами именительного падежа.

Субъекты такого рода, как в этих предложениях, можно называть социативными.

Другой тип предложений, в которых может наблюдаться расчленение коллективного субъекта на отдельные части в плане выражения, — это предложения с глаголом-сказуемым, выражающим взаимное действие, например: *Ata u përshëndetën me shokët* 'Они поздоровались с товарищами'. Здесь выступает коллективный субъект, разделенный на две части, или на два коллективных же субъекта, один из которых представлен подлежащим *ata* 'они', другой — косвенным дополнением, выраженным сочетанием предлога *me* с формой винительного падежа (*me shokët* 'с товарищами'). При таком выражении субъектов глагол-сказуемое также согласуется с одним из них, а именно с тем, который представлен подлежащим, ср.: *Ai u përshëndet me shokët* 'Он поздоровался с товарищами'.

Субъект в предложениях со сказуемым подобного рода может выступать и в нерасчлененном виде (например: *Shokët u përshëndetën* 'Товарищи поздоровались' — имеется в виду: поздоровались друг с другом) или же может члениться иначе, чем в указанных выше предложениях, ср.: *Nxënësit dhe mësuesi u përshëndetën* 'Ученики и учитель поздоровались' (друг с другом); здесь оба

субъекта (один из которых коллективный) взаимного действия передаются подлежащими, глагол-сказуемое согласуется с ними двумя как с коллективным субъектом, ср.: *Nxënësi dhe mësuësi u përshëndetën* 'Ученик и учитель поздоровались' (друг с другом). Кроме того, здесь есть еще одна конструкция, в которой коллективный субъект выражается также особым образом, а именно конструкция, в которой коллективный субъект представлен расчлененным на части в виде таких местоимений, как *njeri* 'один', *tjetri* 'другой', например: *Ata u përshëndetën me njeri tjetrin* 'Они поздоровались друг с другом'; в этом предложении коллективный субъект передается подлежащим *ata* 'они' и, кроме того, он еще выражается как расчлененный подлежащим *njeri* 'один' и дополнением *me tjetrin* 'с другим', при этом предлог, входящий в дополнение, отделен от него подлежащим *njeri* 'один', но он может вообще в данном случае стоять и перед местоимением, с которым он составляет дополнение, непосредственно: *njeri me tjetrin* 'друг с другом'. Этот способ выражения субъектов может использоваться и в тех случаях, когда субъект членится, кроме того, с помощью других подлежащих: *Nxënësi dhe mësuësi u përshëndetën me njeri tjetrin* 'Ученик и учитель поздоровались друг с другом'.

Выражение взаимного действия осуществляется также и с помощью переходных глаголов: *Ata përshëndetën njeri tjetrin* 'Они приветствовали друг друга'; здесь коллективный субъект представлен вначале в нерасчлененном виде (*ata* 'они'), а затем в расчлененном (подлежащее *njeri* 'один', прямое дополнение *tjetrin* 'другого'); *Nxënësi dhe mësuësi përshëndetën njeri tjetrin* 'Ученик и учитель приветствовали друг друга'; в этом предложении коллективный субъект расчленен дважды — сначала подлежащими *nxënësi* 'ученик' и *mësuësi* 'учитель', затем подлежащим *njeri* 'один' и дополнением *tjetrin* 'другого'.

Согласование глагола-сказуемого в этих предложениях может осуществляться со всей совокупностью расчлененных субъектов, как с коллективным субъектом, также и в тех ситуациях, когда одной из форм субъекта является косвенное дополнение, представленное сочетанием предлога *me* с винительным падежом. Иначе говоря, и субъект, выражаемый этим дополнением, может принимать участие в согласовании глагола-сказуемого с субъектами, например: *Nxënësi me mësuësin u përshëndetën* 'Ученик с учителем поздоровались'. Здесь глагол-сказуемое выступает в форме множественного числа, согласуясь с коллективным субъектом, который предстает в предложении расчлененным на два субъекта, каждый из которых является единичным предметом (в широком смысле слова): *nxënësi me mësuësin* 'ученик с учителем'. В таких предложениях особенно отчетливо проявляется функция предмета, выражаемого сочетанием предлога *me* с формой в винительном падеже, как функция субъекта, который в то же время выступает и как объект по отношению к действию, выполняемому

другим субъектом, а тот в свою очередь является объектом по отношению к такому же действию со стороны того субъекта. Субъекты, выражаемые в предложениях такого рода, можно назвать взаимными.

Как можно заметить, все приведенные выше предложения с субъектом, передаваемым косвенным дополнением, одинаковы по своей структуре с соответствующими предложениями в русском языке. Различие их состоит лишь в падежных формах, используемых для выражения данного субъекта: в албанском языке здесь выступает винительный падеж, а в русском творительный. Вообще подобные способы передачи субъекта свойственны многим языкам.

Одной из особенностей албанского языка является наличие в нем предложений, в которых при подлежащем, представленном именем в единственном числе, глагол-сказуемое выступает в форме множественного числа. Это наблюдается тогда, когда в роли подлежащего употребляется имя собирательное. Например: *U grumbulluan njerëzia* 'Столпились люди'; *Si thonë bota* 'Как люди говорят'; *Bagëtia kullosnin lëndinave* 'Скот паша на лугах'. В приведенных предложениях подлежащие выражены существительным в единственном числе (*njerëzia* 'человечество, людская масса', *bota* 'мир, вселенная, человечество', *bagëtia* 'скот'), а сказуемые представлены глаголами в форме множественного числа. Получается буквально: «столпились масса людей», «как говорят человечество», «скот паслись на лугах». Здесь отсутствует согласование в грамматическом числе между подлежащим и сказуемым, чем эти конструкции похожи на конструкции в классическом греческом языке, в которых в качестве подлежащего выступают имена существительные среднего рода во множественном числе, а глагол-сказуемое имеет форму единственного числа. Таким образом, в греческом в таких конструкциях наблюдается иное соотношение форм числа по сравнению с албанским языком: в албанских предложениях глагол-сказуемое выступает в форме, соответствующей коллективному субъекту, т. е. имеет место так называемое согласование по смыслу со значением собирательности, присущим имени, выступающему в роли подлежащего, а в греческих предложениях указанного типа глагол-сказуемое принимает форму, соответствующую единичному субъекту, вопреки значению имени, выполняющему роль подлежащего. Кроме того, разряды имен, с которыми употребляются эти конструкции, в данных языках разные.

В албанском языке, так же как и в других языках, есть ряд типов предложений, применение к которым понятий субъекта и объекта вызывает затруднения. К таким предложениям относятся, в частности, предложения типа *Atij i pihej ujë* 'Ему хотелось воды', букв. «Ему пилаась вода». В состав предложения в данном случае входят: полная форма личного местоимения *atij* 'ему' в дательном падеже — самостоятельное косвенное дополнение; краткая форма

личного местоимения *i* 'ему' в дательном падеже, дублирующая полную форму, — связанное (конъюнктивное) косвенное дополнение; глагол *pihej* 'пилаась' в имперфекте, имеющий форму, тождественную с пассивной формой других глаголов, — сказуемое; существительное *ujë* 'вода' в именительном падеже — подлежащее. Какая же из форм здесь выражает субъект, а какая — объект? Вероятно, исходя из значения глагола-сказуемого и его формы, эти предложения можно рассматривать как особый вариант пассивных предложений, где подлежащим обозначается объект, а косвенным дополнением — субъект. Предмет, непосредственно характеризующий предикатом, представлен в таких конструкциях косвенным дополнением. Он и является субъектом. *Pihet* 'пьется' — пассивная форма глагола *pi* 'пью'. Подлежащее *ujë* 'вода' здесь обозначает объект, на который направлено действие. Эти предложения отличаются от обычных пассивных предложений формами выражения субъекта, в которых он бывает представлен косвенным дополнением, передаваемым сочетанием предлог *nga* + форма в именительном падеже или предлог *prej* + форма в отложительном падеже. В рассматриваемых же предложениях субъект обозначается косвенным дополнением, представленным формой дательного падежа. Но дело не ограничивается различием форм, выражающих субъект. За этим различием стоит различие семантического плана, заключающееся в том, что если обычные пассивные предложения являются нейтральными по своей модальности, то данные пассивные предложения, где субъект передается формой дательного падежа, характеризуются особой модальностью, а именно — в них выражается желание или нежелание субъекта совершать действие, о котором идет речь, причем это желание или нежелание иногда как бы противоречит воле субъекта, ср.: *Atij i pihej ujë* 'Ему хотелось пить' (букв. «Ему пилаась вода») и *Ai donte të pinte ujë* 'Он хотел пить' ('Ему хотелось пить', букв. «Он хотел пить воду»), где для выражения желания субъекта совершить действие питья воды употребляется глагол *dua* 'хочу'; *S'i hahej buka* 'Ему не хотелось есть' ('Ему не елось', 'У него не было желания есть', букв. «Ему не елся хлеб», хотя, может быть, человек, о котором идет речь, и понимал, что есть нужно) и *Ai s'donte të hante* 'Он не хотел есть' (в смысле «Ему не хотелось есть», — с глаголом *dua* 'хочу').

Субъект передается косвенным дополнением, выражаемым дательным падежом, также в предложениях с глаголом-сказуемым в среднем залоге: *S'i shkohej sonte në kinema* 'Ему не хотелось идти сегодня в кино', букв. «Ему не шлось сегодня в кино»; *Asaj i flihej* 'Ей хотелось спать', букв. «Ей спалось». В этих предложениях, так же как и в предыдущих, выражается оттенок произвольности желания или нежелания субъекта совершать указанное действие, но в отличие от тех предложений в этих глагол-сказуемое не имеет пассивного значения. Эти предложения не могут быть трансформированы в другие предложения, в которых бы в роли

сказуемых выступали данные глаголы в активной форме (*shkoj* 'иду', *fle* 'сплю') и имели при себе прямое дополнение, обозначающее объект, могущий быть представленным в приведенных предложениях как подлежащее. Короче говоря, эти предложения не есть пассивные трансформы активных предложений, в них нет и не может быть члена предложения, обозначающего прямой объект. Предикандум³ же, выраженный в них формами дательного падежа, по-видимому, можно рассматривать как субъект.

В русском языке также употребляются предложения этого типа, ср.: *ему не спится; тебе не сидится на месте; ей икается*. Встречаются и конструкции, в которых с дополнением, представленным формой дательного падежа, сочетается сказуемое, выраженное пассивной формой глагола: *ему не естся и не пьется*; ср.: *он не хочет ничего есть и пить*. Исследователи русского языка высказывали разные мнения об этих конструкциях, о значении входящих в них глаголов. Например, А. А. Потебня относил глаголы на *-ся*, употребляемые в таких конструкциях, как *не спится, плохо читается, хорошо живется, не сидится на месте* и подобные другие, к особому залоговому типу, имеющему оттенок удобства, самопроизвольности действия. В этих конструкциях, говорит А. А. Потебня, «мы замечаем оттенок легкости, удобства, самопроизвольности действия, как будто действие катится с наклонной плоскости». Может быть, спрашивает А. А. Потебня, «этот оттенок значения зависит от дательного падежа, употребляющегося в этих конструкциях и обозначающего лицо, для которого это (т. е. данное действие, — Ю. Л.) делается?». «Тот же самый оттенок останется, — продолжает А. А. Потебня, — если мы устраним дательный падеж и поставим подлежащее. *То не беда, что пьется вода. . . Мы говорим, что дело само собою делается*. Оттенок зависит от *-ся*. Тогда мы получаем, отделяя *-ся* от предыдущего выражения, что *вода сама себя пьет*, так что не нужно, чтобы кто-нибудь употреблял усилие для ее питья. . .»⁴

Очевидно, можно было бы не согласиться с А. А. Потебней в определении оттенка значения, присущего таким конструкциям. Скажем, вряд ли здесь подходит такое определение, как удобство действия. Но дело в данном случае не в этом, а во взгляде на роль выражаемого дательным падежом лица в отношении к самому действию. А. А. Потебня говорит так, как будто действие совершается не этим лицом, но для него. Приняв такое толкование, мы не могли бы усматривать в этом лице субъект в нашем понимании, а должны были бы видеть в нем объект действия. Однако, как кажется, все-таки больше резона считать такое лицо субъектом, ибо, несмотря на впечатление как бы независимости действия от лица, его автономности, самопроизвольности, трудно говорить

³ См.: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 158 и сл.

⁴ Потебня А. А. Лекции по русской грамматике, читанные в 1883/84 г. — Русский филол. вестн., 1904, т. 51, с. 215—216.

о том, что оно совершается не самим лицом, что оно характеризует лицо не непосредственно, а через другое лицо или предмет, от которого оно исходит. Если о каком-то лице говорят, что *ему не сидится на месте*, можно ли понимать это таким образом, что действие, через которое характеризуется данное лицо, выполняется не им, а для него? Очевидно, нет. Иное дело, что тут можно говорить о том, что это действие вызвано определенным психическим состоянием лица, что оно совершается им как бы вопреки его воле, произвольно и тому подобное.

В. В. Виноградов определяет значение рассматриваемых конструкций как безлично-интенсивное. Глаголы на *-ся*, употребляющиеся в этих конструкциях, пишет он, выражают действие, «независимое от воли лица, участвующего в процессе, и проявляющееся интенсивно. Сюда относятся безличные глаголы физического или внутреннего состояния, при которых субъект выступает в роли объекта, на который направлено действие. Например: *мне хочется; плохо работается; не спится; нездоровится; икается*» и т. п.⁵ Как видим, В. В. Виноградов, так же как и А. А. Потебня, высказывает здесь обычную точку зрения, согласно которой действие, выражаемое в подобных предложениях, направлено на представленное формой дательного падежа лицо, которое, следовательно, «выступает в роли объекта». Не совсем ясно, зачем в приведенном высказывании употреблен термин «субъект». Что значит — «при которых субъект выступает в роли объекта»? Нужно ли это понимать в том смысле, что выражаемое лицо является здесь субъектом и объектом одновременно? Скорее всего, нет. Очевидно, автор хотел сказать, что лицо, которое фактически должно быть здесь субъектом, выступает в роли объекта.

Из числа конструкций такого типа В. В. Виноградов выделяет особо конструкции, имеющие, по его определению, средне-пассивно-возвратное значение. «В этом случае, — пишет он, — *-ся* обозначает, что объект действия изображается в роли его субъекта, а само действующее лицо, производитель действия, представляется в качестве косвенного объекта, на который направлено действие. Обычно это значение обнаруживается у личных глаголов при сочетании с дательным субъекта. Например: „Припомнились ей опять притвор и темные фигуры“ (Чехов); „Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди молодых франтов“ (Гоголь)».⁶

В этой цитате явно проступает смешение понятий. В первой ее части фигурируют термины «объект», «субъект», «действующее лицо», или «производитель действия», и «косвенный объект» как особые понятия. С чем отождествляются в приведенных примерах

⁵ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, с. 500.

⁶ Виноградов В. В. Русский язык, с. 498. — Автор добавляет, что он не согласен с отнесением подобных предложений, приведенных здесь в качестве примеров, к страдательному залогу.

эти понятия? Из выражения «само действующее лицо, производитель действия, представляется в качестве косвенного объекта, на который направлено действие» видно, что, например, в первом предложении действующее лицо отождествляется с лицом, обозначаемым местоимением *ей*. Ибо с чем еще можно было бы в данном случае связывать выражение «косвенный объект»? Отсюда ясно, что термин «субъект» остается здесь на долю «притвора и темных фигур». Казалось бы, автор разграничивает два ряда понятий: к одному из них, в частности, он относит понятие действующего лица, или производителя действия, к другому — понятия субъекта и объекта, причем последние как будто бы идентичны с обычными понятиями подлежащего и дополнения. Однако в итоге вовсе непонятно, как субъект действия «притвор и темные фигуры» может являться в то же время его объектом, когда вместе с тем говорится, что действие имеет косвенный объект, в роли которого представлено действующее лицо, обозначенное местоимением *ей*? И вдобавок ко всему далее форму дательного падежа, выступающую в таких конструкциях, В. В. Виноградов называет «дательным субъекта» (т. е. в указанном предложении это относится к местоимению *ей*), а выше шла речь о том, что эта форма представляет действующее лицо «в качестве косвенного объекта». Кроме того, мы говорили о том, что понятие субъекта в данном примере как будто связывается с формами «притвор и темные фигуры». Одним словом, при любом толковании данного высказывания (В. В. Виноградова) ясности не получается.

По-видимому, вряд ли можно говорить о каком-то общем оттенке значения для всех конструкций такого строя с глаголами на *-ся* в русском языке и пассивными и медиальными глаголами в албанском. Этот вопрос требует специального изучения (ответить на него в настоящее время трудно). Что же касается выражаемых в таких предложениях реляционных понятий, то, очевидно, можно представлять дело таким образом, что форма дательного падежа в одних из них будет передавать объект, а в других субъект в зависимости от изображаемого события. Так, небезосновательной, вероятно, будет попытка трактовать, скажем, предложения *Ему не спится* и *Ему не дается учение* по-разному в отношении выражения в них реляционных понятий. В первом предложении в форме *ему* можно усматривать средство выражения субъекта, во втором — средство выражения объекта. В первом предложении передается только одно субстанциональное значение — значение лица, являющегося актантом события. Это лицо и выполняет роль субъекта. Во втором предложении в этой роли представлено субстанциональное понятие «учение», а лицо, обозначенное местоимением, выступает в роли объекта. То же самое относится, например, к албанским предложениям *Nuk i flihet* 'Ему не спится', где значение субъекта передается кратким местоимением в дательном падеже, и *Nuk i jepet mësim* 'Ему не дается учение', где субъект выражен существительным в именительном

падеже (*mësim* 'учение'), а краткое местоимение *i* 'ему' передает объект.

Перейдем теперь к рассмотрению средств выражения прямого объекта.

Прямой объект в албаиском языке при глаголах активного залога с переходным значением передается формами винительного падежа: *Punëtorët ndërtojnë shtëpinë* 'Рабочие строят дом'. Здесь прямой объект выражен существительным *shtëpinë* 'дом' в винительном падеже.

В предложениях с глаголом-сказуемым возвратного залога прямой объект является одновременно и субъектом выражаемого действия. Этот актант, выполняющий функции субъекта и прямого объекта совершаемого им действия, передается в форме одного члена предложения — в форме подлежащего: *Çuni lahet* 'Мальчик умывается'; *Vajza krijhet* 'Девушка причесывается'. Как видим, тут наблюдается полная аналогия с русским языком.

При глаголах переходных, выступающих с возвратным значением, актант, являющийся субъектом и объектом действия, выражается в расчлененном виде — в форме подлежащего и в форме прямого дополнения, представленного возвратным местоимением *vehnten* 'себя' и обслуживающего все три лица и оба числа, например: *Ahere, me shpirt të plagosur, mallkonte vehnten që ishte aqë e pavendosur dhe e pazonja* (F. Gjata) 'Тогда, с раненой душой, она проклинала себя за то, что была так нерешительна и бессильна'; *Leka mundohej të qetësojë vehnten* 'Лека пытался успокоить себя'. В первом предложении подлежащее опущено и актант, выполняющий роль субъекта и объекта, представлен только возвратным местоимением, во втором же предложении он выражен подлежащим *Leka* и дополнением *vehnten* 'себя'.

В предложениях с глаголом-сказуемым взаимного залога актанты, выполняющие функцию субъекта, одновременно являются и объектами по отношению друг к другу. При этом они могут быть представлены как единый коллективный актант в виде подлежащего, как расчлененный актант в виде ряда подлежащих или в виде подлежащего и косвенного дополнения, выражаемого сочетанием предлога *me* с винительным падежом, причем используются разные по числу комбинации членов предложения, передающих эти актанты: комбинации из двух и более подлежащих, из одного подлежащего и одного дополнения, из двух подлежащих и одного дополнения и т. п. В случае необходимости более точно указать на то, что актанты данного предиката являются в то же время и объектами по отношению друг к другу, а не по отношению к какому-то иному актанту, они выражаются в том же предложении с помощью сочетания местоимений *njeri me tjetrin* 'друг с другом': *Ata u përqaftuan* 'Они обнялись' — здесь еще неясно, обнялись ли лица, обозначенные подлежащим *ata* 'они', друг с другом или с каким-то другим лицом; ср.: *Ata u përqaftuan njeri me tjetrin* 'Они обнялись друг с другом'.

При глаголах переходных, употребляемых со взаимным значением, актанты, выполняющие роль субъектов и являющиеся одновременно прямыми объектами по отношению друг к другу, выражаются теми же формами, что и соответствующие актанты при предикатах, представленных глаголами взаимного залога, но при них является обязательным выражение их также с помощью сочетания местоимений *njeri tjetrin* 'друг друга', например: *Ata përgafuan njeri tjetrin* 'Они обняли друг друга'. Эти местоимения сигнализируют о том, что глагол выражает взаимное действие; они выступают как бы в качестве дубликатов подлежащего и дополнения.

В пассивных конструкциях значение прямого объекта передается формой именительного падежа, т. е. с помощью подлежащего: *Te sheshi erdhën tri karroca me rrota shumë të mëdha që tërhiqeshin nga kuaj të shëndoshë ushtërije* (F. Gjata) 'На площадь выехали три повозки на очень высоких колесах, в которые были запряжены здоровые армейские кони', букв. «... которые влеклись (*tërhiqeshin* — форма пассивного залога) здоровыми армейскими конями». Здесь актанты, выполняющие роль прямых объектов, выражены как множественный, или коллективный объект через подлежащее, представленное *që*, а актанты, являющиеся субъектами, передаются косвенным дополнением *nga kuaj* 'конями', в функции которого выступает сочетание предлога *nga* с существительным в именительном падеже. Глагол-сказуемое согласуется здесь в лице и числе с членом предложения, передающим значение объекта. Албанские пассивные конструкции отличаются от русских, таким образом, оформлением косвенного дополнения, через которое выражается субъект.

Формы, служащие средством выражения косвенного объекта в албанском языке, еще более разнообразны, чем формы, используемые для передачи значений субъекта и прямого объекта. К ним относится в первую очередь дательный падеж. Сфера функционирования дательного падежа в албанском языке очень широка, намного шире, чем в русском языке. В нее не входят, правда, некоторые значения, выражаемые дательным падежом в русском, — в частности, предложными сочетаниями с дательным падежом, — но зато она охватывает ряд других значений, которые передаются в русском другими падежами. Например, в албанском языке дательный падеж употребляется в таких конструкциях, как *I lindi djali* 'У него родился сын', *I dhëmb dora* 'У него болит рука', в которых в русском языке ему соответствует родительный с предлогом *у*, или в конструкциях, в которых выражается удаление от объекта, например *Filloreta nuk i ndahej të vëllajt. . .* (F. Gjata) 'Филорета не отходила от брата. . .', где ему соответствует в русском родительный падеж с предлогом *от*, и др. В албанском языке сравнительно мало глаголов, которые не могут сочетаться с дательным падежом.

При предикатах возвратных, имеющих косвенный объект, в роли такового выступает сам субъект. Например: *Ai nuk i besonte vehtes* 'Он не верил себе'. В таких случаях актант, выполняющий функции субъекта и косвенного объекта, как субъект передается через подлежащее, как объект — через косвенное дополнение, выражаемое возвратным местоимением (в приведенном примере *vehtes* 'себе' — косвенное дополнение, функцию которого выполняет форма дательного падежа).

При взаимных предикатах, субъекты которых являются по отношению друг к другу косвенными объектами, значение актантов как субъектов передается с помощью подлежащего, которое имеет свой дубликат в виде местоимения *njeri* 'один' в том же предложении, а значение актантов как косвенных объектов выражается косвенным дополнением, функцию которого выполняет местоимение *tjetri* 'другой': *Ata nuk i besonin njeri tjetrit* 'Они не верили друг другу'.

В конструкциях с возвратными и взаимными предикатами косвенный объект может быть представлен также соответствующими предложными сочетаниями с указанными местоимениями.

Ряд предикатов имеет объект, выражаемый предложными сочетаниями. Сюда относятся сочетания предлогов *nga, te* с именительным падежом, *me, për, mbi, në (më), pa* с винительным, *rreth, kundër, pas* с отложительным и др.

Одной из особенностей выражения субъекта и объектов в албанском языке (по сравнению, например, с русским) является использование в системе средств, служащих для передачи этих актантов, двух рядов личных местоимений — ряда кратких, безударных форм и ряда полных, ударных форм в винительном и дательном падежах. При предикатах, имеющих актант — косвенный объект или субъект, выражаемый формами дательного падежа, всегда выступают краткие формы местоимений, принадлежащие этому падежу, которые обозначают данный актант, независимо от того, имеется или нет в предложении соответствующее существительное или другое местоимение, передающее значение этого актанта. Например: *Nxënësi i dha librin shokut* 'Ученик отдал книгу товарищу'. Здесь косвенный объект передается двумя формами: кратким местоимением *i* 'ему' и существительным *shokut* 'товарищу'; обе стоят в дательном падеже. Если перевести это предложение дословно, получится: «Ученик ему отдал книгу товарищу». Таким образом, если предикат имеет актант, который выражается формами дательного падежа, то этот актант никогда не остается не выраженным с помощью специальных форм. Он будет выражен или самостоятельным косвенным дополнением вместе с конъюнктивным косвенным дополнением, представленным кратким местоимением в дательном падеже, или одним конъюнктивным косвенным дополнением. Прямое дополнение в определенных случаях также регулярно дублируется краткими формами местоимений в винительном падеже. Если же прямой объект не выражен

существительным или какой-либо другой частью речи, он, как правило, выражается кратким местоимением. В результате такого употребления кратких местоимений получаются, в частности, предложения такого типа: *Më hoxe nga puna, më mbylle në shtëpi, si një zog në kafas, më ndave nga shoqet, dhe përsëri s'më le rehat!* (F. Gjata) 'Ты меня заставил бросить работу, (меня) запер дома, как птицу в клетке, (меня) разлучил с подругами и все-таки (меня) не оставляешь в покое'. Краткое местоимение выступает при каждом глаголе-сказуемом, хотя они выражают действия, имеющие один и тот же объект.

Краткие местоимения не могут составлять отдельное предложение, так как являются безударными. Они употребляются всегда непосредственно при глаголе. Когда формы винительного и дательного падежей этих местоимений выступают при одном глаголе, они образуют слитные формы: *ma* 'мне его', *ta* 'тебе его', *ia* 'ему его' и т. д. Употребляясь с формами повелительного наклонения глаголов, краткие местоимения могут сливаться с ними, образуя формы типа сандхи или агглютинативные комплексы, например: *bëja* 'сделай ему это' (*běj + ia*); *mbushe* 'наполни его' (*mbush + e*); *sille* 'приведи его' (*sill + e*); *kërkoj* 'попроси у него' (*kërko + i*); *dëgjonie* 'слушайте его' (*dëgjoni + e*). Они могут вставляться внутрь формы повелительного наклонения множественного числа, образуя инкорпоративные комплексы, ср.: *shikojeni* 'смотрите на него' (между основой глагола и окончанием вставлено местоимение винительного падежа *e*: *shiko-j-e-ni*; на стыке гласных возникает [j]).

Таким образом, как можно видеть из сказанного, функционирование кратких местоимений в албанском языке сходно с функционированием специальных показателей субъекта и объекта, использующихся во многих языках мира. Подобные местоимения есть и в других балканских языках. Грамматикализация этих местоимений в балканских языках, т. е. превращение их в специальное, регулярно употребляющееся средство выражения соответствующих актантов, в особые личные показатели этих актантов, вызвана необходимостью дифференцировать синтаксические связи известных членов предложения при недостаточности других средств, — по-видимому, точно так же, как и наличие подобных специальных (личных или классовых) показателей определенных актантов во всех других языках. В сущности, и то, что называется личными окончаниями глаголов, есть не что иное, как средство выражения соответствующих актантов, их личные показатели, слившиеся с глагольной основой. И эти личные показатели появляются в языке не просто так, но в силу потребности в таком средстве выражения синтаксических отношений в предложении, каким они и служат. Выражение синтаксических отношений в каждом языке обеспечивается системой средств, все звенья которой связаны друг с другом. (Собственно, грамматика и есть эта система). Появление в этой системе средств «слабого звена».

вследствие каких-либо сдвигов в структуре языка вызывает потребность в новом средстве для замены или подкрепления прежнего. В функциональном плане личные и классические показатели в принципе не отличаются от личных окончаний глагола. Обычно в языках наблюдается согласование глагола-сказуемого с одним из актантов выражаемого предиката, но там, где этого недостаточно для выражения (или, иначе говоря, для дифференциации) связей слов в предложении, возникает двойное и тройное согласование, если показатели актантов входят в глагольную форму или используются специальные показатели, стоящие отдельно от глагольной формы, как это и наблюдается, в частности, в албанском, где в предложениях типа *Kërkojani* 'Попросите у него это' налицо согласование глагола-сказуемого с субъектом и объектами (показатели лица субъекта и объектов входят в глагольную форму), а в таких предложениях, как *Me t'arritë në shtëpi, ua tha këtë mendim fqinjve* (Dh. Shuteriqi) 'Придя домой, он (им ее) высказал эту мысль соседям', специальные личные показатели объектов употребляются при глаголе, но отдельно от него (*ua* 'им ее').

В связи с проблемой членения предложения встает вопрос о том, считать ли краткие местоимения отдельными членами предложения, каковыми они обычно считались и продолжают считаться. Некоторые исследователи в последнее время относятся отрицательно к традиционной трактовке этих местоимений как членов предложения, отстаивая точку зрения, согласно которой они не являются отдельными словами, а представляют собой морфемы глагольных форм. При обосновании данной точки зрения ссылаются на такие факты, как безударность кратких местоимений и связанная с нею неспособность употребляться самостоятельно в качестве отдельного предложения, фиксированность их позиции в предложении, невозможность замещения их соответствующими именами существительными или полными формами местоимений (в тех случаях, когда употребление кратких форм обязательно).

Действительно, особенности функционирования кратких местоимений таковы, что сомнения в правильности точки зрения на них как на единицы, выступающие в предложении в качестве его самостоятельных членов, следует признать вполне правомерными. Черты, свойственные этим элементам, выводят их за рамки традиционных определений членов предложения. Вместе с тем, как известно, традиционное синтаксическое членение предложений не всегда располагает достаточно четкими критериями при выделении самостоятельных синтаксических единиц. Вопросы определения членов предложения продолжают оставаться дискуссионными. И если оценивать некоторые другие единицы, рассматриваемые обычно как члены предложения, с точки зрения характеристик кратких местоимений, о которых здесь идет речь, то окажется, что и им свойственны в той или иной мере эти характеристики. Я имею в виду здесь не безударные формы местоимений,

например, во французском языке, о грамматическом статусе которых также высказывались и высказываются разные мнения и которые в функциональном плане близки к рассматриваемым местоимениям. Это, так сказать, явно особые с точки зрения характеристик обычных членов предложения единицы. Можно указать на другие элементы, которые принято считать самостоятельными членами предложения, но которые, однако, не столь уж резко отличаются в рассматриваемом отношении от единиц, подобных безударным местоимениям. Возьмем к примеру такую часть речи, как относительные местоимения, которые если не во всех, то во многих языках имеют фиксированную позицию в предложении, не употребляются в качестве отдельных предложений и не могут замещаться другой частью речи в рамках одного и того же предложения. В албанском языке относительное местоимение *që*, кроме того, употребляется как проклитика и может образовывать слитные формы с теми же краткими местоимениями. Так, в предложении *Solla librat, q'i kam blerë dje* 'Я приехал книги, которые купил вчера' от относительного местоимения *që* остался один звук [q], соединившийся со звуком [i], представляющим собой краткое местоимение множественного числа в винительном падеже — «их» (букв. «...которые их я купил вчера»). Что же, считать или нет эти местоимения отдельным членом предложения? И если краткие личные местоимения мы относим к разряду морфем, то к ним мы должны причислять и элементы, подобные относительному местоимению *që* в албанском, которые имеются во многих языках. Да и ударные относительные местоимения, как было отмечено выше, выделяются среди членов предложения некоторыми особенностями, в общем не свойственными этим последним — или, точнее, несвойственными обычно единицам, рассматриваемым как члены предложения. В этой связи можно также указать на такую часть речи, как возвратные местоимения, в ряде языков являющиеся безударными и не употребляющиеся без глагола, с фиксированным относительно глагола местоположением в предложении, не могущие замещаться другими частями речи, — одним словом, сходные в какой-то степени по своим свойствам с морфемами. Как о несколько дефективном члене предложения в известном смысле можно говорить о формах родительного падежа в таких языках, как албанский, где они обычно не используются в качестве отдельных предложений.

Очевидно, на подобные примеры можно сослаться во многих языках. Они свидетельствуют о том, что между единицами, рассматриваемыми в качестве отдельных членов предложения, и единицами, которые не принято считать таковыми, в сущности нет резкой грани, но есть какие-то промежуточные единицы, занимающие некую срединную ступень в этой классификации, — точно так же, как нет в целом и резкой грани между такими единицами, как слова и морфемы, ибо если мы признаем, что слова могут переходить в разряд морфем, — а с этим спорить не

приходится, — то мы не можем не признать и наличие неких переходных единиц, находящихся на промежуточной ступени, представляющих собой нечто среднее между словами и морфемами, т. е. характеризующихся в той или иной мере свойствами тех и других, причем из этого вовсе не следует, что эти промежуточные единицы, «слова-морфемы», в конце концов всегда становятся морфемами. Подобными словами-морфемами являются по сути дела служебные слова. Очевидно, к их разряду следует относить и рассматриваемые краткие местоимения в албанском языке, которые здесь в отличие, так сказать, от самостоятельных членов предложения называются связанными, или конъюнктивными членами предложения.

Количественный и качественный состав выражаемых при предикате актантов обусловлен его валентностью и валентностью передающего его значение глагола-сказуемого. В албанском языке, так же как и в других языках, существуют разныe по своей валентности предикаты. Кроме того, в албанском есть предикаты, не имеющие актантов. Эти предикаты представляют собой признаки-события, т. е. являются событиями, представленными глобально в виде глаголов без вычленения соответствующего субстанциального значения как носителя данного признака. К таким предикатам относятся некоторые явления природы: дождь, гроза, наступление рассвета и т. п. Например: *Breron* 'Моросит дождь'; *Vetëtin* 'Сверкает молния'; *Gjëmon* 'Гремит гром'; *Gdhin* 'Рассветает'; *Ngryset* 'Наступают сумерки'; *Kthjelllet* 'Проясняется' (о погоде) и др. У этих предикатов нулевая валентность на актанты. Глаголы-сказуемые, выражающие подобные предикаты, не сочетаются с подлежащим и дополнениями. Следует отметить, что среди них есть глаголы, которые могут передавать другие предикаты, и эти предикаты имеют актанты — субъект, а иногда и объект, — в зависимости от того, о каком конкретно предикате идет речь. Ср.: *Si ke gdhi?* 'Как ты встретил рассвет?' (приветствие при встрече утром, примерно значит то же, что русск. «Как дела?»); *Ai u ngryset në fshat* 'Он встретил сумерки в деревне' («Ночь застала его в деревне»); *Vetëtin guri i unazës* 'Сверкает камень в перстне'. В приведенных примерах глаголы *gdhij*, *ngrysem*, *vetëtin* (последний глагол дан в форме 3-го л., так как предикат, обозначаемый им здесь, не может иметь субъектом человека), в отличие от предложений, цитированных выше, выражают предикаты с валентностью на субъект, представленный в форме подлежащего (в первом предложении подлежащее опущено). И там, и тут использованы одии и те же глаголы, но в разных значениях. Глагол *vetëtin* может также обозначать предикат, имеющий валентность на субъект и на прямой объект: *Macja vetëtin sytë* 'Кошка сверкает глазами' (ср. соответствующий предикат в русском, где тот же актант выступает в роли косвенного объекта с инструментальным, или орудийным значением); *E vetëtiu sininë* 'Он начистил до блеска противень'. Прямой объект

в обоих предложениях передан прямым дополнением. Наконец, тот же глагол *vetëtin* может иметь значение, при котором он сочетается с подлежащим и косвенным дополнением, выражающими соответственно субъект и косвенный объект, например: *Maces i vetëtijnë sytë* 'У кошки сверкают глаза'; по сравнению с предложением *Macja vetëtin sytë* 'Кошка сверкает глазами' здесь актанты изменили свои роли: актант, бывший субъектом, стал косвенным объектом, а актант, выступавший в функции прямого объекта, стал выполнять роль субъекта (ср. также с русским переводом, где по сравнению с переводом первого предложения роли актантов тоже изменились, хотя глагол-сказуемое остался тот же); второе русское предложение отличается от албанского тем, что в нем косвенный объект представлен в форме родительного падежа, сочетающейся с предлогом, в то время как в албанском он передается формами дательного падежа (именем *maces* и кратким местоимением *i*, дублирующим имя).

Безактантных предикатов очень мало. Некоторым глаголам, передающим такие предикаты, синонимичны конструкции, в которых выражаются предикаты, обладающие валентностью на субъект, например: *Kthjelllet* 'Проясняется' — *Hapet moti* 'Погода разгуливается'; *Veson* 'Моросит' — *Bie vesë* 'Падает изморось' — *Bie shi i hollë* — 'Идет мелкий дождь'. Именные предложения в албанском малоупотребительны. Таким русским предложениям, как *Пожар!*, *Дождь* и т. п., в албанском обычно соответствуют двусоставные предложения (*Ra zjarr* 'Пожар'; *Bie shi* 'Идет дождь'). По-видимому, с этим явлением как-то связано и обязательное употребление глагола-связки в составе именных сказуемых.

Почти все глаголы в албанском могут обозначать предикаты, имеющие валентность хотя бы на один актант. Среди одноактантных предикатов выделяются в определенном отношении предикаты, отображающие различные звуковые эффекты, свойственные живой и неживой природе. Общность этих предикатов состоит, в частности, в том, что они выражаются глаголами, валентность которых, как правило, постоянна и соответствует валентности выражаемых предикатов. Иначе говоря, эти глаголы обычно однозначны. Предикаты, обозначаемые такими глаголами, имеют один актант, выполняющий роль субъекта, и глаголы открывают место для одного из членов предложения, передающих актанты, а именно для подлежащего, которое и выражает имеющийся в виду субъект. К числу предикатов рассматриваемого типа относятся такие, как *cicërin* 'щебечет', *gumëzhin* 'жужжит, гудит', *hingëllin* 'ржет', *kumbon* 'звучит, звенит', *oshëtin* 'отражает эхо', *shushurit* 'шуршит', *ulërin* 'воет', *gërhas* 'храпит', *gulçon* 'тяжело дышит', *gurgullon* 'журчит, булькает', *buçet* 'грохочет' и др.

Одноактантными могут быть некоторые предикаты движения: *hyn* 'входит', *dal* 'выходит', *ik* 'уходит', *bredh* 'бродит', *shëtit* 'гуляет', *bie* 'падает', *kërçen* 'прыгает', *rrjedh* 'течет', *vrapon* 'бежит', *ulet* 'садится, опускается', *ngrihet* 'встает, поднимается'.

При других предикатах движения кроме «места», занимаемого субъектом, «открывается» также место для актанта, выполняющего роль средства передвижения, например: *shkon me tren* 'едет на поезде', *shkon me vapor* 'едет на пароходе', *udhëton me vapor* 'путешествует на пароходе', *udhëton me kal* 'путешествует на лошади'. Актант, выполняющий функцию средства передвижения при таких предикатах, передается дополнением, в роли которого выступает форма винительного падежа с предлогом *me*. В некоторых случаях на средство передвижения указывает само значение глагола, и поэтому его выражение специальной формой носит факультативный характер, ср. *lundron* 'плывет на лодке' и т. п. В других случаях оно известно из контекста или ситуации, или указание на него не играет роли, и оно остается неизвестным, хотя соответствующий предикат может открывать для него место.

К числу одноактантных относятся также некоторые предикаты из области явлений природы, в частности отражающие различные физические явления атмосферы и т. п.: *Bie shi* 'Идет дождь'; *Bie dëbora* 'Идет снег'; *Hedh borë* (с тем же значением); *Hap koha* 'Погода проясняется'; *Fryn era* 'Дует ветер'; *Hapen retë* 'Расходятся облака'; *Ra furtunë* 'Налетела буря'. В некоторых предложениях подобного рода употребление глагола может носить, в сущности, формальный характер. В таких случаях глагол не добавляет ничего нового к содержанию имени, он «низведен до уровня формального показателя предикативности», выражающего грамматическое время события. Само событие отображается именем, выступающим в предложении.⁷ Однако несмотря на это, как было отмечено выше, в албанском языке в отличие от русского именные предложения (назывные) неупотребительны.

К числу одноактантных предикатов относятся в большинстве своем также предикаты покоя: *rri ndënjur* 'сидит', *rri më këmbë* 'стоит', *rri shtrirë* 'лежит', *prehet* 'отдыхает, покоится', *pushon* 'отдыхает'; интересно, что для выражения некоторых из этих предикатов употребляется такой глагол, как *rri*, передающий общую идею покоя, а чтобы выразить, в каком конкретно положении находится покоящееся лицо, глагол сочетается с причастиями или предложными конструкциями (*rri ndënjur* букв. что-то вроде «покоится сидя», *rri më këmbë* 'покоится на ногах', *rri shtrirë* 'покоится лежа').

Одноактантную валентность имеют обычно предикаты местонахождения (*ndodhet*, *gjëndet* 'находится', *ëshhtë* 'находится', *vendoset* 'располагается'), существования (*egziston* 'существует', *ëshhtë* 'существует', *rron* 'живет'), физиологических состояний (*fle* 'спит') и мн. др.

В рассматриваемом плане особый интерес представляют конструкции типа *bën varë* 'жарко', *bën ftohtë* 'холодно'. Они обра-

⁷ См.: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 166.

зуются путем сочетания глагола *bën* 'делает' с существительными, обозначающими явления физического характера, отражающие температурные изменения в атмосфере: *varë* 'жара', *ftohtë* 'холод' и некоторые другие. Существительные выступают здесь в форме вин. падежа. Конструкция является, таким образом, бесподлежащей: *bën varë* букв. «делает жару». Единственный актант при таких предикатах, очевидно, следует рассматривать как субъект. Параллельные конструкции имеются в современном греческом языке (ср.: *хίνει ζέστη* 'жарко'; *хίνει κρύο* 'холодно'), также представляющие собой сочетание глагола *хίνει* 'делает' с именем в винительном падеже. Эти конструкции сходны по своей структуре с французскими конструкциями *Il fait chaud* 'Жарко'; *Il fait froid* 'Холодно', с той лишь разницей, что во французских предложениях выступает связанное подлежащее, выполняющее формальную функцию, тогда как в албанских и греческих глагол является одновалентным.

Среди предложений с одноместными сказуемыми в албанском выделяются также предложения с глаголом *ka*, выступающим со значением существования. Дело в том, что этот глагол употребляется также со значением «иметь», как, например, в предложении *Nxënësi ka këtë libër* 'Ученик имеет эту книгу', где данный глагол выступает как двухвалентный, сочетаясь с подлежащим и прямым дополнением. В таких же предложениях, как *Këtu ka një bibliotekë* 'Здесь имеется библиотека', этот глагол в той же форме передает предикат существования (соответствует русскому глаголу *имеется*), являющийся безобъектным. В отличие от русского глагола *имеется* албанский глагол *ka* выступает в этих случаях в сочетании с прямым дополнением, употребляясь всегда в форме единственного числа. Русский глагол *имеется* может сочетаться с косвенным дополнением (*У него имеется эта книга*), албанский глагол *ka* в значении «имеется» одновалентен. Русским предложениям типа *У него имеется эта книга* в албанском соответствуют предложения типа *Ai ka këtë libër* 'Он имеет эту книгу', в которых глагол *ka* передает двухвалентный предикат «имеет». Интересно сравнить также рассматриваемые албанские и русские конструкции с предикатом «имеется» с немецкими предложениями типа *Es gibt Bücher* и с французскими предложениями типа *Il y a des livres*, где валентность предиката не совпадает в количественном отношении с валентностью выражающих его глаголов: предикат «имеется» открывает здесь место для одного актанта, выполняющего роль субъекта, в то время как при глаголе представлено еще формальное подлежащее.

Большая часть предикатов в албанском языке представлена двухактантными предикатами. Сюда относятся предикаты, имеющие валентность на субъект и на прямой или косвенный объект. При глаголах активного залога, передающих субъектно-прямобъектные предикаты, субъект выражается подлежащим, прямой

объект — прямым дополнением, при глаголах пассивного залога подлежащее обозначает прямой объект, косвенное дополнение — субъект. Особенностью многих албанских глаголов, выступающих со значением двухактантных субъектно-прямообъектных предикатов, является то, что они могут также выражать субъектный предикат, не имеющий валентности на прямой объект. К числу таких глаголов относятся, например, *fillon* 'начинает', 'начинается', *mbaron* 'кончает', 'кончается', *humb* 'теряет', 'исчезает', *çel* 'открывает', 'раскрывается', *zbardh* 'белит', 'белеет', *zbres* 'опускает', 'снижает', 'спускается', *kalon* 'переходит' (с объектом: *kalon rrugën* 'переходит улицу'), 'проходит' (без объекта: *kalon koha* 'проходит время'), *valon* 'кипятит', 'кипит' и мн. др. Даже, например, такой глагол, как *shkon*, обозначающий безобъектный предикат «идет» (*Ai shkon* 'Он идет'), может также передавать предикат, сочетающийся с прямым объектом (*Shkon letrën* 'Посылает письмо'), или такой глагол, как *fle*, наряду с предикатом «спит» (одноактантный предикат) может выражать двухактантный субъектно-прямообъектный предикат «усыпляет». У некоторых из этих глаголов есть параллельные медиальные формы, обозначающие соответствующий предикат, не сочетающийся с прямым объектом, который (предикат) выражается и формой активного залога, ср.: *fillon* 'начинает', 'начинается', *fillohet* 'начинается'; *gabon* 'вводит в заблуждение', 'ошибается', *gabohet* 'ошибается' и др.

Другой тип двухактантных предикатов — это предикаты, обладающие валентностью на субъект и косвенный объект. Сюда следует отнести прежде всего предикаты, требующие косвенного объекта, выражаемого дательным падежом, например: *I shërbejnë atdheut* 'Они служат родине'; *I ngjan të jatit* 'Он походит на отца'; *Nuk i beson asaj* 'Не верит ей'; *I lëshohet atij si i tërbuar* 'Набрасывается на него, как бешеный'; *I afrohet atij* 'Приближается к нему', и т. п. Круг таких предикатов довольно широк, так же широк и круг значений, представленных в таких сочетаниях косвенными объектами.

Как косвенный объект, по-видимому, следует рассматривать и актанта, выражаемый дательным падежом в предложениях типа *Atij e lindi një djal* 'У него родился сын'. Интересно при этом, что глагол *lind*, в приведенном предложении выражающий двухактантный субъектно-косвеннообъектный предикат, в той же форме употребляется и для передачи предиката, имеющего валентность на прямой объект: *Ajo lindi një djal* 'Она родила сына'.

Широкоупотребительны предложения, в которых актанта, передаваемый формами дательного падежа, соотносится с актантом, выступающим в роли субъекта, как целое и часть. В этих предложениях находят выражение такие предикаты, как *dhëmb* 'болит',⁸ *dridhet* 'дрожит', *merren* 'подкашиваются, подламываются',

⁸ Любопытно, что в современном греческом и болгарском языках соответствующий предикат открывает места для субъекта и прямого объекта: «у меня болит голова» по-гречески будет *мé повáеи тó κεφάλι*, по-болгарски *ме боли*

qesh 'смеется', 'улыбается', *fërgëllon* 'трясется', *çelet* 'светлеет (о лице)' и мн. др. В общем можно сказать, что в подобных конструкциях участвуют предикаты, характеризующие субъект, являющийся частью актанта, представленного как целое. Например: *Iu çel fytyra* 'У него просветлело лицо'; *Buzët i genë tharë dhe çarë* 'Губы у него высохли и потрескались'; *I dridhej dora* 'У него дрожала рука'; *I therin gjunjët* 'У него ноют колени'; *Rrallë i qeshte buza* 'Он редко улыбался' (букв. «У него редко улыбалась губа»); *I merren këmbët* 'У него подламываются ноги'. Конструкции такого строя используются и при передаче событий, относящихся к сфере неживой природы.

Иногда, имея в виду конструкции подобного типа, говорят, что здесь выступает дательный принадлежности, или притяжательности. Это вряд ли правильно. Исходя из указанной точки зрения, мы также можем говорить о дательном отношении родства в таких, например, конструкциях, как *I vdiq vëllai* 'У него умер брат' и т. д. Конечно, в предложениях рассматриваемого типа могут среди прочих выражаться и отношения принадлежности, но они выражаются постольку, поскольку вытекают из самих лексических значений входящих в предложение слов, поскольку актанты, представленные в предложении, связаны действительно отношением принадлежности. Из предложения *I humbi lopa* 'У него пропала корова' еще вовсе не следует, что корова принадлежала лицу, о котором идет речь, — этот человек мог просто пасти ее. В рассматриваемых предложениях дательный падеж употребляется прилагательно, как средство выражения объекта, а не для специального указания на принадлежность выражаемому им актанту другого актанта, представленного в роли субъекта.

В албанском языке, так же как и в целом ряде других языков, существуют конструкции типа *Fap të hapet dera e t'u dha brënda i zoti i shtëpisë* (букв. «И вдруг тебе открывается дверь и тебе появляется на пороге хозяин дома»), в которых выступает так называемый *dativus ethicus*. Лицо, обозначаемое местоимением в форме дательного падежа в таких предложениях, представляется как актант, т. е. как участник события, хотя фактически таковым не является. Когда в таких конструкциях выступает местоимение второго лица (еще в них может употребляться местоимение первого лица), оно по сути дела обозначает не то конкретное лицо, которое выполняет роль собеседника, а используется в неопределенно-личном значении. Функция подобных конструкций — сделать высказывание более экспрессивным. Понятно поэтому, что валентность предикатов на такие актанты носит факультативный характер.

глава (букв. «меня болит голова»). Очевидно, в болгарском эта конструкция возникла под влиянием греческого. (В греческом возможно сочетание этого предиката и с косвенным объектом).

В албанском языке имеются предикаты, выражаемые глаголами, при которых употребляются местоимения, не передающие в сущности никакого актанта. Речь идет о предикатах, представленных, например, в таких предложениях, как *E humbi* 'Он растерялся', где выступает глагол *humb*, который употребляется также в значениях «терять» и «исчезать», и где при глаголе имеется краткое местоимение *e* 'его' в винительном падеже. При других глаголах-сказуемых употребляется слитная форма кратких местоимений *ia* (*ja*), получающаяся при слиянии местоимения дательного падежа 3-го л. ед. ч. и винительного падежа: ⁹ *Shiu ja dha te kaçub* 'Дождь хлынул как из ведра'. Очевидно, можно говорить о том, что местоимения играют здесь чисто формальную роль. Ср. также: *Po tani, si do t'ja bësh vetëm?* 'Как же теперь ты будешь жить одна?'. Здесь предикат выражается глаголом *bën*, имеющим основное значение «делает». Есть глаголы, при которых такое формальное дополнение выступает наряду с другим дополнением, обозначающим косвенный объект. Например: *ia plasi të qarit* 'разразился плачем'; *ia plasi gazit* 'разразился смехом'; *ia nisi muhabetit* 'начал разговор'; *ua dha këmbëve* 'бросился со всех ног'; *ja merr një kënge* 'запевает песню'. Интересно, что такие конструкции с формальным дополнением существуют и в современном греческом языке, причем и тут и там в ряде случаев выступают одинаковые глаголы. Это явление представляет собой одно из албанско-греческих соответствий, до сих пор как будто не отмечавшееся.

Очевидно, в некоторых из этих конструкций первоначально выражался (или имелся в виду) какой-то определенный объект, представление о котором со временем в условиях дублирования дополнения кратким местоимением было утрачено. Например, *e humbi* 'он растерялся' могло быть неполным вариантом такого сочетания, как *e humbi mëndjen* букв. «он потерял мысль», которое, по-видимому, могло означать «растерялся» (ср. употребляющееся выражение *mbledh mëndjen* 'собирается с мыслями', 'берет себя в руки' (букв. «собирает мысль»). В других случаях в подобных конструкциях как будто может подразумеваться некий обобщенный, неопределенный объект, некие события, которые представляются как этот объект, обозначаемый кратким местоимением.

Многие предикаты характеризуются валентностью на косвенные объекты, выражаемые сочетанием предлогов с именами или местоимениями в форме именительного, винительного и отложительного падежей. Большая часть глаголов способна выражать по нескольку предикатов, причем у предикатов, передаваемых одним глаголом, очень часто разная валентность. Наблюдаются случаи,

⁹ Эта форма получается и при слиянии формы ед. ч. дат. п. с формой мн. ч. вин. п., однако в рассматриваемых случаях, по-видимому, участвует форма ед. ч. вин. п.

когда при одном и том же глаголе в одной и той же ситуации употребляется то прямое, то косвенное дополнение. Например, глагол *ndihmon* 'помогает' может сочетаться с прямым дополнением (*e ndihmon* 'помогает ему'; объект выражен местоимением в винительном падеже) и с косвенным (*i ndihmon* 'помогает ему'; объект выражен местоимением в дательном падеже). Нет ничего необычного в том, что один и тот же глагол, выступая в разных значениях, управляет разными формами. Это в любом языке — часто встречающийся факт. Другое дело, когда глагол, выступая в одном значении, допускает вариации в управлении. Это сравнительно более редкое явление, особенно когда речь идет о вариативности такого рода, какой является вариативность валентности на прямое и косвенное дополнение. Наличие подобных фактов вариативности на сочетаемость с прямым и косвенным дополнением свидетельствует о том, что в принципе не существует непреодолимой грани между значениями прямого и косвенного объектов. При некоторых предикатах эти значения настолько близки друг другу, что допускается их сосуществование. Это положение подтверждается и тем фактом, что глаголы с одним значением в разных языках могут обладать разной валентностью, а именно — в одних языках они могут сочетаться с прямым дополнением, в других с косвенным; но еще более отчетливо оно подтверждается подобной вариативностью валентности в одном языке.

Среди трехактантных предикатов в албанском языке основное место занимают, пожалуй, предикаты, имеющие валентность на субъект, прямой объект и косвенный объект, причем последний чаще всего представлен при таких предикатах формой дательного падежа. Употребляются также трехактантные предикаты, имеющие субъект и два косвенных объекта, например: *I ra drurit me sëpatë* 'Он ударил по дереву топором'; *I bie derës me grusht* 'Он стучит в дверь кулаком'; в каждом предложении представлен косвенный объект, на который направлено действие (он выражен дательным падежом), и косвенный объект, с помощью которого осуществляется действие, — инструмент (он выражен сочетанием предлога *me* с формой винительного падежа). Встречаются — сравнительно редко — четырехактантные предикаты, которые представлены по большей части предикатами, имеющими субъект, прямой и косвенный объект, с добавлением объекта с инструментальным значением.

В качестве формального средства дифференциации субъекта и прямого объекта наряду с падежами используется (в определенных случаях) порядок слов. Дело в том, что в албанском языке формы именительного и винительного падежей у имен совпадают (за исключением форм с определенным артиклем в единственном числе). Это приводит к наличию предложений, в которых формальная дифференциация функций подлежащего и прямого дополнения не может осуществляться иначе, как с помощью порядка слов.

Таким образом, из сказанного видно, что как понятие субъекта, так и понятия прямого и косвенного объектов в албанском языке выражаются разными грамматическими средствами, что здесь, как и в других областях грамматики, нет полной симметрии между формами и их значениями. Используемый в данной работе принцип различения понятий подлежащего и субъекта, дополнения и объекта дает нам, как кажется, надежные основания для семантико-синтаксического анализа предложения как в рамках одного языка, так и при сопоставлении языков разных систем.

ИЕРАРХИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Связи между подлежащим (грамматическим субъектом) и сказуемым (грамматическим предикатом) многообразны и противоречивы, что и лежит в основе непрекращающихся споров относительно их иерархии. Многие считают, что подлежащее господствует над сказуемым.¹ В то же время все чаще защищается прямо противоположная точка зрения, согласно которой подлежащее подчинено сказуемому.² С другой стороны, есть немало ученых, которые не согласны как с одной, так и с другой концепцией и придерживаются мнения, что подлежащее и сказуемое равноправны. Понятие равноправия, однако, трактуется по-разному: большинство исследователей утверждают, что подлежащее и сказуемое взаимно зависят друг от друга,³ некоторые же полагают, что они взаимно независимы.⁴ С проблемой иерархии подлежащего и сказуемого тесно связан вопрос о составе главных членов предложения. Сторонники тезиса об односторонней доминанции сказуемого над подлежащим обычно настаивают и на том, что сказуемое является единственным главным членом предложения; подлежащее здесь понижается в ранге и рассматривается как разновидность дополнения. Напротив, противники данного тезиса

¹ *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941, с. 30—31, 158—159; *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 137—138; *Гузман М. М.* Позиции подлежащего в языках разных типов. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972, с. 5—27, и др.

² *Абрамов Б. А.* Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с потенциями других частей речи). — Филологические науки, 1966, № 3, с. 36—37; *Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения. — В кн.: *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 297—298; *Распопов И. П.* Сказуемое как конструктивный центр предложения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 162—167, и др.

³ В понятие взаимозависимости подлежащего и сказуемого вкладывается весьма различное содержание. Ср., например: *Адмони В. Г.* О предикативности. — Уч. зап. ЛГПИ, 1957, с. 29; *Бархударов Л. С.* Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966, с. 143; *Арутюнова Н. Д.* Синтаксис. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 328—333; *Белошапкина В. А.* Заметки о синтаксической связи между подлежащим и сказуемым. — В кн.: Вопросы русского языкознания. М., 1979, вып. 2, с. 13—14.

⁴ *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. Изд. 2-е. М., 1978, с. 203; *Русская грамматика*/Главный редактор Н. Ю. Шведова. М., 1980, т. 2, с. 94, и др.

обычно включают в число главных членов предложения как подлежащее, так и сказуемое, а некоторые из них — отдельные разновидности дополнения и даже обстоятельства.⁵

В одном пункте, однако, согласны все исследователи, а именно в том, что сказуемое играет в предложении чрезвычайно существенную роль. Без сказуемого вообще не может быть предложения, ибо сказуемое — это как раз то, что делает предложение предложением.⁶ Не случайно существуют предложения, состоящие из одного сказуемого, например: *Светает*; *Морозно*. Сказуемое образуется, как правило, либо финитумом, если это полнозначный глагол, либо при участии финитума, если это глагол служебный. Лишь в редких случаях в качестве сказуемого могут выступать другие, инфинитные глагольные формы — инфинитив, причастие, например: *Молчать!*, *Усну́ть бы*, *Быть грозе*, нем. *Weggetreten!* Пригодность финитных и инфинитных форм глагола для образования сказуемого глубоко различна. Финитная форма — это всегда либо сказуемое, либо составная часть сказуемого. Сказуемостная функция финитной формы — это единственная внутренне присущая ей функция. При помощи финитной формы образуются как двусоставные, так и односоставные предложения с разнообразной семантикой. Что же касается инфинитной формы, то функция сказуемого — это одна из ее многочисленных синтаксических функций, и притом далеко не основная. Чтобы стать сказуемым, инфинитная форма нуждается в поддержке других языковых средств, особенно интонации. Инфинитная форма образует, как правило, односоставные предложения с модальной семантикой.⁷

Некоторые исследователи допускают существование предложений без сказуемого. Для доказательства здесь обычно ссылаются на номинативные предложения типа *Зима*, *Вечер*, *Гроза*. Однако парадигматические отношения этих предложений указывают на наличие здесь нулевой формы сказуемого от глаголов *быть*: *Гроза* — *Была гроза* — *Будет гроза*. Нулевая форма сказуемого от глагола *быть* встречается также в распространенных предложениях, например: *Город — далеко* (ср.: *Город был далеко*, *Город будет далеко*). Предложения с нулевой формой глагола *быть* в функции связки настоящего времени изъявительного наклонения являются, как известно, нормой в русском языке.

Но в чем же сущность сказуемого? Почему оно обладает способностью делать предложение предложением? Дело в том, что

⁵ См., например: *Мещанинов И. И.* Структура предложения. М.; Л., 1963, с. 35; *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 60.

⁶ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956, с. 180; *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 157—158, 162, и др.

⁷ См., например: *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958, с. 206—207, 209—210.

сказуемое является центром предикативности, т. е. именно той семантики, которая превращает слово или сочетание слов в предложение. Понятие предикативности не имеет общепризнанного определения. На наш взгляд, предикативность состоит в коммуникативно-модальной установке говорящего (пишущего) к бытийности называемых словом или словосочетанием предметов и явлений.⁸ В понятие коммуникативно-модальной установки мы включаем значения утвердительности (положительной или отрицательной), предположительности, желательности, побудительности, вопросительности.⁹ Коммуникативно-модальные значения передаются главным образом формами склонения финитума, в качестве дополнительных или вспомогательных средств выступают интонация, порядок слов, модальные и вопросительные слова и частицы.

В отличие от других членов предложения, в сказуемом представлены два типа семантики — номинативная семантика и семантика предикативная. Оба типа семантики могут быть сосредоточены в одном слове, но они могут быть распределены между разными словами, так что одно из них является носителем предикативной семантики, а другое (или другие) — носителем номинативной семантики. В первом случае сказуемое считается простым (*Он читает*), во втором — непростым (*Он будет инженером*). Предикативная семантика сказуемого может замыкаться в самом сказуемом, если номинативное содержание предложения исчерпывается номинативной семантикой сказуемого (*Гремит*). Если же номинативное содержание предложения образуется не только номинативной семантикой сказуемого, но и номинативной семантикой других членов предложения, то предикативная семантика распространяется и на них. Эти последние не могут составить предложения сами по себе. Они нуждаются в сказуемом как в предикативном центре и с этой точки зрения зависят от него.

Предикативная семантика никак не влияет на синтагматическую организацию предложения. Так, с одной стороны, один и тот же состав предикативных значений может сочетаться с разными синтагматическими структурами. Ср., например: *Смеркается, Дети играют в саду, Ему хочется спать, Поле обрабатывается трактором* (в каждом из этих предложений предикативность представлена утверждением бытия явлений). С другой стороны, одна и та же синтагматическая структура способна сочетаться с различным составом предикативных значений: *Он*

⁸ Подробнее о категории бытийности в семантической структуре предложения см.: Шубик С. А. Категория бытийности как отличительный признак предложения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. М., 1975.

⁹ Ср.: Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. — В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, с. 55—58.

пишет сочинение, *Писал бы он сочинение, Пусть он пишет сочинение, Пишет ли он сочинение?*, *Возможно, он пишет сочинение* (в этих примерах предикативная семантика не совпадает по коммуникативной модальности).

Как ни велика роль сказуемого в предложении, оно, как правило, не может обойтись без подлежащего. Связано это с тем, что личное сказуемое, господствующий тип сказуемого в индоевропейских языках, обладает субстанциальной интенцией, т. е. особым семантическим компонентом, сигнализирующим о принадлежности предикативного признака субстанции. А подлежащее как раз и является той субстанцией, к которой относится предикативный признак. «Предикат обычно мыслится не отдельно, не сам по себе, — подчеркивал А. И. Смирницкий, — но в отношении к субъекту».¹⁰ Субстанциальная интенция делает личное сказуемое синтагматически несамостоятельным членом предложения, зависимым от подлежащего.¹¹

Субстанциальная зависимость сказуемого ярко отражается в двух явлениях: 1) подлежащее в общем случае необходимо; 2) сказуемое часто согласуется с подлежащим (в числе, лице, роде, падеже).

Опущение подлежащего наблюдается лишь при особых условиях: во-первых, в неполных предложениях, когда отсутствующее подлежащее может быть установлено на основе контекста или ситуации; во-вторых, в тех случаях, когда семантика подлежащего дублируется личными окончаниями глагола, — подлежащее может быть представлено здесь только личными местоимениями первого и второго лица (т. е. всего лишь четырьмя словами). Предложения, в которых опущение подлежащего ведет к устранению двойного выражения одной и той же информации, можно назвать сокращенными. Сокращенные предложения являются предложениями полными, поскольку вся информация об отсутствующем подлежащем заключена в них самих, так что они не нуждаются в поддержке контекста или ситуации. Само собой разумеется, что в тех языках, где глагол не имеет личных окончаний первого и второго лица, сокращение предложений невозможно (например, в датском); в языках с богатой глагольной флексией оно встречается очень часто или становится нормой (например, в испанском).

Самым непосредственным образом субстанциальная зависимость сказуемого проявляется в его согласовании с подлежащим. Некоторые исследователи отказываются признать согласование подлежащего и сказуемого формой подчинительной связи, они

¹⁰ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка, с. 108.

¹¹ Сочетание значений признака и субстанциальной интенции конституирует грамматическое значение признаковости, противостоящее грамматическому значению предметности. Значение признаковости присуще таким классам слов, как прилагательное, причастие, финитум (за исключением безличных форм).

видят здесь «взаимное соотношение форм, из которых ни одна не является ни главенствующей, ни зависимой».¹² Однако такие утверждения противоречат тому факту, что грамматические категории, по которым проводится согласование, у слов в позициях подлежащего и сказуемого неравноправны. Рассмотрим, в частности, согласование подлежащего и сказуемого в тех случаях, когда каждое из них представлено наиболее характерными формами: подлежащее — существительными и местоимениями, сказуемое — финитными формами глагола. Субстантивные слова, с одной стороны, и финитум — с другой, могут быть связаны тремя категориями: лица, числа и рода. Но роль этих категорий у них отнюдь не одинакова.

В рамках категории числа имена существительные в большинстве индоевропейских языков располагают двумя формами — формами единственного и множественного числа. Как правило, эти формы несут содержательную нагрузку. Так, формы множественного числа обозначают количество предметов больше одного, разновидности веществ (вина, соли и т. п.), длительность явлений (боли, холода и т. п.) и др. В общем, категория числа у существительных является их «внутренним делом», она базируется на их семантических и формальных особенностях. «Внутренним делом» имен существительных является и категория рода. Эта категория мотивирована отчасти содержательно, поскольку названия существ мужского пола обычно относятся к мужскому роду, а названия существ женского пола — к женскому, отчасти формально, поскольку распределение существительных по родам во многих случаях определяется морфологическими особенностями их структуры. Присущая личным местоимениям категория лица несет четкую содержательную нагрузку. Личные местоимения первого лица — это формы, с помощью которых производитель данной речи (говорящий или пишущий) обозначает самого себя (при этом используется форма единственного числа, если производитель речи выступает от себя лично, и форма множественного числа, если производитель речи выступает не только от себя лично, но и от имени какого-нибудь другого лица или каких-нибудь других лиц). Личные местоимения второго лица — это формы, с помощью которых обозначается получатель данной речи (слушающий или читающий), причем используется форма единственного или множественного числа в зависимости от количества получателей речи. С помощью личных местоимений третьего лица обозначаются не только лица, но и вещи, все то, что не принимает участия в процессе данной коммуникации, т. е. не является ни производителем, ни получателем данной речи. К личным местоимениям третьего лица примыкают и другие субстантивные местоимения (*кто-то, что-то, кое-кто, кое-что* и т. п.), а также существительные, поскольку указанные классы

¹² Русская грамматика, с. 94.

слов относятся к лицам и вещам, которые непосредственно не замешаны в акте данной речи (т. е. не являются ни его производителями, ни его получателями).

Перечисленные категории числа, рода и лица есть и у фини-тума, но здесь они совершенно иной природы. В частности, они лишены здесь внутренней мотивированности, не связаны с семантическими и формальными различиями глаголов, но обусловлены внешними факторами. Так, формы единственного или множественного числа у глагола выражают не однократность или многократность действия (процесса), а количество носителей действия, обозначаемых словом в функции подлежащего.¹³ Также категория рода глагола не имеет обоснования в нем самом, родовые окончания глагола ориентируются на родовую принадлежность подлежащего. На первый взгляд может показаться, что с семантикой глагола органически связана категория лица. Но в действительности и это не так. Категория лица не имеет никакого отношения к классификации носителей глагольного признака, предусмотренных в семантике глагола. Например, в семантике глаголов *говорить*, *писать*, *спрашивать* в качестве носителя глагольного признака предусмотрен производитель речи, но эта особенность данных глаголов никак не отражается на категории лица: каждый из этих глаголов, как и другие личные глаголы, имеет все три лица (например, *я говорю*, *ты говоришь*, *он говорит*). Аналогичным образом обстоит дело с глаголами, в семантике которых в качестве носителя глагольного признака предусмотрен получатель речи (*слушать*, *читать*). Как справедливо пишет Е. С. Скобликова, «лицо глагола характеризует не столько само действие, сколько производителя действия — деятеля, правда, не собственно предметные его свойства, а его место в диалоге — отношение к говорящему».¹⁴

В общем, как видим, формы числа, рода и лица глагольного сказуемого зависят от соответствующих форм существительных и местоимений в позиции подлежащего.

Между степенью развития средств согласования сказуемого и возможностью опущения подлежащего имеется прямая зависимость. В языках, в которых глагол располагает богатым набором личных окончаний, подлежащее опускается в широких масштабах; напротив, в языках с бедной глагольной флексией опущение подлежащего наблюдается редко (ср., например, с одной стороны, такой язык, как русский, а с другой — такой, как английский).

¹³ Подробнее см.: *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 240—241.

¹⁴ *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971, с. 201. — Есть основания утверждать, что формы лица подлежащего оказывают влияние на выбор личных окончаний глагола даже в сокращенных предложениях, т. е. в тех случаях, когда подлежащее отсутствует, а его семантика передается глагольной флексией, см. там же, с. 202—204.

Итак, личное сказуемое синтагматически подчинено подлежащему. Что же касается подлежащего, то оно является единственным абсолютно независимым членом синтагматической структуры двусоставного предложения (только в безличных предложениях, при отсутствии подлежащего, синтагматически исходным пунктом становится сказуемое). Позицию подлежащего занимают чисто назывные формы слова, т. е. такие, которые только называют предметы и явления, но не обозначают каких-либо синтаксических отношений (значений). Именно поэтому сказуемое способно приписывать подлежащему самые разные признаки, даже прямо противоположные, как например значения агенса и пациенса. Независимость чисто назывных форм в позиции подлежащего ярко проявляется и в их безразличии к семантике и формам сказуемого. М. М. Гухман отмечает: «... сказуемое может быть глагольным или именным, может быть выражено формой переходного или непереходного глагола, глаголом действия или состояния, наконец, любой залоговой формой, но все эти качественные различия не влияют на положение подлежащего. . . В языках с многопадежной системой, как немецкий, русский или тюркские, подлежащее стоит всегда в именительном падеже, в тех языках, где, как в английском, общий падеж противостоит притяжательному падежу и серии предложных конструкций, в функции подлежащего используется всегда общий падеж, наконец, в таких языках, как французский, где одна назывная форма имени противостоит серии предложных конструкций, за подлежащим закреплена назывная форма имени».¹⁵

Синтагматической независимостью подлежащего в значительной мере объясняется его особо тесная связь с темой предложения. Как независимый член предложения подлежащее стремится в общем случае к начальной позиции предложения, и к этой же позиции стремится в общем случае и тема, поскольку она представляет собой предмет сообщения, нечто исходное, то, что получает свое раскрытие в дальнейшей части сообщения, в реме.¹⁶

Многие исследователи издавна обращают внимание на значительное сходство между синтагматическими отношениями подлежащего и сказуемого (предикативная группа), с одной стороны, и определяемого и определения (атрибутивная группа) — с другой. Еще Г. Пауль писал: «Отношение определяющего элемента к определяемому аналогично отношению сказуемого к подлежа-

¹⁵ Гухман М. М. Позиции подлежащего в языках разных типов, с. 26.

¹⁶ Сказанное отнюдь не означает, что чисто назывные формы слова не могут находиться в зависимой позиции. Но для этого необходимы особые условия, в частности специальные показатели зависимости. Так, если именительный падеж выступает в функции предикатива, он занимает постпозитивное положение или снабжается более сильным ударением. Независимость — это первичное, внутреннее качество чисто назывных форм, а зависимость — это их вторичная функция, выражаемая внешними, дополнительными средствами.

щему».¹⁷ И действительно, как предикативная, так и атрибутивная группы состоят из субстанции (носителя признаков) и характеристики (признаков). И в той, и в другой группе субстанция и характеристика выражаются, как правило, одинаковыми или близкими лексико-грамматическими разрядами слов. Наконец, много общего наблюдается в способах связи между субстанциальными и характеризующими словами (ср. *белый снег* и *Снег — белый, играющие дети* и *Дети играют, лекция для аспирантов* и *Лекция — для аспирантов*). Очень существенны, однако, и различия между предикативной и атрибутивной группами. Атрибутивная группа — всегда словосочетание, тогда как предикативная группа — это предложение или основа предложения. Определяемое — исходный пункт словосочетания, между тем подлежащее — исходный пункт предложения.

Подведем итоги. Отношения между подлежащим и сказуемым характеризуются взаимозависимостью, причем зависимость подлежащего от сказуемого, с одной стороны, и зависимость сказуемого от подлежащего, с другой, лежат в разных планах и имеют разный характер. Подлежащее зависит от сказуемого в предикативном плане — оно становится компонентом предложения как коммуникативной единицы лишь постольку, поскольку оно связано со сказуемым. Здесь подлежащее ничем не отличается от второстепенных членов предложения. Сказуемое же подчинено подлежащему в синтагматическом плане — в личных предложениях оно нуждается в подлежащем и устремлено к нему.¹⁸

Обратимся к синтагматическим связям сказуемого с дополнениями и обстоятельствами.¹⁹

Нельзя отрицать того, что дополнения и подлежащее имеют элементы сходства. Во-первых, семантические роли как подлежащего, так и дополнения предполагаются содержательной валентностью сказуемого. Во-вторых, их семантические роли могут совпадать (например, оба они могут выражать и роль агенса, и роль пациенса).

Элементы сходства между дополнением и подлежащим не затрагивают, однако, их синтагматических связей со сказуемым. А связи эти глубоко различны.

¹⁷ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 165; см. также: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 51—52; Александров Н. М. Взаимосвязи членов предложения. — В кн.: Вопросы теории немецкого языка. Иркутск, 1960, т. 1, с. 110—112, и др.

¹⁸ На разноплановый характер центральности (господства) подлежащего, с одной стороны, и сказуемого, с другой, обращается внимание в целом ряде работ. Обзор и анализ литературы см.: Попов А. С. Подлежащее и сказуемое в структуре простого предложения современного русского литературного языка. Пермь, 1974, с. 42—54.

¹⁹ В понимании дополнений и обстоятельств мы исходим из концепции, опирающейся на теорию валентности. См.: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 208—212; Кибардина С. М. Основы теории валентности. Вологда, 1979, с. 43—44, и др.

Предикативный признак, приписываемый сказуемым подлежащему, выражается эксплицитно (называется); между тем дополнения раскрывают и конкретизируют семантические роли, которые имплицитно предикативным признаком.²⁰

Дополнения, следовательно, семантически подчинены сказуемому. Семантическая зависимость дополнений от сказуемого получает разнообразное отражение в структуре предложения. Так, если предикативный признак не предполагает семантических ролей, то в предложении не может быть дополнений. В частности, дополнения невозможны в тех случаях, когда сказуемое — составное с именем существительным в качестве предикатива; редко встречаются они при составном сказуемом с предикативом-прилагательным; часто не бывает их, если сказуемое выражено непрерывным глаголом. Далее. Если имплицитная сказуемым семантическая роль достаточно определена, употребление дополнения становится факультативным. Ср., например: *Он ест — Он кладет. . .* (что? куда?). В зависимости от сказуемого происходит оформление дополнения: выбор падежной формы, предлога или послелога, местоположения. Важнейшее значение здесь имеет содержание имплицитных сказуемым семантических ролей. Ср., например: *Учитель спрашивал учеников — Учитель отвечал ученикам — Учитель беседовал с учениками; Сестра предпочитает поезд самолету — Сестра предпочитает самолет поезду.* Обстоятельства, так же как и дополнения, не могут быть введены в предложения без опоры на сказуемое, но, в отличие от дополнений, они не предполагаются его содержательной валентностью, а подключаются к нему почти свободно.

Если в плане предикативной зависимости второстепенные члены предложения ничем не отличаются от подлежащего, то в плане синтагматической зависимости они стоят в одном ряду со сказуемым.

В заключение остановимся на вопросе о составе главных членов предложения. Мы согласны с теми учеными, которые считают главными два члена предложения — не только сказуемое, но и подлежащее.

Прежде всего: подлежащее — это член предложения, который синтагматически господствует над сказуемым. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно для того, чтобы признать его главным членом предложения. Но здесь имеются и другие основания. Подлежащее — исходный пункт синтагматической организации предложения. Функцию эту может выполнять еще сказуемое, но в отсутствие подлежащего (в безличных предложениях). Важно и следующее. Подлежащее и сказуемое обычно способны создавать минимальную структуру предложения. Необходимость в том или ином второстепенном члене возникает лишь при неко-

²⁰ См.: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 179—181.

торых — и притом немногочисленных — группах сказуемых глаголов и прилагательных. Наконец, подлежащее, как и сказуемое, играет особую роль в актуальном членении предложения. «Неоднократные наблюдения над актуальным членением показали, — констатирует В. С. Юрченко, — что хотя тема и рема могут соотноситься с любыми членами грамматической структуры предложения, причем в самых различных вариациях, однако наиболее естественным и нормальным оказывается такое соотношение: тема — подлежащее (состав подлежащего), рема — сказуемое (состав сказуемого).²¹

В общем, как видим, подлежащее никак нельзя приравнять к второстепенным членам предложения, но его вполне можно поставить рядом со сказуемым.

²¹ Юрченко В. С. К вопросу о соотношении актуального и грамматического членений предложения. — В кн.: Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единиц. Калинин, 1980, с. 48.

В. П. Недялков

ЧУКОТСКИЕ ГЛАГОЛЫ С ИНКОРПОРИРОВАННЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ

(тип: *н'эгни ы'л-ы-мле-гзи* 'с горы обвалился снег', букв. «гора снего-обвалилась»)

1. В чукотском языке некоторые синтаксически необязательные элементы одного глагольного предложения, принимаемого за исходное¹ (далее S_{in} или S_{stm}),² не входящие в лексикографическое толкование соответствующей интранзитивной или безличной глагольной лексемы, при а) инкорпорировании интранзитивом обязательного элемента (см. (1)–(4)) или при б) определенном изменении безличным глаголом своей формы (см. (5)) могут стать синтаксически обязательными элементами структуры производного предложения (S_{inc} для случая а), S_{stm}^{11} для случая б)) или по крайней мере могут выражаться подлежащим. При инкор-

¹ По объекту исследования и по методике описания настоящая работа является продолжением моей ранее опубликованной статьи «Посессивность и инкорпорация в чукотском языке (инкорпорация подлежащего)» (в кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М., 1977, с. 108–138). См. также: Недялков В. П. Подлежащее и прямое дополнение, обозначающие семантически необязательные актаны. — В кн.: Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса, Пермь, 1975, ч. II, с. 259–264.

² Поясением используемые сокращения. Семантические актаны: Ps — посессор, Pd (< possessed) — его принадлежность, Ca — каузатор. Синтаксические актаны: Sb — подлежащее, Ob — дополнение, Ad — обстоятельство, At — атрибут (эти сокращения используются также как индексы для обозначения различных диатез, содержащих соответствующий синтаксический актант). Индексы: nom — им. п., ins — твор. п., dat — дат.-напр. п., loc — мест. п., pos — форма для обозначения отчуждаемой принадлежности неодушевленного Ps, inc — инкорпоративный, in — интранзитивный, tr — транзитивный, σ — безличный (при S_{inc}), ca — каузативный, stm (< stam) отыменный. Значения составных символов легко раскрываются из значений их компонентов. Символ S в зависимости от контекста означает предложение, конструкцию или диатезу. Если основа актанта инкорпорирована, то в соответствующем месте диатезы делается прочерк, под которым пишется inc. Символы с косой чертой обозначают возможность двух типов актантов. Квадратные скобки указывают на факультативность актанта.

Языковой материал статьи получен как от информантов, так и из текстов — оригинальных и переводных (см. библиографию в конце статьи). Цифра в конце русского перевода указывает на страницу оригинала, названного в библиографии. Примеры без указания источника принадлежат информантам П. И. Инэнликэю и В. Г. Рахтиляну.

Порядок слов в переводах по возможности соответствует порядку слов чукотского примера. Соединенные дефисами русские слова переводят одно чукотское слово. В чукотских словах произведено необходимое морфологическое членение. Квадратные скобки указывают на необязательность соответствующего слова.

порации соответствующие семантические актанты (Ps) чаще всего выражают референтную — в широком смысле слова — принадлежность к ним других актантов (Pd). Таким образом, Pd — *непосредственный носитель действия или состояния*. Pd может быть связан с Ps: 1) органически; 2) родственно; 3) имущественно; 4) пространственно. Ср. соответственно:

(1) S_{inc} : *Тилмытил-ым ымы утт-э кылл-ык рэ-левт₁-ы-чимэт-гъэ₂*³ (ГЧ : 31) букв. «А-орел, даже палкой (его) ударив, голова₁-разобьется₂», т. е. «А орлу и ударом палки голову разбить можно»;

ср. S_{in} : *Тилм-ин₁ левыт₂ чимэт-гъи₃* 'Голова₂ орла₁ разбилась₃'.⁴

(2) S_{inc} : *Вапырк'ы н'автын'-гъэ, лыгэ-тан'ычыаты-н'о-гъат ымытвак, чама ытри₁ н'инк'э₂-эт₃-ы-лъэт₄-гъэт₃* (ЯЛ : 89) 'Вапырка женился, очень-хорошо-они-стали жить, и-к-тому-же

³ Сообщаю в упрощенном виде самые минимальные сведения, необходимые для понимания языкового материала.

Буквы н' и к' обозначают фонемы [ŋ] и [q], в других случаях апостроф. а также буквы ь и ы, обозначает гортанную смычку [ʔ].

В примерах статьи встречаются такие фонетические и фоморфологические чередования: 1) регрессивная ассимиляция согласных на стыках морфем; ср. *амэчат-гъэ* → *амэчан-нэнат* в (88); 2) диссимилиация согласных типа *-вг-* → *кв-*; см. (35); 3) сингармонизм гласных; ср. *тирк-инини-гъи*, но *тэрк-амэчат-гъэ* в (30) и (31); 4) чередование глагольных основ (или префиксов) в начальном непряком и медиальном положении; ср. *тылг-* и *-лг-* в (6) и (9), *ры-* и *-н-* в (72) и (73); 5) «усечение» основ существительных в косвенных падежах и при их инкорпорации (ср. *ы'лыль* и *ы'л-* в (6) и (9)), а также при образовании мн. ч. (ср. *тилмытил* 'орел' → *тилм-ыт* 'орлы'. Формы чукотских существительных в примерах имеют следующие алломорфы, обусловленные 1) сингармонизмом гласных и/или 2) характером конечного звука основы: *ins* — *[-m]ə/[-m]a*; *loc* — *[-y]к/-кы*; *dat* — *-эты/-эты*; *pos* — *-кэн/-кин* (в нескольких примерах употреблен *pos* от одушевленного Ps; см. *-ин* в (1) и *-ин* в (3)). Им. и. не имеет специфического показателя. Соединительный гласный *-ы-* нередко появляется на стыках морфем.

Показатели видо-временных форм следующие: аорист — *ə* (см. (2)), где *-гъи/-гъэ* и *-гъэ-м/-гъа-т* — окончания интранзитивного аориста 3-го л. ед. и мн. ч. соответственно; ср. в (60) транзитивный аорист, где окончания *-ниш/-нэн* означают 'он-его', 'он-то' и т. п.; презенс-прогрессив — суффикс *-ркы/-ркыи* (см. (4), (90)); футур — префикс *рэ-/ра-* (см. (1)); имперфект — префикс *ны-/н-* (переводится либо наст. вр., либо прош. вр. несов. в.; ср. (13), (25), (28), (31)); перфект — префикс *гэ-/га-* (см. (3), (12), (26), (65)). Разные видо-временные формы могут различаться согласовательными морфемами.

Показатели различных видов интенсивности действия и/или множественности актантов действия: приставки *лыги-/лги-/лг-* (см. (2), (4)), *тан'-/тэн'* (см. (55)), *кыт-/эт-* (см. (12)), суффиксы *-лъат-/лъэт-* (см. (2)). Глаголообразующие суффиксы *-т-/эт-/ат-*, *-в-/эв-/ав-* и др. (см. (20), (40), (41), (43)). Суффиксы инхотивности — *-н'н'о-/н'о-*, *-ръу-/ръо-* (см. (2), (30), (42), (45), (83)). Суффиксы мн. ч. обычно содержат *-т*, ср. *-ыт*, *-ат*, *-тэ*, *-ти* и др.; см. (4), (5), (13)—(15).

Суффикс инфинитива — *[-y]к/-кы* (см. (2), (67)). Суффикс деепричастия одновременного разнособъектного действия — *-ма* (см. (5), (34), (56)—(60)); суффикс деепричастия предшествующего действия — *[-y]к/-кы* (см. (1), (79), (80), (83)).

Послелог *к'ача* 'около', 'у' управляет *loc*; см. (5), (74)—(79).

⁴ Применяемые иногда нижние цифровые индексы указывают на семантические соответствия чукотского и русского текстов.

они много-детей-народили-они', букв. «Они₁ много₄-детей₂-пришли₃», ср. S_{in} : *Н'инк'-эг-ти₁ ырыкы₂ эт-ы-льэт-гъэт₃* 'К-ним₂ пришло-много₃ детей₁'.

(3) S_{inc} : *Ытлыг-ык₁ эмиче₂ К'эргынкаав₃ га-к'аа₄-чэнтат-лен₅* (ЯН : 58) 'Пока₂ отца₁ не₂ было₂ у-Кэргынкава₃ часть₅-оле-ней₄-отбилась-от-стада₅', букв. «Кэргынкав₃ олене₄-отбился₅»; ср. S_{in} : *К'эргынкав-ын₁ к'аат₂ гэ-чывинтэт-линэт₃* 'Олени₂ Кэргынкава₁ отбились-от-стада₃'. В случае S_{inc} посессор был в стаде, в S_{in} он мог и не быть в стаде в момент пропажи.

(4) S_{inc} : *К'ъэк'эт-ы-ркын ы'льыл. . . К'ъэк'эт-ы-ркы-т тиг-ыт. Лыги-тымзэт-ы-ркын. . . амынан₁ тиг-ыт₂ ы'л₃-к'ъэк'эт-ы-ркы-т₄* (ШЛ : 55, 56, 86) 'Хрустит снег. . . Поскрипывают лыжи. . . Тихо-тихо. Лишь поскрипывают лыжи, да похрустывает снег' (17, 17, 30), букв. «Лишь₁ лыжи₂ снего₃-поскрипывают₄»; ср. S_{in} : *Ы'льыл₁ тиг-ы-гин'-кы₂ к'ъэк'эт-ы-ркын₃* 'Снег₁ скрипит₃ под₂ лыжами₂'.

(5) S_{stm}^{tr} : *Ынрақ тэкэм ёпынвын'ай-ык к'ача вулкытви-нин-эт₁ мууль-ыт₂* (БЛ : 87) 'И-вот как-раз у-горы-(удобной для)-наблюдения вечер₁-застал₁ караван₂' (букв. «караванщиков»); ср. S_{stm} : *Мууль-ыт н'эй-ык к'ача ва-ма, вулкытви-гъи* 'Когда караван был у горы, настал вечер'.

В одних случаях отношение между Ps и Pd явно посессивное, в других — это может быть принято лишь с оговоркой. Кроме того, есть случаи — очень редкие, см. (2), — где Ps может предполагаться значением глагола. Подчеркнем, что здесь представляется важным иметь один общий символ для «неисполителя» первичного действия. Таким образом, смысловая роль Ps подлежит дальнейшему уточнению с привлечением дополнительного языкового материала. Актант Ps не участвует в действии Pd (по крайней мере — весь, целиком), но имеет к Pd какое-то отношение.

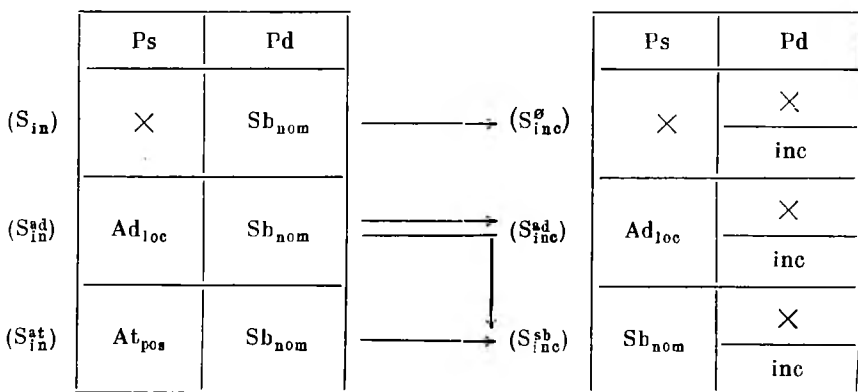
2. Выше названы два типа преобразований: а) и б). В случае а) структуры S_{in} и S_{inc} интранзитивны, в случае б) структура S_{stm} интранзитивна, а S_{stm}^{tr} транзитивна. В S_{in} , S_{inc} и S_{stm} глагол-сказуемое согласуется только с Sb_{nom} , в S_{stm}^{tr} глагол-сказуемое согласуется с Sb_{ins} и Ob_{nom} , т. е. с прямым дополнением. Если глагол безличный, то он имеет показатель субъекта 3-го л. ед. ч. (см. (5)). Таким образом, в S_{stm}^{tr} употребляется эргативная конструкция предложения, в остальных структурах — номинативная.⁵ В случае $S_{in} \rightarrow S_{inc}$ значение предложения обычно сохраняется, за исключением логического акцента (поэтому ниже для S_{inc} нередко даются только буквальные переводы, поясняющие структуру оригинала), в случае $S_{stm} \rightarrow S_{stm}^{tr}$ значение предло-

⁵ См.: Недялков В. П. Эргативность в чукотском языке. — В кн.: Теоретические проблемы восточного языкознания, ч. 2. М., с. 5—8; Nedjalkov V. P. Degrees of ergativity in Chukchee. — In: Ergativity: Towards a Theory of Grammatical Relations. F. Plank (ed.), Academic Press, 1979, p. 241—262.

жения меняется. В случае а) изменение связано с тем, что Sb (=Pd) из S_{in} инкорпорируется интранзитивом. По признаку одушевленности нового Sb, т. е. Sb в S_{inc} , выделяются две основные группы случаев. В группе А в S_{inc} обязательно присутствует одушевленный Sb (=Ps), который соответствует At_{pos} , при Sb из S_{in} (см. (1), (3)), реже — обстоятельству (см. (2)). В группе Б из S_{inc} присутствует либо неодушевленный Sb (редко — одушевленный, но трактуемый как неодушевленный), либо Sb вообще нет и, таким образом, S_{inc} безлична. При этом всегда предполагается неодушевленный Sb. Ниже рассматривается только группа Б.⁶ В ней посессивность носит чисто пространственный характер (см. (4)).

Группы А и В исчерпывают все случаи инкорпорации Sb интранзитивом в чукотском языке. Явление инкорпорации подлежащего представляет немалый интерес в типологическом отношении. Аналогичные факты из других языков нам пока не известны. Не описан этот материал и в специальной литературе по чукотскому языку. В частности, он отсутствует в книге П. Я. Скорика, посвященной инкорпорации.⁷

3. Используя методику, предложенную А. А. Холодовичем,⁸ можно корреляцию основных диатез тингов S_{in} и S_{inc} представить такой схемой, соотносящей семантический и синтаксический уровни.⁹

⁶ О группе А см.: *Недялков В. П.* Посессивность и инкорпорация в чукотском языке. . .

⁷ См.: *Скорик П. Я.* Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация. Л., 1948.

⁸ См.: *Холодович А. А.* Залог. — В кн.: Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970.

⁹ Эта методика применительно ко всем основным валентностным оппозициям чукотского глагола использована в работе: *Nedjalkov V. P.* Diathesen und Satzstruktur im Tschukotsch. — In: Satzstruktur und Genus verbi. Berlin, 1976, S. 181—211.

Таким образом, существует не менее трех диатез среди S_{in} и не менее трех диатез среди S_{inc} . Иллюстрируем все шесть случаев:

- (6) S_{in}^{sb} : *Ы'льыл тылг-ы-гъи* 'Снег растаял'.
 (7) S_{in}^{ad} : *Н'эй-ык ы'льыл тылг-ы-гъи* 'На-горе растаял снег'.
 (8) S_{in}^{at} : *Н'эй-кин₁ ы'льыл₂ тылг-ы-гъи₃*, букв. «Снег₂ горы₁ растаял₃»
 (9) S_{inc}^{σ} : *Ы'л-ы-лг-ы-гъи* букв. «Снего-растаяло».
 (10) S_{inc}^{ad} : *Н'эй-ык ы'л-ы-лг-ы-гъи* букв. «На-горе снего-растаяло».
 (11) S_{inc}^{sb} : *Н'эг-ны ы'л-ы-лг-ы-гъи* букв. «Гора снего-растаяла».

Рассмотрим эти диатезы подробнее.

4. Как уже отмечалось выше, притяжательность в группе Б носит пространственный характер. Ps чаще всего больше по размерам, чем Pd, и обозначает обычно то место, на котором (или в котором) находится Pd или на которое Pd попадает в результате действия, описываемого глаголом-сказуемым (ср. (15), (92)). Ps может быть эксплицитным или же подразумеваемым из контекста или же из значения Pd. Группа Б описывает различные события, происходящие в неживой природе.

Рассмотрим примеры типа S_{inc}^{sb} , соотнося их с примерами типов S_{in}^{ad} и S_{in}^{at} .

(12) S_{inc}^{sb} : *Ынк'о йыто-нэн га₁-гт₂-ы-мотл₃-ы-кыкват-лен₁ к'апылычг-ын₄* (БЛ : 61) 'Затем он вытащил большой-мяч, на-котором-было-много-высохшей-крови', букв. «Мячище₄ много₂-крове₃-высох₁»; ср. S_{in}^{ad} : *К'апылычг-ык га-кыкват-лен мутлымул* 'На мяче высохла кровь', ср. S_{in}^{at} : *К'апылычг-ы-кэн₁ мутлымул₂га-кыкват-лен₃* букв. «Кровь₂ мяча₁ высохла₃».

(13) S_{inc}^{sb} : *Ынк'эн н'ай-гытолг-ын₁ кытур ты-лыу-н. Вытку киткит ны₂-мэч₃-вээй₄-инини-к'ин₂* (ТЧ : 52) 'Тот склон-горы в-прошлом-году я-видела. Только₁ понемногу траво-появляется', букв. «(склон₁ горы₁) понемногу₃ траво₄-появляется»; ср. S_{in}^{ad} : *Н'ай-гытолг-ык₁ вээг-ти₂ н-инини-к'ин-эт₃* 'На-склоне-горы₁ появляется₃ трава₂'; ср. S_{in}^{at} : *Н'ай-гытолг-ы-кэн₁ вээг-ти₂ инини-гээт₃* букв. «трава₂ склона-горы₁ появилась₃».

(14) S_{inc}^{sb} : *Вээм₁ гилг-ы-нвил-гъи₃* 'На реке стал лед', букв. «Река₁ льдо₂-стала₃»; ср. S_{in}^{ad} : *Вээм-ык гилгил-ти нвил-гээт* 'На-реке стал лед'; ср. S_{in}^{at} : *Вээм-кин₁ гилгил-ти₂ нвил-гээт₃* букв. «Лед₂ реки₁ стал₃».

(15) S_{inc}^{sb} : *Ытлыгын₁ выкэ₂-ы-арат-ы-ркын₃* 'На отца падают камни' (необычно), букв. «Отец₁ каме₂-падает₃»; ср. S_{in}^{ad} с Ad_{dat} : *Ытлыг-эты₁ выкыт₂ эрат-ы-ркын₃* 'На-отца₁ падают₃ камни₂'. Здесь соотносительная S_{in}^{at} отсутствует.

(16) S_{inc}^{sb} : *Энмээм лын'к-ы-мля-гъэ* 'На скале обрушился снежный выступ', букв. «Скала выступо-обрушилась»; ср. S_{in}^{ad} : *Энм-ык лын'кылын' мые-гъи* 'На-скале₁ обрушился₃ снежный выступ₂'; ср. S_{in}^{at} : *Энм-ы-кэн₁ лын'кылын'₂ мые-гъи₃* букв. «Снежный-выступ₂ скалы₁ обрушился₃».

См. также пример (4).

5. Преобразование $S_{inc}^{sb} \rightarrow S_{inc}^{ad}$, видимо, не имеет заметных ограничений. Результат преобразования — безличные конструкции. Ср.:

(17) S_{inc}^{sb} : *Н'ай-гытолг-ын вээй-инини-гэи* букв. «Склон-горы траво-появился» \rightarrow S_{inc}^{ad} : *Н'ай-гытолг-ыж вээй-инини-гэи* букв. «На-склоне-горы траво-появилось»; ср. (13).

(18) S_{inc}^{sb} : *К'эпыл га-мотл-ы-кыкват-лен* букв. «Мяч крове-высох»; \rightarrow S_{inc}^{ad} : *К'эп-ыж га-мотл-ы-кыкват-лен* букв. «На-мяче крове-высохло», ср. (12).

См. также (28) и (29), где Ad выражен наречиями.

Иногда информанты сопровождают инкорпорацию Sb одновременным употреблением суффикса *-эт*, утверждая, что в этом случае, пожалуй, предпочтительнее употребить S_{inc}^{sb} , а не S_{inc}^{ad} ; ср. (19) и (20).

(19) S_{inc}^{ad} : *Н'эй-ык ы'л-ы-лг-ы-гэи* букв. «На-горе снего-растаяло»; ср. (9).

(20) S_{inc}^{sb} : *Н'эг-ны ы'л-ы-лг-эт-гэи* букв. «Гора снего-растаяла»; ср. (10).

6. В принципе возможно преобразование S_{inc}^{sb} и S_{inc}^{ad} в S_{inc}^{σ} , если этому не мешает получаемая иногда неполнота описываемой картины. Видимо, это ограничение относится к тем случаям, когда действие охватывает относительно небольшое пространство, т. е. когда типичный Ps относительно невелик по размеру (для группы А этот тип преобразования, естественно, отпадает; ср. (1) — (3)). Если отсутствует соответствующий контекст, то примеры (23) и (24), в отличие от примеров (21) и (22), звучат эллиптически. Для (24), например, отсутствие Ps может быть оправдано знанием такой ситуации: тот, кто слышит скрип снега, сидит в доме и не видит, что творится во дворе, кто там идет и т. п. Ср.:

(21) S_{inc}^{σ} : *Вээй-инини-гэи* букв. «Траво-появилось»; ср. (13), (17).

(22) S_{inc}^{σ} : *Гил-ы-нвил-гэи* букв. «Льдо-стало»; ср. (14).

(23) S_{inc}^{σ} : *Га-мотл-ы-кыкват-лен* букв. «Крове-высохло». Здесь, как и в (24), не выполнен какой-то смысловой минимум; ср. (12), (18).

(24) S_{inc}^{σ} : *Ы'л-к'эк'эт-ы-ркын* букв. «Снего-скрипит». Ср. (4).

7. Случаи без выраженного Ps подразделяются на две группы. В первой группе, где Pd — снег, вода, река и т. п., в роли Sb (=Ps) могут быть употреблены различные существительные, обозначающие пространство. Примеры:

(25) S_{inc}^{σ} : *Эвыр амк'ынъычо н-ивлеттыле-к'ин-эт ы'лэ-т. Ынк'о к'ынвэр ы'л-ы-лг-ы-гэи ынанчинит* (ВЛ : 38) 'И-вот постоянно удлинялись дни. Потом, наконец, снег-растаял (букв. «снего-растаяло») сам-собой'; ср. (6) — (11).

(26) S_{inc}^{σ} : *Мури еп уйн'э ва-ма, г-гыл-ы-мле-лин* (АУ : 96) 'Пока нас не было, произошел обвал' (170), букв. «снего-обломилось»; ср. (16).

(27) S_{inc}^{σ} : . . . к'нур кыткытык вээм-р'ылле-г'и (PP : 131)
' . . . как будто вода пошла весной', букв. «реко-пошло»; ср. S_{inc}^{sb} :
Эмнун'ин вээм-р'ылле-г'и букв. «Тундра реко-вскрылась»; ср. S_{inc}^{ad} :
Эмнун'-кы вээм-р'ылле-г'и 'В тундре вскрылась река'.

(28) S_{inc}^{σ} : *Н'аргын киткит н-имл-ы-выргыргэт-к'ин* (PT : 51)
'На улице негромко шумела вода', букв. «водо-шумело»; ср. S_{inc}^{sb} :
Ергын н-имл-ы-выргыргэт-к'ин букв. «Поляна водо-шумит»; ср. S_{inc}^{ad} :
Ерг-ык мимыл ны-выргыргэт-к'ин 'На поляне шумит вода'.

(29) S_{inc}^{σ} : *Гыролмакы ны-мимл-ы-выргыргэт-к'ин* (AY : 26)
'Кругом слышался шум воды' (123), букв. «Кругом водо-шумело»;
ср. (28).

8. Во второй группе, где Pd — небесные светила (солнце, луна, звезды), в качестве Sb (=Ps) может быть добавлено, по информанту, только одно существительное — *н'аргынэн* 'вселенная', 'природа', 'погода', 'пространство вне дома' и т. п. В текстах это слово в S_{inc} всегда отсутствует.

(30) S_{inc}^{σ} : *Энмэч га-тэрк-амэчат-ы-н'о-лен, эн'этти га-вытрат-ы-н'о-ленат* (ШЛ : 125) 'Уже стало-заходить-солнце (букв. «солнце-заходить-стало»), появились звезды'; ср. S_{in}^{σ} : *Туркытир га-амэчат-ы-н'о-лен* 'Солнце стало-заходить'; ср. S_{inc}^{sb} : [*Н'аргынэн*] *тэрк-амэчат-г'э* букв. «[Вселенная] солнце-зашла».

(31) S_{inc}^{σ} : *Бинк'эн нутэск'ын нэмык'эй лыгэн к'ынуур н'уткэ-кин. Б'мы ны-турк-инини-к'ин* (ВЛ : 60) 'Эта земля такая же, как и здешняя. . . И даже солнце появляется'; ср. S_{in}^{σ} : *Туркытир н-инини-к'ин* 'Солнце появляется'.

(32) S_{inc}^{σ} : *Й'элг-амэчат-г'э* букв. «Луно-спряталось»; ср. S_{in} : *Й'ылг-ын амэчат-г'э* 'Луна спряталась'.

(33) S_{inc}^{σ} : *Эн'эр-инини-г'и* букв. «Звездо-появилось»; ср. S_{in} : *Эн'эр-ти инини-г'эт* 'Звезды появились'.

9. В двух-трех случаях инкорпорация является устойчивой, т. е. данная S_{inc} не имеет соотносительной S_{in} : ср.:

(34) S_{inc}^{σ} : *Тэрк-ы-ра-ма ы'твиль-ыт пыкир-г'эт гин'-ык* (ЯА : 19) 'Когда-заходило-солнце, ехавшие-в-лодках прибыли к-сетям'.

Здесь нет S_{in}^{σ} **Туркытир рэ-г'и*, хотя можно сказать *Б'тлыгын рэ-г'и* 'Отец вошел в дом'.

(35) S_{inc}^{σ} : *Тэрк-ы-чгак-в'э* 'Солнце только что зашло'.

Глагол *чыгавык* отдельно сейчас не употребляется.

10. Хотя информанты и допускают употребление слова *н'аргынэн* в примерах типа (30)—(35), однако они не советуют делать это. Если же пример уже содержит Ad (см. (29)), то возможность добавления слова *н'аргынэн* исключается. В этом случае, как и во многих других, может, однако, быть добавлено слово *н'аргынэн* в местном падеже (употребительна только архаичная форма *н'аргын*), превратившееся, видимо, уже в наречие со значением «на улице» и т. п. (ср. (28)). Слово *н'аргынэн* не может выступать как At_{pos} в S_{in}^{at} , поскольку словосочетание *н'аргын-кэн туркытир* наводит на мысль, что есть еще какое-то другое солнце. В текстах слово *н'аргынэн* чаще всего встречается в значении «погода».

При этом когда и глагол обозначает состояние погоды, то у этого слова несущественно различие значений «погода» и «пространство вне дома» (ср. (39)). Слова *н'аргынэн* встречаются как в функции $Sb_{ном}$, так и в функции $Об_{ном}$, отвечая в обоих случаях, как и другие неодушевленные существительные, на вопрос *рэннут?* 'что?'. Примеры:

(36) *Элекин н'аргынэн н-омат-к'-эн* (ФМ : 3) 'Летняя погода была теплой'.

(37) . . . *мыкын' нэна-те-ы-к'эн н'аргынэн*. . . (РТ : 124) ' . . . много говорит о-погоде. . . '.

(38) *Ынан ы'лгу рытчы-нин ынк'эн*. . . *н'аргынэн* (АУ : 5) 'Он полюбил эту природу' (107).

(39) *Еп ингэ г-чак'атва-лен. н'аргынэн* (АУ : 58) 'С утра погода хмурилась' (144) или 'Еще с утра на улице было хмуро'.

11. Рассмотренные выше безличные глаголы с инкорпорированным Sb (см. (21), (22), (25)—(29), (30)—(35)) представляют собой морфологический подкласс чрезвычайно многочисленных чукотских безличных глаголов, обозначающих явления природы. Все эти глаголы образованы от основ существительных (или же соотносятся с такими основами). Глаголы этого типа обычно содержат один из следующих двух суффиксов: суффикс *-рчу-/-рчо-*, имеющий инхоативное значение (ср. (42)), или суффикс *-ат-* (и его варианты), имеющий дуративное значение (ср. (40), (41), (43));

(40) S_{stm} : *Н-чэк'эгни-т-к'ин* (СТ : 169) 'Светило солнце' (219); ср.: *э'к'эгни-и* 'солнцепек';

(41) S_{stm} : *н'аргын ны-лгэ-вьял-ят-к'эн* (РТ : 62) 'На дворе сильно-мело'; ср. *вьял-вьял* 'метель', 'пурга';

(42) S_{stm} : *К'ынвэр амгылот-чъле-рчо-ггэ* (ЯА : 19) 'Наконец наступил-полдень'; ср. *амгылот-чълэ-н* 'полдень';

(43) S_{stm} : *Н'аргын колё н-эрг-ы-й'элг-ат-к'эн* (РТ : 34) 'На улице очень ярко светила луна'; ср. *эрг-* 'яркий', *й'ылг-ын* 'луна'.

В S_{stm} , по информантам, в некоторых случаях возможно употребление в роли $Sb_{ном}$ наименований мест, где происходит соответствующее явление природы. Ср.:

(44) S_{stm} : [*Ан'к'ы*] *ым-ныкэрэт зйычги-т-ы-ркын* '[Море] всю ночь штормит'; ср. *зйычги-н* 'волна', 'прибой'.

(45) S_{stm} : [*Эмнун'ин*] *ил-ы-рчу-гчи* '[В тундре] прошел дождь', букв. «Тундра задожила»; ср. *ил-ы-ил* 'дождь'.

В некоторых случаях есть синонимия между S_{inc}^{σ} и S_{stm} . Волеу употребительным здесь обычно бывает последний тип. Так, *й'ылг-инини-гчи* букв. «луно-появилось» менее употребительно, чем *й'ылг-ы-рчу-гчи* 'появилась луна'. Обращает на себя внимание особое место существительного *тиркытир*, которое совсем не образует аффиксных глаголов (нет **тэрк-ы-рчо-ггэ*, **тирк-эт-гчи*). Глаголы с соответствующими значениями образуются либо путем инкорпорации (см. (31)), либо супплетивно (см. (40)).

12. Особое место — семантически и формально — занимает

двухвалентный глагол *тыкэк* 'пахнуть'. Как и ранее рассмотренные глаголы, он имеет три диатезы типа S_{inc} , но отличается наличием пяти диатез типа S_{in} , в одной из которых Ps выражен Sb_{nom} . Последнее обстоятельство позволяет возводить инкорпорированное обозначение Pd не только к Sb_{nom} , но и к Ob_{ins} . Приводим схему диатез типа S_{in} и примеры ко всем восьми диатезам этого глагола.

(46) S_{in} : *Рыркатъол ны-ткэ-к'эн* букв. «Моржати́на пахнет (=пахнет моржатиной)».

(47) S_{in}^{ad} : *Чоттагн-ык рыркатъол ны-ткэ-к'эн* букв. «В коридоре пахнет моржатиной».

(48) S_{in}^{pos} : *Чоттагн-ы-кэн₁ рыркатъол₂ ны-ткэ-к'эн₃* букв. «Моржати́на₂ коридора₁ (=находящаяся в коридоре) пахнет₃».

	Ps	Pd
(S_{in})	×	Sb_{nom}
(S_{in}^{ad})	Ad_{loc}	Sb_{nom}
(S_{in}^{pos})	At_{pos}	Sb_{nom}
(S_{in}^{sb})	Sb_{nom}	Ob_{ins}
(S_{in}^{ad})	Ad_{loc}	Ob_{ins}

(49) S_{in}^{sb} : *Чоттаг-ын рыркатъол-я ны-ткэ-к'эн* 'Коридор пахнет моржатиной'.

(50) S_{in}^{ad} : *Чоттагн-ык рыркатъол-я ны-ткэ-к'эн* 'В коридоре пахнет моржатиной' (звучит искусственно).

(51) S_{inc}^{σ} : *Ны-рыркатъол-ы-ткэ-к'эн* букв. 'Моржатино-пахнет'.

(52) S_{inc}^{ad} : *Чоттагн-ык ны-рыркатъол-ы-ткэ-к'эн* букв. «В коридоре моржатино-пахнет».

(53) S_{inc}^{sb} : *Чоттагын ны-рыркатъол-ы-ткэ-к'эн* букв. «Коридор моржатино-пахнет».

13. Причины употребления диатез типа S_{inc} вместо S_{in} сформулировать трудно. (Не сделано это, впрочем, и для давно уже описанных случаев инкорпорации дополнений). Приведем несколько разрозненных наблюдений.

В текстах, как правило, S_{in} заметно частотнее, чем S_{inc} . Исключения составляют устойчивые инкорпоративные образования (см. (34), (35)) и глагол *тыкэк* 'пахнуть', который, пожалуй, чаще всего встречается в диатезах S_{inc}^{sb} и S_{inc}^{σ} (с оценочным определителем); ср.:

(54) S_{inc}^{sb} : *Ны-к'ырго-ткэ-к'эн₁ чьачан'-выегыргын₂* (ШЛ : 14) 'Дыхание-мороза₂ пахнет-кедром₁', букв. «кедро-пахнет».

(55) S_{inc}^{σ} : *Ны-лгэ-тан'-ы-ткэ-к'эн к'ора-лявыт* (ШЛ : 15) 'Очень хорошо-пахла голова-оленя'.

14. Образования с инкорпорированной — наиболее частотной — основой *тирк-* 'солнце' встречаются относительно часто в деепричастных оборотах, т. е. в таких случаях, когда говорящий характеризует время совершения какого-то другого действия, а не просто описывает наблюдаемую картину природы. Коммуникативный вес инкорпорированной основы здесь, естественно, ослаблен. Все приводимые примеры имеют диатезу S_{inc}^o .

(56) *Люур рай, тэкэм тэрк-эвтытвэ-ма, моолычг-ын н'оонко иници-гэи* (БЛ : 108) 'Как раз когда солнце-опускалось, там появился большой-караван'.

(57) *Эвын тэрк-амэчат-тыля-ма моргынан га-эпат-а гин-ти* (ШЛ : 63) 'Уже когда-солнце-скрывалось, нам нужно-было-бы пойти-проверить сети'.

(58) *БГ ле тэрк-ы-к'эрган-ма, н'айыткын-ык ны-к'эллэрат-к'эн ы'лыл* (РТ : 10) 'Днем, когда-светило-солнце, на-вершине-горы блестел снег'.

(59) *Вытку тэрк-энэнэ-ма, мэрырэк'эй чамэтатко-та э'кырар-ы-н'-к'ача-гты эквэт-гэи* (ЯН : 52) 'И только когда-солнце-стало-всходить, потихоньку подкрадываясь, к-зверю-которого-убили-волки, отправился'.

(60) *Тэрк-ы-ра-ма, эрмэч-ин мынг-ы-к'ач мыле-нин* (БЛ : 108) 'Когда-заходило-солнце, он-сломал-то у-силача одну-руку', ср. (34).

(61) *К'амэтва-плыткю-нан'о, вулк'ытвик ымыльо атчъат-гэат, к'элэк-ым эквэты-ль-ы-лк'ыл-мури еп а-тэрк-ы-пгат-ка* (АУ : 680) 'Так как выступление было назначено до-восхода-солнца, то после ужина все легли спать' (158).

15. Иногда употребление S_{inc} служит, видимо, для большей связности текста, помогая, в частности, сохранить тему высказывания. Морфологическое усложнение глагола ведет к упрощению синтаксической структуры предложения. Ср.:

(62) S_{inc}^b : *Бнк'эн н'айгытолг-ын кытур ты-лыу-н. Вытку киткит ны₁-мэч₂-вээй₃-иничи-к'ин₁* (ТЧ : 52) 'Тот склон-горы в-прошлом-году я-видела. Только понемногу трава-появляется', букв. «Только понемногу₂ [склон горы] травоз₃-появляется₁».

В этом примере слово *н'ай-гытолгын* 'склон горы' является Ob_{nom} к транзитиву *лык* 'увидеть' из первого предложения и Sb_{nom} (=Ps) к интранзитиву второго предложения.¹⁰ Если вместо S_{inc} употребить S_{in} , то надо ~~на~~ инкорпорированной основы *вээй-* сделать новый Sb_{nom} (ср. (43)). Тогда надо как-то обозначать, что темой высказывания является склон горы (на котором вся трава была когда-то уничтожена лисой-рассказчиком), а не трава. Таким образом, текст получится менее связным. Еще более

¹⁰ В книге «Русская разговорная речь» (М., 1973) такое наложение двух предикативных конструкций называется синтаксической интерференцией. Ср.: «Стоит на проспекте Калинина вот Дом связи построили новый» (с. 339).

сложной перестройки текста требует устранение инкорпорации в примере (1) группы А. В подобных случаях обозначение Pd, естественно, отходит коммуникативно на второй план.

16. В текстовых примерах информант нередко допускает преобразование $S_{in} - S_{inc}$. При этом, естественно, коммуникативный вес Sb из S_{in} уменьшается, описываемая ситуация как бы «семантически сжимается». Не случайно, видимо, в переводах с русского S_{inc} встречаются чаще, когда в оригинале им соответствуют словосочетания типа «восход солнца», «шум воды», «произошел обвал» и т. п. (см. (26), (29), (61)), т. е. когда обозначение Pd понижено в синтаксическом ранге сравнительно с соотносительной предикативной структурой (ср. «солнце заходит», «вода шумит»), либо когда Pd вообще не выражено (ср. «что-то обвалилось»). Примеры с текстовыми S_{in} :

(63) S_{in} : *Янор тирк-э ромаван-нэн ы'льыл, ынк'оры-ым выргыргы-р'ю-г'и₁ мимыл₂* (ШЛ : 11) 'Сначала солнце пригрело снег, а-затем забурлила₁ вода₂' (2); ср. S_{inc}^o : *мимл-ы-выргыргы-р'ю-г'и* букв. «вода-забурлило»; ср. (28) и (29).

(64) S_{in} : *Ы'льыл тылг-ы-ркын* (ШЛ : 57) 'Тает снег' (18); ср. S_{inc}^o : *Ы'л-ы-лг-ы-ркын* букв. «снего-тает»; ср. (25).

(65) S_{in} : *Тэлэн'чен г-амэчат-лен й'ылгын* (ШЛ : 55) 'Давно скрылась луна'; ср. S_{inc}^o : *га-й'элг-амэчат-лен* букв. «луно-скрылось»; ср. (32).

(66) S_{in} : *...вытрэт-г'и тиркытир* (ШЛ : 51) '...появилось солнце'; ср. S_{inc}^o : *тирк-ы-вытрэт-г'и* букв. «солнце-появилось»; ср. (30), (31).

17. Для полноты картины отметим, что Sb к интранзитиву может выступать в качестве первого компонента и в соотносительных именных инкорпоративных или отглагольных образованиях; ср.: *тэрк-амэчат-г'и* 'солнце зашло' (ср. 30)) → *тэрк-амэчат-гырг-ын* 'закат'; *тирк-инини-г'и* 'солнце появилось' (ср. (31)) → *тэрк-энэнэ-гырг-ын* 'восход солнца'; *лын'к-ы-мля-г'э* букв. «снего-выступо-обрушилось» (ср. (16)) → *лын'к-ы-мле-н* 'лави́на, обвал', букв. «место, где обрушивается снег». Примеры из текстов:

(67) *Мыт-ы-ннаав-ын валём-кы пан'ёлг-ы-выр-гырг-ын, взэм-выр-гырг-ын* (ШЛ : 19) 'И не слышно стало, как трещит костер, как у берега струится говорливая вода' (5), букв. «Мы перестали слышать костро-шум и реко-шум»; ср. *Пэн'ёлгын выргырг-эт-ы-ркын* 'Костер трещит'; *Взэм выргырг-эт-ы-ркын* 'Река шумит' (ср. (28) и (29)).

(68) *Нанана-тэрг-а₁ гым₂ инэ-ныг'ек-в'и₃* (ШЛ : 50) 'Меня₂, з разбудил₃ детский-плач₁' (15); ср. *Нэнэны тэрг-ат-ы-ркын* 'Ребенок плачет'.

18. Выше были рассмотрены конструкции, в которых глагол-сказуемое интранзитивен. Ниже рассматриваются конструкции, в которых производные члены транзитивны (см. п. 2). Транзитивные корреляты рассмотренных выше конструкций бывают

двух типов: каузативные и некаузативные. Глаголы из S_{inc} , как и соотносительные глаголы из S_{in} , могут иметь (в принципе, но не в каждом отдельном случае) каузативные транзитивные корреляты. Кроме того, в отличие от соотносительных глаголов из S_{in} , глаголы из S_{inc} , как и глаголы из S_{stm} , могут иметь некаузативные транзитивные корреляты, образуемые простой меной спряжения. Рассмотрим сначала первые.

Каузативные диатезы от S_{in} и S_{inc}^{sb} имеют соответственно такой вид:

	Ps	Pd	
(S_{in})	Ad _{loc} /At _{pos}	Sb _{nom}	→ (S_{in}^{ca})
(S_{in}^{sb})	Sb _{nom}	× — inc	→ (S_{inc}^{ca})

Ca	Ps	Pd
Sb _{ins}	Ad _{loc} /At _{pos}	Ob _{nom}
Sb _{ins}	Ob _{nom}	× — inc

Правила образования S^{ca} из S_{in} и S_{inc} следующие: 1) ввести новый Sb (=Ca) в твор. п.; 2) превратить S_{nom} в Ob_{nom} ; 3) удержать Ad_{loc} или At_{pos} из S_{in} ; 4) присоединить к глаголу каузативный конфикс $p[y] \text{ /-н[y] -}$ — *-эв/-ав*; *-эм/-ам*; ¹¹ 5) согласовать глагол с Sb_{ins} и Ob_{nom}. Из-за специфики описываемых ситуаций актанта Ca здесь обычно неодушевленный:

(69) S_{in} : *Н'эй-ык в'ээг-ти иини-г'ээт* 'На горе появилась трава' (ср. (13)) → S_{in}^{ca} : *Омом-а н'эй-ык р-инини-в-нинэт в'ээг-ти* букв. «Тепло каузировало траву появиться на горе».

(70) S_{inc}^{sb} : *Н'эг-ны в'эй-инини-г'эи* букв. «Гора траво-появилась» (ср. (13)) → Sb_{inc}^{ca} : *Омом-а н'эгны ры-в'эй-инини-в-нин* букв. «Тепло каузировало гору траво-появиться».

19. Предложения типа S_{in}^{ca} и типа S_{inc}^{ca} редки. Кроме того, некоторые каузативные корреляты не поддаются естественной интерпретации; ср.:

(71) S_{inc}^{σ} : *Тэрк-амэчат-г'ээ* 'Солнце зашло' → S_{inc}^{ca} : *Ры-тэрк-амэча-в-нэн* 'Нечто вызвало закат солнца'.

Предложения типов S_{in}^{ca} и S_{inc}^{ca} синонимичны. Этим, видимо, объясняется наблюдаемая в некоторых случаях их морфологическая интерференция. Результатом этого может быть либо 1) вытеснение каузативом из S_{in}^{ca} каузатива из S_{inc}^{ca} , либо 2) контаминация морфологических средств (дублирование каузативного префикса $p \text{ /-н}$); ср.:

(72) S_{in} : *К'эпл-ык₁ мутлымул₂ кыкват-г'ээз* 'На-мяче₁ высохла₂

¹¹ См.: Инэлиэй П. И., Недалков В. П., Холодович А. А. Каузатив в чукотском языке. — В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969, с. 260 и сл.

кровь₂' → S_{in}^{ca}: *Тирк-э к'эпл-ык мутлымул ры-кыква-в-нэн* букв. «Солнце кровь на-мяче каузировало высохнуть»; ср. (12).

(73) S_{inc}: *К'эпыл мотл-ы-кыкват-гъэ* букв. «Мяч крове-высох» (ср. (12)) → S_{inc}^{ca}: *Тирк-э к'эпыл [ры-]мотл-ы-н-кыква-в-нэн* букв. «Солнце мяч каузировало-крове-высохнуть».

В последнем примере форма [ры-]мотл-ы-н-кыква-в-нэн может быть объяснена как результат контаминации а) формы *ры-мотл-ы-кыква-в-нэн* из S_{inc}^{ca} (букв. «каузировало-его-крове-высохнуть»), и б) формы *мотл-ы-н-кыква-в-нэн* (букв. «крове-высушил-его»), содержащей инкорпорированный Ob_{nom} из S_{iu}^{ca}.

20. Рассмотрим теперь некаузативные транзитивные корреляты к S_{inc} (тип S_{in}, как отмечалось выше, таких коррелятов не имеет), обозначив их S_{inc}^{tr}. В новой диатезе синтаксический актант Ob_{nom} может обозначать либо а) лицо, либо б) пространство. Рассмотрим сначала случай а) (см. (5)), обозначив семантическое соответствие Ob_{nom} символом Pd'. Исходные и производная диатезы имеют здесь такой вид:

(S _{inc})	Ps	Pd
	[Ad _{loc}]	×
		inc

→ (S_{inc}^{tr})

(S _{ad})	Ps'	Pd'
	Ad _{loc}	Sb _{nom}

	Ps	Ps'	Pd	Pd'
	×	Ad _{loc}	× _i	Ob _{nom}
			inc	

Диатезу S_{inc}^{tr} можно объяснить как результат «сложения» двух диатез с двумя Ps и двумя Pd. При этом в S_{inc} обозначение Ps в принципе факультативно (см. п. 6), а в S_{ad} и в S_{inc}^{tr} обязательно. При образовании S_{inc}^{tr} из S_{inc} происходит следующее: 1) устраняется Ad_{loc} (т. е. пространственная характеристика Pd), если только Ad_{loc} из S_{inc} и Ad_{loc} из S_{ad} не совпадают референтно; 2) опускается сказуемое из S_{ad}, если только S_{ad} не преобразуется в деепричастный оборот (ср. (83)); 3) удерживается Ad_{loc} из S_{ad}; 4) Sb_{nom} из S_{ad} преобразуется в Ob_{nom}; 5) глагол из S_{inc} становится транзитивным, т. е. начинает согласовываться с Ob_{nom} и с нулевым Sb_{ins} в 3-м л. ед. ч.

В (74) предложения а) и б), содержащие деепричастные обороты, объединяют двумя способами S_{inc} и S_{ad}. Здесь описываются две относительно независимые ситуации, которые происходят одновременно, но в разных местах.

(74) S_{inc}: [H'эй-ык] *ы'л-ы-лг-ы-гъи* букв. «[На горе] снегорастаяло»; S_{ad}: *Ытри взэм-ык к'ача ны-тва-к'энат* 'Они у-реки были' → а) S_{inc} (в деепричастном обороте) и S_{ad}: [H'эй-ык] *ы'л-*

ы-лг-ы-ма, ытри взэм-ык к'ача ны-тва-к'энат букв. «Когда-снего-таяло [на горе], они у-реки были»;

б) S_{ad} (в деепричастном обороте) и S_{inc} : *Ытри взэм-ык к'ача ва-ма, [н'эй-ык] ы'л-ы-лг-ы-г'и* букв. «Когда они были у-реки, [на горе] снего-растаяло».

Значения типа а) и б) из (74) могут быть переданы и с помощью S_{in} вместо S_{inc} ; ср.:

(75) S_{in}^{ad} и S_{ad} : *Н'эй-ык₁ ы'л'ы-лг-ы-ма₃, ытри₄ взэм-ык₅ к'ача₆ ны-тва-к'энат₇* 'Когда₃ на-горе₁ таял₃ снег₂, они₄ были₇ у-реки_{5,6}'; ср. (7).

Если, с одной стороны, смысл S_{inc}^{tr} не может быть выражен какой-либо синонимичной конструкцией без деепричастных оборотов, то, с другой стороны, смысл предложений типа а) и б) из (74) не может быть передан предложениями типа S_{inc}^{tr} без деепричастных оборотов. Если в S_{inc}^{tr} оставить Ad_{loc} из S_{inc} , то предложение окажется бессмысленным; ср.:

(76) **Н'эй-ык₁ ы'л-ы-лг-ы-нинэт₂ ытри₃ взэм-ык₄ к'ача₅* букв. «На₅ горе₁ их₂, з снего-растаяло₂ у-реки_{3,4}».

Примерный смысл Ad_{loc} из S_{inc} можно передать путем инкорпорации обозначения Ps. Ниже значение *н'эй-* примерно соответствует значению At_{pos} из S_{in}^{at} (см. (8)). Однако инкорпоративное образование с *н'эй-* не поддается интерпретации в S_{inc}^{tr} ; ср.:

(77) *Н'ай-тыл-ы-лг-ы-ма, ытри взэм-ык к'ача ны-тва-к'энат* букв. «Когда-горо-снего-таяло, они у реки были»; ср. (75) → **Н'эй-тыл-ы-лг-ы-нинэт [ытри] взэм-ык к'ача* букв. «[Их] горо-снего-растаяло-их у реки».

Итак, Ad_{loc} из S_{inc} должно быть обязательно опущено в S_{inc}^{tr} ; ср.:

(78) S_{inc}^{tr} : *Ыл-ы-лг-ы-нинэт [ытри] взэм-ык к'ача* букв. «[Их] снего-растаяло-их у реки», т. е. «Таяние снега застало их у реки»; ср. (74).

(79) $S_{inc} + S_{ad}$: *Тэрк-амэчат-ык, ытри н'эй-ык к'ача ны-тва-к'энат* букв. «Когда солнце-зашло, они у-горы были» → S_{inc}^{tr} : *[Ытри] тэрк-амэчан-нэнат н'эй-ык к'ача* 'Заход-солнца-застал-их возле моря'.

(80) $S_{inc} + S_{ad}$: *Тэрк-амэчат-ык, ынпыначгын энмэч яра-к ны-тва-к'эн* 'Когда-зашло-солнце, старик уже дома был' → S_{inc}^{tr} : *Ынпыначгын₁ энмэч₂ яра-к₃ тэрк-амэчан-нэн₄* 'Солнце-зашло₄, когда₄ старик₁ уже₂ [был] дома₃'.

(81) $S_{inc} + S_{ad}$: *Ваам-р'ыле-ма, ытри н'эй-ык к'ача ны-тва-к' — энат* 'Когда-вскрылась-река, они у-горы были' → S_{inc}^{tr} : *[Ытри] взэм-р'ылен-нинэт н'эй-ык к'ача* букв. «Их-реко-вскрыло возле горы».

В ситуациях, описываемых S_{inc}^{tr} , актанта Pd' обозначает лицо, «подвергающееся» действию, обозначенному глаголом; при этом предполагается лицо, оказавшееся в том месте, в том пространстве, где происходит соответствующее явление природы. Лицо подвергается этому действию в любом месте, но не у себя дома, если

только собственный дом не является конечной точкой его пути; ср. (80). Таким образом, актант Pd' находится в том месте, которое обозначается словом *н'аргынэн* в значении «пространство вне дома» (см. п. 10).

В случае S_{inc}^{tr} , как и в случае S_{inc} , проявляется тенденция ставить в позицию ближайшего синтаксического актанта (соответственно $Ob_{ном}$ и $Sb_{ном}$) слово, которое не входит в лексикографическое толкование соответствующего глагола. Как и в S_{inc} , слово это стоит здесь в им. п., однако является прямым дополнением. Слово это может отсутствовать, если оно ясно из предыдущего контекста (на его лицо и число указывает глагольная флексия; ср. (81)).

21. В конструкциях, аналогичных S_{inc}^{tr} , участвуют также различные глаголы из S_{stm} , рассмотренные в п. 11. Диатеза и значение при этом те же, что и в только что рассмотренном случае; (см. также (5)):

(82) S_{stm}^g : *Иылкээв-рѳу-гѳи* 'Началась гроза' → S_{stm}^{tr} : *К'ол₁ инэтыгѳи₂ гынун-вээм-ык₃ Обы-к₄ инэ-йылкээв-рѳу-гѳи₅* (ШЛ : 105) 'Однажды_{1, 2} посреди-реки Оби₄ захватила-меня-гроза₅' (38).

(83) S_{stm}^g : *Эрг-ы-йѳэлг-ат-гѳэ* 'Ярко засияла луна' → S_{stm}^{tr} : *Вытку пыкэр-ы-н'о-к нымным-эты, н-эрг-ы-йѳэлг-ан-мык* 'Только когда-мы-стали-подходить к-селу, нас-ярко-осветила-луна'; ср. (43).

(84) S_{stm}^g : *Илы-рѳу-гѳи* 'Прошел дождь' → S_{stm}^{tr} : *Ен₁ рочын'кы₂ мури₃н-ил-ы-рѳу-мык₄* 'Еще₁ на-том-берегу₂ нас_{3, 4} застал-дождь-нас₄'.

(85) S_{stm}^g : *Лъэлен-рѳу-гѳи* 'Настала зима' → S_{stm}^{tr} : *Мури нэ-лъэлен-рѳу-мык ан'к'а-к к'ача* 'Нас застала зима возле моря'.

(86) S_{stm}^g : *Йын'э-рѳу-гѳи* 'Появился туман' → S_{stm}^{tr} : *Н'эй-ык к'ача мури нэ-йын'э-рѳу-мык* 'Возле горы нас окутал туман'.

22. Информанты допускают, хотя и считают это излишним и практически неупотребительным, включение в S_{inc}^{tr} слова *н'аргынэн* (см. п. 10) в роли Sb_{ins} ; ср.:

(87) S_{inc} : [*Н'аргынэн*] *тэрк-амэчат-гѳэ* букв. «[Вселенная] солнце-зашла» → S_{inc}^{tr} : [*Н'аргын-а*] *ытри н'эй-ык к'ача тэрк-амэчан-нэнат* букв. «[Вселенная] их солнце-зашла-их у-горы»; ср. (79), (80).

23. В результате действий, описываемых S_{inc}^{tr} , между Pd и Pd' возникает какой-то контакт. Этот контакт каким-то образом называется на Pd', меняет «состояние» Pd'. Видимо, по этой причине в S_{inc}^{tr} (соответственно в S_{stm}^{tr}) не участвуют те глаголы, которые обозначают дуративные действия (см. (88)), а также действия, которые не отражаются сколько-нибудь на Pd' (см. (89)); ср.:

(88) S_{stm} : *Ил-ет-гѳи* 'Шел дождь' → S_{stm}^{tr} : **Ил-ен-нин* (не поддается интерпретации); ср., однако, (84).

(89) S_{inc} : *Мимл-ы-выргыргэт-гѳи* букв. 'Водо-зашумело' (ср. (28) и (29)) → S_{inc}^{tr} : *Мимл-ы-выргыргэн-нин* (не поддается интерпретации; ср. русск. «*Его застал шум воды»); ср. (96).

24. В случаях S_{inc}^{tr} и S_{stm}^{tr} проявляется более общая закономерность чукотского языка: легко транзитивировать интранзитив

менной спряжения, если интранзитив содержит основу существительного. Чаще всего в таких случаях Ob_{nom} обозначает Ps, являющегося собственно владельцем Pd (выражаемого основной глагола), или же того, кому предназначается Pd, т. е. будущего владельца; ср.:

(90) *Ытлыг-ын та₁-ра₂-нэ'-ы-ркын* 'Отец строит₁ з дом₂ (глагол образован от существительного *яра-н'ы* с помощью фикса *та- — -н'-*) → *Ытлыг-э* (Sb_{inc}) *эжык* (Ob_{nom}) *та-ра-н'-ы-ркын-эн* 'Отец строит сыну дом'.

25. Рассмотрим теперь случай б) из S_{inc}^{tr} , т. е. случай, где Ob_{nom} обозначает пространство (см. п. 20). Здесь возможны две трактовки. Прежде всего возможна трактовка, при которой семантический актант, обозначающий Ob_{nom} , отождествляется с Ps из S_{inc} . Тогда диатеза S_{inc}^{tr} может быть произведена прямо от S_{inc} ; ср.:

Смысловое различие между приводимыми в (91) примерами из S_{inc} и S_{inc}^{tr} небольшое, и его трудно сформулировать. Эти предложения могут быть синонимичными, хотя Ps представлено в S_{inc} скорее как место действия, а в S_{inc}^{tr} — как место воздействия. Кроме того, в S_{inc}^{tr} содержится указание глагольной флексии на какую-то действующую силу, на какого-то агенса. Ср.:

	Ps	Pd
(S_{inc})	Ad _{loc} /Sb _{nom}	×
		inc
(S_{inc}^{tr})	Ob _{nom}	×
		inc

(91) S_{inc}^{ad} : *Н'эй-ык ы'л-ы-лэ-ы-гэи* букв. «На-горе снего-растаяло»; S_{inc}^{sb} : *Н'эг-ны ы'л-ы-лэ-ы-гэи* букв. «Гора снего-растаяла» → S_{inc}^{tr} : *Н'эг-ны ы'л-ы-лэ-ы-нин* букв. «Гору [нечто] снего-растаяло».

В следующих примерах между S_{inc} и S_{inc}^{tr} существует заметное смысловое различие; ср.:

(92) S_{inc}^{ad} : *Энм-ык лын'к-ы-мле-гэи* букв. «На-скале выступо-обрушилось», ср. (16); S_{inc}^{sb} : *Энмээм лын'к-ы-мле-гэи* букв. «Скала выступо-обрушилась» → S_{inc}^{tr} : *Энмээм лын'к-ы-мле-нин* букв. «Скалу выступо-обрушило», т. е. 'На-скалу [что-то] обрушило-снежный-выступ'.

Чередование косвенных (ср. S_{inc}^{ad}) и прямых (ср. S_{inc}^{tr}) падежей при выражении сходных смысловых актантов (и связанное с этим чередование номинативной и эргативной конструкций) довольно широко распространено в чукотском языке среди разных смысловых групп глаголов; ср., например: *Н'инк'эй гырулм-ы-ркын*

яра-к 'Ребенок обходит вокруг яранги' → *H'инк'э-э гырулм-ы-ркын-ин яран'ы* 'Ребенок обходит ярангу'.¹²

26. Рассматриваемую конструкцию могут иметь и безличные глаголы из S_{stm} (р. п. 21). Ср.:

(93) S_{stm} : [*Тайкав-ы-не-ык*] *гэ-йн'э-р'ю-лин* '[На-месте-борьбы] появился-туман' → S_{stm}^{tr} : *Тайкав-ын₁ рыпэт₂ ам-к'эв'яч-а₃ гэ-йн'э-р'ю-лин₄* (БЛ: 44) 'Место₁-борьбы₁ даже₂ из-за-пара₃ туманом-покрылось₄'. Ср. (83).

(94) S_{stm} : [*H'эй-ык*] *ил-ы-р'ю-г'и* '[На-горе] прошел-дождь' → S_{stm}^{tr} : [*Амынан*] *н'эг-ны ил-ы-р'ю-нин* 'Дождь-шел [только] на-гору'. Ср. (45), (81), (85).

(95) S_{stm} : [*H'эй-ык*] *э'к'эгнит-г'и* '[На горе] сильно-светило-солнце' → S_{stm}^{tr} : *Кытэк'эй э'к'эгнин-нин н'эг-ны* 'На-короткое-время солнцем-осветило гору'. Ср. (40).

Особое место занимает здесь следующий случай, требующий дополнительного изучения. Здесь S_{stm} может иметь факультативный $Sb_{ном}$, который в S_{stm}^{tr} выступает как факультативный Sb_{inc} .

(96) St_{stm} : [*Ан'к'ы*] *ым-ныкэрэт зйычги-т-ы-ркын [тэпк'а-гты]* '[Море] всю-ночь штормит (заливая) [косу]'; ср. (44) → S_{stm}^{tr} : *Ымыльэты тэпк'эн [ан'к'а-та] зйычги-т-ы-ркын-ин* 'Всю косу заливает (штормящим) [морем]'.
 27. Возможна и другая трактовка S_{inc}^{tr} (и соответственно S_{stm}^{tr}). Эта трактовка аналогична трактовке случая а) из п. 20, но осложнена здесь тем, что в роли Ps, Ps' и Pd' выступают пространственные наименования, из-за чего трудно уловимо их референтное соотношение. Возможность второй трактовки аргументируется тем, что в S_{inc}^{tr} возможно употребление Ad_{loc} , указывающего на место, где находится Pd'. Диатеза здесь выглядит так:

	Ps	Pd
(S _{inc})	Ad _{loc}	×
		inc

→ (S_{inc}^{tr})

	Ps'	Pd'
(S _{ad})	Ad _{loc}	Sb _{ном}

Ps	Ps'	Pd	Pd'
×	Ad _{loc}	×	Ob _{ном}
		inc	

¹² См.: Инэликиэй П. И., Недялков В. П. 1) Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке. — В кн.: Эргативная конструкция в языках различных типов (исследования и материалы). Л., 1967, с. 246—260; 2) Глаголы чувства в чукотском языке. — В кн.: Лингвистические исследования. 1972. М., 1973, ч. 1, с. 175—203.

(97) S_{inc}^{ad} : *Вээм-ык к'ача (Н'эй-ык) ы'л-ы-лг-ы-гэи* букв. «У реки (На-горе) снего-растаяло»; S_{ad}^{tr} : *Н'эй-ык ергын ны-тва-к' эн* 'На горе поляна была' → S_{inc}^{tr} : *Н'эй-ык ы'л-ы-лг-ы-нин амынан ергын* букв. «На горе снего-растаяло только поляну», т. е. «На горе снег растаял только на поляне».

(98) S_{inc}^{ad} : *Н'эй-ык (Энм-ык) лын'к-ы-мле-гэи* букв. «На горе (На скале) выступо-обрушилось»; ср. (92); S_{ad}^{tr} : *Н'эй-ык энмээм ны-тва-к' эн* 'На горе скала была' → S_{inc}^{tr} : *Н'эй-ык лын'к-ы-мле-нин амынан энмээм* букв. «На-горе выступо-обрушило только скалу», т. е. 'На горе снежный выступ обрушился только на скалу'.

Аналогичные конструкции образуются и с S_{stm}^{tr} ; ср.:

(99) S_{stm}^{tr} : *Н'эй-ык э'к'эгнин-нин амынан ергын* 'На горе (солнцем) осветило только поляну'; ср. (95).

28. Случаи, когда S_{inc}^{tr} (и соответственно S_{stm}^{tr}) не имеет интерпретации, объясняются, видимо, тем, что здесь в результате соответствующего действия не возникает какого-то нового состояния, нового контакта по сравнению с действием, описываемым соотносительной S_{inc}^{tr} (описывающей статичное «поведение» Pd); ср. п. 23. Примеры:

(100) S_{inc}^{ad} : *Н'эй-ык мимл-ы-выргырат-гэи* букв. «На горе водо-шумело» → S_{inc}^{tr} : **Н'эг-ны мимл-ы-выргэн-нин* букв. «Гору водо-шумело».

(101) S_{inc}^{ad} : *Н'эй-ык в'эй-инини-гэи* букв. «На горе травопоявилось» → S_{inc}^{tr} : **Н'эг-ны в'эй-инини-нин* букв. «Гору травопоявилось».

(102) S_{inc}^{ad} : *Вээм-ык гил-ы-неил-гэи* букв. «На реке льдо-стало» → S_{inc}^{tr} : **Вээм гил-ы-неил-нин* букв. «Реку льдо-стало».

(103) S_{inc}^{ad} : *Эмнун'-кы вээм-р'ыле-гэи* букв. «В тундре реко-вскрылось» → S_{inc}^{tr} : **Эмнун'ин вээм-р'ыле-нин* букв. «Тундру реко-вскрыло».

Список литературных источников и их сокращения

Оригинальные произведения

- БЛ — *Беликов Л. Лыг'оравэртлээн лымн'ылтэ* (Чукотские сказки. Собрал Л. Беликов). Магадан, 1961.
РТ — *Рытгэв. Титэ тылгыркын ы'льыл (Рытхэу Ю. С. Время таяния снегов)*. Магадан, 1959.
ТЧ — *Тын'этэын. Чавчывэн лымн'ылтэ (Тынэтэын. Сказки чаучу)*. Магадан, 1959.
ЯЛ — *Ятгыргын В. Лымн'ылтэ эйгыск'ыкин* (Сказки народов Севера. Сост. В. В. Ятгыргын). Магадан, 1963.
ЯА — *Ятгыргын В. А-ачек гавантален а'к'авагыргын (Ятгыргын В. Судьба мужчину не балует. Повесть)*. Магадан, 1967.
ЯН — *Ятгыргын. Н'инк'эй нымнымгэны (Ятгыргын В. Мальчик из стойбища)*. Магадан, 1963.

Переводы с русского, выполненные чукчами

- АУ — *Арсеньева В. К. Умкычыкукинэт лъовылгыргыт (Встречи в тайге. Переводчики Кайо, Конченко, Никитин; на с. 105—178 дан русский текст)*. М.; Л., 1953.

- РР — *Рытгэв*. Рилти эрмэвиркыт рэн'амьянма (*Рытхэу Ю. С.* Крылья крепнут в полете. Переводчик М. П. Легков). Магадан, 1964. (Русские переводы даны по кн.: *Рытхэу Ю.* Голубые песцы. М., 1964).
- СТ — *Семушкин Т.* Тортын'агыргын (Ростки нового. Переводчик Ю. Рытхэу). Л.; М., 1951. (Русские переводы даны по кн.: *Т. Семушкин.* Чукотка. М., 1967).
- ШШ — *Шесталов Ю. Н.* Лелелкымийгын ялгытынвыкэн (Синий ветер каслания. Переводчик А. Кымытваль). Магадан, 1970. (Русские переводы даны по кн.: *Шесталов Ю.* Синий ветер каслания. Роман-газета, № 9, 1966).
- ФМ — *Фадеев А.* Маравролтатгыргын (Разгром. Переводчик Т. Л. Ермошина). Магадан. 1964. (Русские переводы даны по кн.: *Фадеев А.* Разгром. Чебоксары, 1955).

О ВЫРАЖЕНИИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Субъектно-объектные отношения являются одной из самых универсальных категорий языка, поскольку они связаны с выражением в языке универсальнейших категорий человеческой мысли.¹ Среди фундаментальных параметров «сублогической системы», определяющей специфику падежной парадигмы в разнотипных языках, Л. Ельмслев² называет признак субъективность // объективность.

«Соответствующая методика, — отмечал В. М. Жирмунский, — кажется мне примером типологического рассмотрения, которое, может быть, не вполне охватывает языки как типы, но зато схватывает в них существенное, а не случайное».³

«От содержательной валентности, формулируемой в терминах субъектно-объектных функций, следует отличать ее морфологическое обнаружение, варьирующее от языка к языку. Грамматические формы, в которые облакаются субъектно-объектные функции, зависят от строя языка и установившейся в нем для каждого случая нормы (т. е. утвердившихся в данном языке правил) употребления его структурных единиц».⁴

Если содержательная валентность⁵ в принципе универсальна, то ее морфологическое выявление идиоэтично по своей природе⁶ — это высказывание С. Д. Кацнельсона создает ту основную базу, которая объединяет в данную коллективную монографию материал языков различных типов.

Схема, основанная на структурной специфике способов передачи субъектно-объектных отношений (или признаков — координат)⁷ в языках универсальных субъектно-объектных отношений

¹ См.: Жирмунский В. М. О целесообразности применения в языковедении математических методов. — В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965, с. 109.

² См.: Hjelmslev L. La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. København, pt. 1, 1935, p. 127; см.: Климов Г. А. Вопросы континентно-типологического изучения языков. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 125—126.

³ Там же, с. 109.

⁴ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 47.

⁵ «Под содержательной валентностью глагольного значения мы понимаем способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции. . . Речь идет о потенциях, заложенных в значении глагола и в той или иной мере реализуемых в предложении» (там же, с. 47).

⁶ См. там же.

⁷ По терминологии Г. А. Климова.

и располагающая богатыми традициями разработки в отечественном языкознании прошлого (ср. исследования акад. И. И. Мещанинова), представляется в настоящее время наиболее перспективной.⁸ Передача субъектно-объектных отношений по удельному весу своих формальных отображений или проекций на различные уровни языка составляет едва ли не наиболее существенный из содержательных факторов, определяющих его структурный облик.⁹

Однако выявление формальной и содержательной сущности грамматических категорий, в частности категории субъекта и объекта, наталкивается на значительные трудности, которые всегда осознавались лингвистами, особенно если приходилось иметь дело с материалом типологически несходных языков. В последнем случае причины затруднений, по словам В. Н. Ярцевой, пробовали искать в невозможности приложить критерии и понятия, выработанные на материале одних языков, к языкам иного строя.¹⁰ Но, с другой стороны, следует подчеркнуть, что сравнительно-типологическое изучение той или иной категории или грамматического явления на материале языков, входящих в одну и ту же генетическую группировку, представляет не менее сложную задачу. Возможности изучения грамматических категорий на материале неродственных языков весьма широки, поскольку за основу сравнения может быть взят любой факт или совокупность фактов языка, тогда как при сведении к одному знаменателю различных вариантов функционирования грамматических категорий в родственных языках лингвист ограничен в выборе материала языками, обнаруживающими структурно-типологическую общность. В аналогичных случаях из-за чрезвычайного разнообразия «поверхностных» структур возникает необходимость обследовать «глубинные» структуры, чтобы выявить возможности их взаимной адекватности.¹¹ С этой точки зрения кавказоведческий лингвистический материал, в котором на фоне общих структурно-типологических изоглосс наблюдается наличие различных вариантов функционирования субъектно-объектных категорий, является наглядной иллюстрацией тесного взаимоотношения содержательной валентности глагола и различных способов представления син-

⁸ См.: *Климов Г. А.* Вопросы контентивно-типологического описания языков, с. 126, 127.

⁹ См.: там же, с. 126. — «На основе постулата нескольких принципиально различных наборов структурных признаков-координат языка, специфическим образом передающих субъектно-объектные отношения, в настоящее время возникает возможность разграничить и охарактеризовать в контентивном плане по крайней мере пять целостных языковых типов — нейтральный, классный, активный, эргативный, номинативный» (там же, с. 129; см. также: *Климов Г. А.* Общая теория эргативности. М., 1973).

¹⁰ См.: *Ярцева В. Н.* Отношение семантико-грамматических категорий, выражаемых в различных языках. — В кн.: *Принципы описания языков мира*. М., 1976, с. 97.

¹¹ См.: там же, с. 97—98.

таксических структур, которые базируются именно на субъектно-объектных отношениях.¹² Так, например, эргативная конструкция предложения одинаково характеризует все иберийско-кавказские языки, однако формы проявления и способы ее построения разнообразны в различных группах этих языков. Интересно отметить, что в ряде случаев расхождения наблюдаются не только между отдельными группами, но и внутри групп близкородственных языков.

Привлечение с этой точки зрения соответствующих данных иберийско-кавказских языков дает весьма пеструю картину; в горских иберийско-кавказских языках — в аварском, лакском, даргинском, лезгинском, хиналугском и др. — эргативная конструкция является единственной синтаксической конструкцией при переходных глаголах для всех трех лиц, а также для всех форм времен. Исключение составляет бацкий язык,¹³ в котором постановки субъекта в эргативном падеже требуют подавляющее большинство непереходных глаголов — в 1-м и во 2-м л. ед. и мн. ч. — независимо от времени и наклонения глагола, например *ас вуитIас* 'я (эрг.) иду', *ахь эккхехь* 'ты (эрг.) прыгаешь'.

В картвельских языках эргативная конструкция выражается лишь в группе аориста — прошедшего совершенного (так называемая вторая серия времен и наклонений), а в группах настоящего и будущего времен налицо номинативная конструкция, в третьей же серии времен (куда входят I и II результативные) — дативная конструкция. Так, например, двухличный переходный глагол *xa/v-a* 'рисовать' образует в грузинском следующие синтаксические конструкции:

1. Номинативная — *mxa/var-i surat-s xa/v-s* 'художник рисует картину' — субъект *mxa/var-i* стоит в им. п. (показатель *-i*), а прямой объект в дат. п. (показатель *-s*).

2. Эргативная — *mxa/var-ma surat-i daxa/a* 'художник нарисовал картину' — субъект стоит в эрг. п. (показатель *-ma*), а прямой объект в им. п.

3. Дативная — *mxa/var-s dauxa/v-s surat-i* 'художник, оказывается, нарисовал картину' — логический субъект (с грамматической точки зрения) стоит в дат. п., а логический объект — он же грамматический субъект — в им. п.

Из картвельских языков в сванском в аналогичных условиях

¹² Механизм языка, при помощи которого воплощается и сообщается некоторое познавательное содержание, образуется всей его формальной и содержательной структурой. «Формальная структура языка есть лишь один план этого механизма, связанный с другим его планом — содержанием, представляющим собой некоторый отрезок познавательной деятельности человека, актуализованный в языковой форме» (Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, с. 48).

¹³ См.: Дашериев Ю. Д. Бацкий язык. М., 1954, с. 223—230; Гагуа Р. Р. Изменение бацкого глагола по грамматическим классам. — ИКЯ, IV (1953), с. 37.

имеются те же самые конструкции, что в новогрузинском языке.¹⁴

Что же касается занских диалектов, то мегрельский следует за грузинским языком, однако имеется и расхождение: эргативная конструкция находит применение в группе времен аориста не только при переходных глаголах, но в равной мере и при непереходных глаголах (среднего и страдательного залогов). Следовательно, в этой группе времен эргативная конструкция оказывается единственно возможной конструкцией: *koşk doçuru* 'человек умер' так же естественно, как и *koşk kumortu* 'человек убил'. Эргативная конструкция при непереходном глаголе — особенность мегрельского диалекта.¹⁵

В чанском диалекте эргативная конструкция употребляется лишь при переходных глаголах не только в аористе (и в группе времени аориста), но и во всех остальных временах (следовательно, и в настоящем времени, и в прошедшем-результативном). Эргативная конструкция — ныне единственная конструкция чанского переходного глагола (взятого в 3-м л.).¹⁶ Ср.: *usta-k kodum-s oxor-i* 'плотник строит дом', *usta-k doçodu oxor-i* 'плотник построил дом', *ustak doçodurun oxori* 'плотник, оказывается, построил дом' — все три предложения эргативного построения.¹⁷

По мнению А. С. Чикобава и К. Д. Дондуа, своеобразное использование эргативной конструкции в занских диалектах — явление позднее. И здесь, по всей вероятности, эргативная конструкция в свое время употреблялась лишь при переходных глаголах, притом лишь в аористе (и в группе времен аориста).¹⁸ Таким образом, в занском (мегрело-чанском) употребление эргативной конструкции значительно расширено: в мегрельском — за счет распространения на непереходные глаголы, в чанском — на времена: настоящее и результативное первое.

Обращает на себя внимание тот факт, что отклонения в отношении употребления эргативного падежа наблюдаются не только в картвельских языках, но и в диалектах самого грузинского языка. Так, например, если сфера употребления эргативного падежа значительно сократилась в новогрузинском языке,¹⁹ то

¹⁴ См.: Чикобава А. С. 1) Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций. Тбилиси, 1948, с. 2; 2) Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта. Тбилиси, 1936, с. 207—223.

¹⁵ См.: Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Историческое взаимоотношение. . . , с. 132—133.

¹⁶ См.: там же, с. 133.

¹⁷ См.: Чикобава А. С. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта, с. 132; Дондуа К. Д. Настоящее обычности в активной конструкции. — В кн.: Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975, с. 134.

¹⁸ См.: Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Историческое взаимоотношение. . . , с. 132—133.

¹⁹ Исчезло «настоящее обычности» и заменилось во всех случаях «настоящим», требующим номинативной конструкции. Исчезло также «прошедшее

в диалектах употребление эргативной конструкции шире. Причины этому явлению различны: в одних диалектах сохранились некоторые архаичные временные формы глагола (хевсурский и другие горские диалекты, отчасти кахетинский и картлийский), а в других диалектах — эргативная конструкция распространилась на непереходный глагол. Например, *кас-та movid-a* 'человек пришел' в гурийском и имеретинском (ср. с лит. *кас-и movida*). Это явление наблюдается главным образом в западных диалектах грузинского языка, что И. Кипшидзе приписывал влиянию мегрельского диалекта. Спорадически эргатив при непереходном глаголе встречается и в диалектах Восточной Грузии, где он, видимо, результат синтаксической аналогии.²⁰

В отношении способов выражения эргативной конструкции значительные расхождения наблюдаются и в группе близкородственных абхазско-адыгских языков.

В адыгских языках — в адыгейском и кабардинском — налицо система склонения (правда, по сравнению с дагестанскими и картвельскими языками слабо развитая), и тем самым эргативная конструкция находит свое морфологическое и синтаксическое выражение. Так, например, в кабардинском языке при непереходной конструкции действующее лицо выражается именительным падежом: *лыгъэр ажалым шыштэркъым* (поговорка) 'мужество смерти не боится',²¹ а при переходной конструкции предложения — эргативным падежом: *Ашэмэзым къудамэ гъуар шIопшыкту ишIаш* (Нартхэр) 'Ашамез сухую ветку сделал рукояткой плети'.²² Ср. также в адыг. *колхозникым* (эрг.) *докладыр этхы* 'колхозник читает доклад' и *колхозникыр* (им.) *макIуэ* 'колхозник идет'.²³ Таким образом, переходный глагол и связанные с ним имена субъекта и объекта в адыгских языках образуют эргативную конструкцию предложения.²⁴

Иначе обстоит дело с построением эргативной конструкции в абхазском языке, в котором в силу отсутствия системы склонения эргативная конструкция морфологически выражена лишь в глаголе при помощи разных видов личных и классовых показателей и их порядка. Этими же аффиксами передается в абхазском языке синтаксическое взаимоотношение, связанное с эргативным падежом в других иберийско-кавказских языках.

обычности». Остались только «аорист», повествовательное наклонение и сослагательное II — так называемая вторая серия времен, в которой сохранилась эргативная конструкция.

²⁰ См. подробно: *Топурия В. Т.* Случаи синтаксической аналогии в диалектах грузинского языка. — Журн. «Наша наука» (Тбилиси), 1923, № 1 (на груз. языке).

²¹ См.: *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка*. М., 1957, с. 175.

²² См.: там же.

²³ См.: *Яковлев И. Ф., Ашхамаф Д. А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М., 1941.

²⁴ См.: *Климов Г. А.* Кавказские языки. М., 1965, с. 63.

Таким образом, эргативная конструкция хотя и является повсеместно распространенной чертой иберийско-кавказских языков, но представлена она в нескольких вариантах. Наиболее распространенный из ее вариантов, характерный почти исключительно для восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков, обусловлен эргативным падежом, совпадающим с одним из косвенных падежей (творительным, местным и т. п.). В других языках, прежде всего в южнокавказских, имеется специальный эргативный падеж, не совпадающий по своей форме с косвенным. Наконец, третий вариант эргативной конструкции предложения известен лишь из западнокавказских языков, где имеется единый эргативно-косвенный падеж, противопоставляющийся именительному.²⁵ Наличие нескольких вариантов синтаксической структуры эргативного построения (так же, как и номинативного и дативного) обусловлено существованием другой структурной черты, объединяющей все иберийско-кавказские языки, — наличия в составе глагола субъектно-объектной префиксации, указывающей либо на лицо (в абхазско-адыгских и картвельских языках), либо на класс соучастников действия в нахско-дагестанских языках. Категория грамматических классов является одной из наиболее характерных особенностей иберийско-кавказских языков. Сравнительно-типологическое и сравнительно-историческое изучение категории грамматических классов в этих языках дает возможность проследить развитие грамматического строя в отдельных группах этих языков. Многие явления морфологии, синтаксиса, словообразования, а также этимология целого ряда слов находят свое объяснение в связи с историей грамматических классов. Немалый интерес представляет и семантический принцип, лежащий в основе классификации имен по грамматическим классам: имена существительные, обозначающие человека, морфологически противопоставляются именам, обозначающим все остальное: явления и предметы живой и неживой природы, абстрактные понятия и т. д. Соответственно выделяется морфологическая «категория человека или личности» и «категория вещи». Противопоставление личности и вещи выражается также и семантически (например, груз. *vin?* 'кто?', *ra?* 'что?'). Грамматическая и семантическая классификации внутренне между собой связаны. В тех случаях, когда в языке имеется более двух грамматических классов, основной принцип классификации остается в силе, однако вся система несколько усложняется: в категории личности происходит дифференциация на первый и второй грамматические классы, в категории вещи — на третий и четвертый грамматические классы. В первый грамматический класс включаются имена существительные, обозначающие мужчин (преимущественно взрослых), а также некоторые другие имена, исторически приравнивавшиеся к ним.

²⁵ См. там же, с. 63, 64.

Во второй грамматический класс входят имена, обозначающие женщин (обычно взрослых или замужних, как, например, в лакском), а также названия предметов неживой природы в некоторых языках.²⁶ В третьем грамматическом классе представлены названия животных (в подавляющем большинстве языков) и некоторых предметов, в четвертом классе — все остальные. Имена, обозначающие детей, подростков, а также детенышей животных и зверей, мелких зверей или пернатых, относятся к одному из классов вещей. В соответствии с использованием показателей грамматических классов, а также личных префиксов, функционирующих попеременно с классными префиксами, в иберийско-кавказских языках представлены три типа, исторически взаимосвязанные три ступени спряжения: 1) классное спряжение, 2) классно-личное спряжение, 3) личное спряжение.²⁷

По мнению большинства кавказоведов, наиболее древним является первый тип, тип классного спряжения, сохранившийся и поныне в нахско-дагестанских языках, где категория грамматических классов представлена в глаголе в виде префиксов. Классные показатели имеются также и в именах существительных, прилагательных, числительных, в местоимениях, причастиях. Тип классного спряжения, например, в аварском языке:

			Ед. число
I класс	II класс	III класс	
<i>dun v-acuna</i>	<i>j-acuna</i>	<i>b-acuna</i>	'я иду'
<i>mun v-acuna</i>	<i>j-acuna</i>	<i>b-acuna</i>	'ты идешь'
<i>dow v-acuna</i>	<i>doj j-acuna</i>	<i>do-b bacuna</i>	'он идет'
			Мн. число
<i>niz (nil')</i>	<i>r-acuna</i>		'мы идём'
<i>nuz</i>	<i>r-acuna</i>		'вы идёте'
<i>do-l</i>	<i>r-acuna</i>		'они идут'

При наличии классного спряжения в переходных глаголах в отличие от непереходных обозначается лишь класс объекта действия (субъект, его класс в глаголе не находит никакого выражения). Одноклассное объектное спряжение:

<i>j-acal</i>	<i>vac</i>	<i>v-ecula</i>	'сестра брата хвалит'
<i>v-acas</i>	<i>j-ac</i>	<i>j-ecula</i>	'брат сестру хвалит'
<i>v-acas</i>	<i>cu</i>	<i>b-ecula</i>	'брат коня хвалит'
<i>j-acas</i>	<i>v-ac-al</i>	<i>r-ecula</i>	'сестры братьев хвалят'
<i>c-acas</i>	<i>cujal</i>	<i>r-ecula</i>	'братья коней хвалят'

²⁶ См.: Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. М., 1965; Андгуладзе Н. Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1968.

²⁷ Но среди дагестанских языков есть языки (агульский, лезгинский), в которых глагол не спрягается ни по классам, ни по лицам, и в них вопрос о выражении субъекта и объекта стоит особо (см.: Хайдаков С. М. Система глагола в дагестанских языках. М., 1979).

Промежуточную ступень развития представляет классно-личное спряжение, имеющее несколько вариантов в различных группах иберийско-кавказских языков. Простейший из них засвидетельствован в бацбийском и табасаранском языках: префиксами представлены грамматические классы, местоименными суффиксами — лица. Бацбийский язык:

I класс	II класс	III класс	IV класс	
<i>as v-ajo-s</i>	<i>j-ajo-s</i>	<i>b-ajo-s</i>	<i>d-ajo-s</i>	'я иду'
<i>a v-ajo-</i>	<i>j-ajo-h</i>	<i>b-aj-h</i>	<i>d-ajo-h</i>	'ты идешь'
<i>o v-ajo</i>	<i>j-ajo</i>	<i>b-ajo</i>	<i>d-ajo</i>	'он идет'

Один из своеобразных вариантов классно-личного спряжения представлен в абхазском языке. Грамматический класс и лицо представлены слитно, одним и тем же формантом: например, *w//u* является показателем первого грамматического класса во втором лице, в третьем лице показателем того же класса является *j//i* (в ряде *d*) и т. д. Система личных (resp. классных) показателей абхазского глагола в основном совпадает с системой личных местоимений, где также различаются классы. Схема классно-личных префиксов:

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
I класс	<i>s(a)-</i>	<i>w(a)-</i>	<i>j(a)-</i>
II класс	<i>s(a)-</i>	<i>b(a)-</i>	<i>i(a)-</i> <i>d(a)-</i>
III класс	<i>s(a)-</i>		<i>na-//a-</i> <i>j(a)-</i>

Ср. местоимения: *sa-ra* 'я', *wa-ra* 'ты (мужчина)', *ba-ra* 'ты (женщина)', *ja-ra* 'они (все остальное)'.²⁸

Глагольные формы адыгских и убыхского языков не различают грамматических классов. Основу грамматического строя этих языков образуют личное спряжение глагола и склонение имен. Изучение грамматических и личных префиксов показало, как об этом свидетельствует кавказоведческая литература, что наиболее древним принципом аффиксации в этих языках является употребление префиксов (т. е. показателей грамматических классов). При классном спряжении глагол «монопersonален», в глаголе представлен класс одного имени. В непереходном глаголе аффиксом грамматического класса представлен реальный субъект, в переходном — реальный объект. Этот принцип последовательно приведен во всех группах иберийско-кавказских языков. С появлением личного спряжения существенно меняется структура глагола.²⁸ Особенно это касается переходных глаголов. Лишь с воз-

²⁸ Показатели лица выступают в виде суффиксов. В тех из кавказских языков, где показатели лица представлены в виде префиксов, они получены, как полагают, путем реинтерпретации классных экспонентов (адыгские языки, картвельские языки, которым не чужда, однако, и суффиксация личных показателей). См. об этом: Чикобава А. С. Основные типы спряжения глаголов и их исторические взаимоотношения. М., 1960.

никновением категории лица субъект находит свое выражение в формах переходных глаголов. Тем самым моноперсональный глагол становится полиперсональным.

Из этого рассмотрения функционирования и структуры грамматических классов в кавказских языках видно, что «типы согласования в классе и масштабы их использования варьируют от языка к языку»²⁹ даже в пределах одной генетической группировки, что вызвано недостаточно четким семантическим основанием этой категории, немотивированностью³⁰ целого ряда моментов самого факта подразделения или объединения разных частей речи на классы и подклассы.³¹ Отнесение существительных к тому или иному роду или классу остается сплошь и рядом немотивированным,³² однако, несмотря на это, лингвистический материал иберийско-кавказских языков с достаточной очевидностью свидетельствует о том, что «морфологическая категория класса является необходимой предпосылкой для образования форм синтаксической связи, известной под названием согласования в роде или классе».³³ Согласование в классе³⁴ выражает синтаксическую связь согласующего слова с согласуемым, характер которой зависит от грамматической природы согласуемых слов, но роль частей речи, указывает С. Д. Кацнельсон, в процессе согласования неодинакова. Так, например, «существительные играют в нем активную, „согласующую“ роль, а остальные части речи — роль пассивную, „согласуемую“». «Согласование глагола с существительным выражает различные типы отношений между предикатом и его субъектно-объектными „дополнителями“», что особенно наглядно проявляется при использовании и рассмотрении представленного здесь лингвистического материала.

Для определения специфики выражения субъектно-объектных отношений решающее значение имеет то обстоятельство, что в этих языках синтаксической доминантой — или, как нередко принято говорить в кавказоведении, «основной координатой»³⁵ — всех структурных моделей предложения, функционирующих в картвельских, абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках, является финитное глагольное сказуемое. Оно здесь не только управляет связанными с ним именными членами, что, в частности,

²⁹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, с. 24.

³⁰ См.: там же, с. 22.

³¹ См.: там же, с. 23.

³² Термин «класс» в названной работе является объединяющим для понятий «род» и «класс».

³³ Там же, с. 23.

³⁴ См. там же: «Различие согласующих и согласуемых слов сказывается на распределении классов, которое в существительных осуществляется по иному принципу, чем в других частях речи».

³⁵ Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. (Основные вопросы ее истории и описательного анализа). — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 19, 20.

может определенным образом отражаться в их падежном оформлении, но и фактически организует самую конструкцию предложения. Таким образом, с точки зрения ранговой квалификации членов предложения глагольное сказуемое оказывается здесь рангом первой величины среди остальных его компонентов. Ср. груз. *Deda saxlši midi-s* 'Мать домой идет' при *Deda-m pur-i gatoaxo* 'Мать хлеб испекла', где в первой фразе оформление подлежащего *deda* 'мать' абсолютным (именительным) падежом обусловлено наличием в составе предложения интранзитивного глагола, а во второй фразе постановка его в форме эргативного падежа *deda-m* 'мать' и прямого дополнения в форме абсолютного (именительного) продиктованы функционированием в ней в качестве сказуемого транзитивного глагола. Иначе говоря, в кавказских языках уже само лексическое качество глагола-сказуемого, или его семантика, предопределяет структурную модель организуемого им предложения. Вместе с тем в области глагольной лексики следует отметить, что наряду с профилирующим принципом ее организации во всех группах кавказских языков в той или иной степени представлено и распределение глаголов на динамические и статические. Первые из них обозначают активное действие и охватывают как семантически переходные, так и семантически непереходные глаголы — ср. *шить, резать, вставать, садиться, ложиться, бежать, рычать, работать* и др. Вторые обозначают состояние и охватывают по существу лишь семантически непереходные глаголы — ср. *стоять, сидеть, лежать, висеть, иметь, быть одетым, быть убитым, быть привязанным* и др. (в качестве основы статического глагола может быть использована и именная основа, например абхаз. *аову* 'человек' — *ды-уовыуи* 'он человек-есть'; *ачкәун* 'мальчик' — *ов-чкәуноуи* 'он мальчик есть'; *абзиа* 'хороший' — *ды-бзиоуи* 'он хорош'; *ақәи* 'красный' — *икақишун* 'он (что-то) красен');³⁶ груз. *ацвиа* 'он одет', *абиа* 'он привязан', *мқвдариа* 'он мертв' и т. д. Динамические и статические глаголы различаются и в структурном плане — степенью полноты парадигмы спряжения (статические глаголы не имеют формы аориста), специальной аффиксацией (иногда характеризующей динамические глаголы) и некоторыми другими признаками. Определенное падежное оформление именных компонентов предложения оказывается здесь в прямой зависимости от характера глагольного сказуемого во всех синтаксических конструкциях.³⁷

И. И. Мещанинов при рассмотрении иберийско-кавказского материала неоднократно указывал, что наличие того или иного

³⁶ См.: Услар П. К. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с. 17; Ломта-лидзе К. В. Статические и динамические глаголы в абхазском. — ИКЯ, №1. 1954, с. 257; Шанидзе А. Г. Грамматика грузинского языка. Тбилиси, 1953; Климов Г. А. К общей теории эргативности. М., 1973, с. 48—49.

³⁷ См.: Структурные общности кавказских языков. М., 1978, с. 7—15.

члена предложения связано с переходной или непереходной семантикой глагола и с содержанием всего высказывания.³⁸ В связи с рассмотрением вопроса о категории субъекта и объекта особо следует обратить внимание на выдвинутое им положение, согласно которому «общим для всех языков с эргативным строем предложения является противопоставление переходного действия непереходному, выражаемое разными грамматическими формами субъекта»³⁹ (в виду имеется его отражение как падежными аффиксами имен, так и личными аффиксами глагола). Это положение, по словам Г. А. Климова, свидетельствует о том, что по сравнению со многими исследователями (например, Ч. Филлмором, Н. С. Трубецким и др., характеризующим сущность эргативной конструкции исключительно по падежам субъекта и объекта) он подошел к пониманию эргативной конструкции как некоторой глубинной синтаксической структуры.⁴⁰ Таким образом, от глагола зависит, глаголом определяется падеж субъекта в той же мере, что и падеж объекта. Но, как указывает А. С. Чикобава,⁴¹ этим не исчерпывается синтаксическая связь слов, компонентов предложения, например эргативной конструкции. Глагол в свою очередь зависит от имен: переходный глагол изменяется по лицам как субъекта, так и ближайшего (прямого) объекта:⁴² *mo-kl-a* 'убил он его', *mo-kal-i* 'убил ты его', *mo-v-kal-i* 'убил я его'. Таковы изменения по лицам субъекта в сочетании с объектом 3-го л., который оставался неизменным; но, изменяясь по лицам, объект получает наряду с *mo-kl-a* 'убил он его' также *mo-g-kl-a* 'убил он тебя', *mo-m-kl-a* 'убил он меня', субъект здесь в 3-м л.

Переходный глагол может изменяться и по лицам субъекта. В условиях двухличного, субъектно-объектного спряжения переходный глагол грузинского языка зависит от лица не только субъекта, но в равной мере и от лица ближайшего объекта. Зависимость компонентов синтаксических конструкций проявляется в двух направлениях: от переходного глагола к именам (глагол управляет падежами имен), с одной стороны, и от имен к переходному глаголу — с другой (лица имен — субъекта и объекта —

³⁸ См.: Мещанинов И. И. 1) Члены предложения и части речи. Л., 1978; 2) Эргативная конструкция в языках различных типов.

³⁹ Там же, с. 89.

⁴⁰ См.: Климов Г. А. К общей теории эргативности. с. 48.

⁴¹ См.: Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, с. 19—20.

⁴² Понятие «реального субъекта» не вызывает различных толкований. Нельзя сказать то же о понятии реального объекта. Их может быть больше одного: брат послал сына к соседу (груз. *zta-m švil-i mezobel-s ga-u-gzaona*; сына, к соседу — два различных объекта: из них переходность связана лишь с первым — послал сына). По мнению А. С. Чикобава, более точным является обозначение такого «объекта» термином «ближайший объект», как то отмечено у Фр. Мюллера в труде «Grundriss der Sprachwissenschaft» (Wien, 1885, 111), см. об этом: Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, с. 18.

обозначаются в спряжении глагола). Зависимость двойной направленности вместо однолинейной — такова синтаксическая основа координирующей системы переходного глагола в грузинском языке. С точки зрения координации в кавказских языках имеется неодинаковое положение, тесно связанное с различным уровнем развитости глагольного или именного словоизменения, что и предопределяет существование различных вариантов выражения субъектно-объектных отношений в этих языках. Так, например, в картвельских языках на достаточно высоком уровне функционирует и именное и глагольное словоизменение, однако глагол в грамматической структуре грузинского языка играет несравненно большую роль, чем имя (здесь грузинский и другие картвельские языки обнаруживают близкое структурное сходство с абхазско-адыгской группой языков). В глаголе (без превербов) могут быть выражены лицо, число, версия, понудительность (каузатив), залог, время, модальность (наклонение).

Основные группировки глагола, в которых приходится проследживать перечисленные категории, — статические и динамические, с одной стороны, глаголы переходные и ~~не~~переходные — с другой.⁴³ Статические глаголы, как уже было отмечено выше, обозначают состояние, динамические же — процессы. Статические глаголы: *d-ga-s* 'стоит' — *a-dga-s // udga-s* 'стоит над чем-либо', 'стоит у него' (релятивные формы); *i-s* 'сидит' — *a-s-is // usis* 'сидит над', 'сидит у него'; *cev-s* 'лежит' — *u-cev-s* 'лежит у него'; *dum-s* 'молчит' — *u-dums* 'молчит у него (сердце)'; *ar-s* 'существует'; *pikrob-s* 'думает'; *šrialeb-s* 'шумит'; *akv-s* 'имеется у него что-то'; *qavs* 'имеется у него кто-то'; *h-šia* 'голоден' (букв. «голодно ему»); *šçquri-a* 'жаждет' (букв. 'пить хочется ему'); *qvišav-s* 'бодрствует'; *s-zinav-s* 'спит'; *abi-a* 'привязано к чему-нибудь' // *u-bia* 'привязано принадлежащее ему'; *h-kidi-a* 'висит' // *u-kidi-a* (релят. форма) 'висит у него'; *marxi-a* 'похоронен' — *a-marxia // u-marxia* 'похоронен над' // 'похоронен у него'; *tesi-a* 'посеяно' — *atesia // u-tesia-a* 'посеяно'; *çeri-a* 'написано' — *açeria* 'написано на чем-либо', *a-çeri-a* 'написано у него' (релят. формы).

Статических глаголов относительно мало. Более частотный характер имеет употребление динамических глаголов: *d-geb-a* 'встает', 'становится' (релят. форма: *a-dgeb-a* 'становится над ним', *u-dgeb-a* 'становится у него'); *g-deba* 'садится', 'обходится' —

⁴³ Историческая морфология грузинского языка свидетельствует, что «глагольное» идет от «именного»: имя лежит в основе глагола, но глагольные категории оформились раньше именных. В становлении «глагольного» статические глаголы образуют древнейшую формацию: статические глаголы ближе всего к именам. Архаичность статических глаголов дает о себе знать и поныне, поэтому выделение статических и динамических глаголов становится необходимым в плане описательного анализа. См. об этом: Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1961, ч. II, с. 68; Дондуа К. Д. Настоящее обычности в активной конструкции, с. 184—195.

agdeba 'садится на что-либо', *uḡdeba* 'садится у него', 'обходится у него'; *ṣveb-a* 'ложится' — *a-ṣveb-a* 'ложится на что-либо', *u-ṣveb-a* 'ложится у него'; *ṣuxdeb-a* 'беспокоиться', 'становиться беспокойным' — *u-ṣuxdeb-a* 'становится беспокойным у него (сердце)'; *eḟineba* 'засыпает', 'клонит его ко сну' // *iḟineb-s*; *iteseba* 'засевается' // *eteseba* 'засевается ему, для него'. Отсюда: *tesav-s* — 'сеет он то', *itesav-s* 'сеет для себя', *u-tesav-s* 'сеет для него', *atesvin-eb-s* 'дает возможность, помогает сеять'; *icezeb-a* 'пишется' // *e-ṣereb-a* 'пишется у него'. Ср.: *ṣers* 'пишет он то', *i-ṣer-s* 'пишет он то себе, для себя'; *u-ṣer-s* 'пишет он то ему', 'помогает он ему' // 'заставляет он его писать то'; *iḡereb-a* 'шьется' — *e-ḡereb-a* 'шьется ему то', *ḡerav-s* 'шьет он то', *iḡerav-s* 'шьет он то себе, для себя', *uḡerav-s* 'шьет он для него, ему', *arervin-eb-s* 'он помогает ему шить то'.

Все статические глаголы непереходные. Динамические глаголы могут быть как непереходными, так и переходными; так, например: *dgeba* 'встает', *ṣveb-a* 'ложится', *ṣvedeb-a* 'умирает', *izrdeb-a* 'растет', *iteseba* 'засевается', *ḡendeb-a* 'строится' — динамические непереходные глаголы; глаголы же *dḡam-s* 'ставит', *aṣen-s* 'заставляет лечь', *zrdi-s* 'растит, воспитывает', *xaṭav-s* // *uxaṭav-s* 'рисует', *ṣer-s* 'пишет', *ḡerav-s* 'шьет' — динамические переходные.

Глагол, спрягающийся лишь по лицам субъекта, не может быть переходным. Но и наличие лиц объекта еще не решает вопроса о переходности. Признаками переходности в новогрузинском литературном служит наличие в прошедшем основном времени (аористе) объекта в им. п., субъекта в эрг. п., окончания *-es* в 3 л. мн. ч. Ср.: *Mxaṭvar-ma* (эрг. п.) *surat-i* (им. п.) *deda-m* 'Мать сына воспитала', *ḡvil-i ḡusard-o mxaṭvreb-ma* 'Художники нарисовали картины'. Наиболее существенным признаком переходности по А. Шанидзе считается наличие объекта в именительном падеже. Непереходные глаголы или совсем не имеют объекта, или же объект ставится в дательном падеже; субъект — в именительном падеже: *ḡvil-igaizard-a* 'Сын вырос'; *Mamas tamaci svili ḡaezard-a* 'У отца (груз. дат. п.) храбрый сын (им. п.) вырос'. Из сказанного выше следует, что в грузинском и в других картвельских языках семантическое деление глаголов на переходные и непереходные теснейшим образом связано и с их квалификацией с семантической точки зрения на статические и динамические.

Категория лица в грузинском языке определяет личный тип спряжения (в отличие от классного и классно-личного спряжения в дагестанских и нахских языках). В картвельских языках глагол может обозначать лицо субъекта (одноличные глаголы или глаголы субъектного строя). Глагол может обозначать лица и субъекта и объекта — это двухличные (полиперсональные) глаголы, или глаголы субъектно-объектного спряжения. Одноличные глаголы спрягаются по лицам субъекта в обоих числах, и, таким образом, число парадигм достигает шести.

1-е л.	<i>me vdgeb-i</i>	<i>šven vdgebit</i>	'я встаю — мы встаем'
2-е л.	<i>šen dgeb-i</i>	<i>tkven dgebit</i>	'ты встаешь — вы встаете'
3-е л.	<i>is dgeb-a</i>	<i>isini dgebian</i>	'он встает — они встают'

В отличие от одноличных глаголов (субъектного спряжения) двухличные глаголы изменяются по лицам (и числам) как субъекта, так и объекта. В субъектно-объектном спряжении 3-е лицо субъекта сочетается со всеми тремя лицами объекта *s*, *a*, *o*; 2-е лицо субъекта — с двумя лицами: с 3-м и 1-м лицом объекта ($S_2-O_3-O_1$); 1-е лицо — также с двумя лицами — с 3-м и 2-м ($S_1-O_3-O_2$). Сочетание комбинаций этих форм дает следующую схему:

Непереходный глагол *exmareb-a* 'помогает он ему'

<i>is-mas-exmareb-a</i>	'он ему помогает'
<i>is šen ge-xmareb-a</i>	'он тебе помогает'
<i>is me mermareb-a</i>	'он мне помогает'
<i>šen mas exmareb-i</i>	'ты ему помогаешь'
<i>šen me mexmareb-i</i>	'ты мне помогаешь'
<i>me mas vexamareb-i</i>	'я ему помогаю'
<i>me šen ge-xmareb-i</i>	'я тебе помогаю'

Переходный глагол *zrdi-s* 'воспитывает'

<i>is mas zrdi-s</i>	'он его воспитывает'
<i>is šen gzredi-s</i>	'он тебя воспитывает'
<i>šen mas zrdi</i>	'ты его воспитываешь'
<i>me mas vzrd-i</i>	'ты меня воспитываешь'
<i>me šen gzrd-i</i>	'я его воспитываю'
<i>me šen gzrd-i</i>	'я тебя воспитываю'

Вместо трех форм субъектного спряжения (одноличных глаголов) в двухличных глаголах 'помогает', 'помогаешь', 'помогаю' 'воспитывает', 'воспитываешь', 'воспитываю' в ед. ч. получаем шесть форм субъектно-объектного спряжения, всего получаем 28 возможных комбинаций субъекта и объекта в трех лицах ед. и мн. ч. Из них некоторые совпадают: *g-zrdi-t* может без контекста обозначать 'воспитывает он вас', или 'воспитываем мы вас', или 'воспитываю я вас' (S_3O_{2P1} , $S_{1P1}O_2$) (S_1O_2P1), что в некоторых случаях вызвано фонетическими изменениями (*g-zrdi-s-t g-zrd-i-t*) или наращением суффикса мн. ч. *-t*. Ср. др.-груз. *g-zrd-i me tkuen* (н.-груз. *g-zrdi-t*) 'воспитываю я вас' — в древнегрузинском языке в форме глагола множественное число второго объектного лица в дательном падеже не находит своего отражения. Внешне отличных органических форм остается 18. Особо стоит вопрос о выражении в глаголе субъектно-объектных лиц при наличии двух объектов. Например, *bavš-ma* (эрг. п.) *deda-s* (дат. п.) *Pur-i* (им. п.) *s-txov-a* 'ребенок у матери хлеб попросил' — в спряжении глагола отображается лишь лицо одного объекта, поэтому глаголы с двумя объектами образуют столько же личных форм, сколько при наличии одного объекта; при этом в глаголе обозначается

лицо объекта, стоящего в дательном падеже и дающего изменения по лицам: *s-txov-a deda-s* 'попросил у матери', *g-txov-a šen* 'попросил у тебя', *m-txov-a* 'попросил у меня'.⁴⁴

Субъектно-объектное спряжение может быть прямого или инверсивного строя. В первом случае реальный субъект обозначен в глаголе субъектными формантами (ряда *v-*), реальный объект — объектными формантами (ряда *m-*). Но строй глагола будет инверсивным, если реальный субъект передается объектными аффиксами, а реальный объект, напротив, субъектными формантами. Пример прямого строя:

<i>me v-zrd-i</i>	'я воспитываю'
<i>me v-xatav</i>	'я рисую'
<i>me v-akeb</i>	'я хвалю'
<i>me m-zrdi-s</i>	'меня воспитывает он'
<i>me m-xatav-s</i>	'меня рисует он'
<i>me m-akeb-s</i>	'меня хвалит он'

Но формы этих же глаголов инверсивны по своему строю в третьей серии времен:

<i>me m-i-zrdi-a</i>	'мною воспитывался'
<i>me m-i-xati-a</i>	'мною рисовано'
<i>me m-i-kiā</i>	'мною хвалим был'
<i>me v-u-zrdivar</i>	'меня, оказывается, воспитывал'
<i>me v-u-xativar</i>	'меня, оказывается, рисовал'
<i>me v-u-kiwar</i>	'меня, оказывается, хвалил'

Префиксом *m-* обозначается реальный субъект, а префиксом *v-*, наоборот, реальный объект. Транзитивные глаголы в прошедшем основном и в настоящем — прямого строя, а в прошедшем результативном становятся инверсивными.

Непереходные динамические глаголы сохраняют прямой строй во всех временах. Но, с другой стороны, непереходные двухвалентные статические глаголы типа *m-zul-s* 'ненавижу', *m-akv-s* 'имею то', *m-sur-s* 'желаю' и т. д. — инверсивны: префикс *m-* указывает на реальный субъект, а суффикс *-s* — на реальный объект, хотя посредством суффиксов лица объекта в прямом строе не обозначаются; форманты объектных лиц — всегда префиксы. Дело в том, что инверсивный строй данных глаголов стабильный.

<i>m-akv-s</i>	'имеется что-то у меня'
<i>m-qav-s</i>	'имеется кто-то у меня'
<i>m-zul-s</i>	'ненавижу' (букв. «ненавистно мне что-то, кто-то»)

⁴⁴ Третье лицо объекта в спряжении древнегрузинского языка выражалось определенным префиксом (*x-*, *h-*, *s-*), если объект стоял в дательном падеже (во всех временах), объект же в именительном падеже обозначался нулевым показателем: *x-txov-a mas* 'попросил у него', но *moql-a igi* 'убил его' (Шанидзе А. Грамматика грузинского языка. Тбилиси, 1955, с. 53—57). 1—2-е л. объекта обозначались и обозначаются префиксами *m-* и *g-* независимо от падежей (им. и дат.).

<i>m-iqvar-s</i>	‘люблю’ (букв. «любо мне»)
<i>m-sur-s</i>	‘желаю’
<i>m-ind-a</i>	‘хочу’ (букв. «хочется мне»).

По происхождению означенные глаголы прямого строя: *m-zul-s* ‘ненавижу’ воспринимается как «ненавистно мне то», соответственно префиксом *m-* обозначалось 1-е л. объекта *me* ‘мне’, суффиксом *-s* — 3-е л. субъекта *igi* ‘то’. Современное значение глагола — результат переосмысления (носителем ненависти — субъектом — считается 1-е л. *me* ‘мне’), но морфология глагола сохранила старое понимание (согласно которому *me* ‘мне’ рассматривалось как объект).

Инверсивный строй непереходных глаголов может быть и лабильным: *šexvda mas igi* ‘встретилось ему то’ и ‘встретился он с ним’ (букв. «ему») — смысловой акцент может перемещаться с дательного на именительный. Перемещение это дает себя знать во множественном числе. Здесь глагол согласуется в ряде случаев с дательным падежом: *šexvdat mat is* ‘повстречалось им то’ — акцент на дательном падеже — строй инверсивный; *šexvdnen mas isini* ‘повстречались они с ним’ (букв. «ему») — глагол согласуется с именительным, акцентируется роль именительного падежа — строй прямой. Случаи с лабильным строем непереходных глаголов немногочисленны, но они показательны с точки зрения процесса возможного переосмысления глаголов и в дальнейшем — перестройки понимания морфологии глагольного строя и синтаксических взаимоотношений. Строй — прямой, инверсивный — может иметься лишь в субъектно-объектном спряжении.

Вопрос о категории субъекта и объекта теснейшим образом связан с вопросом о категории залога в грузинском языке, где системно различаются действительные и страдательные залого. Все транзитивные глаголы — действительного залога: *zrdi-s* ‘растит’, *ašeneb-s* ‘строит’, *xatav-s* ‘рисует’ и т. д. От них образуются глаголы страдательного залога: *i-zrdeb-a* ‘растет’, *i-xateb-a* ‘рисует’, *šendeбza* ‘строится’ и др. Со своей стороны категория залога ярче проявляется в тесном соприкосновении с категорией версии: субъектно-объектное спряжение в картвельских языках строится в основном на различении трех видов морфологической категории версии⁴⁵ — субъектной, объектной и нейтральной. Субъектная версия указывает, что объект принадлежит субъекту (или же предназначен для субъекта). Объектная версия обозначает, что объект принадлежит другому объекту (или же предназначен для него). Глагол нейтральной версии не выражает отношения принадлежности: это нулевая форма, и выделяется она в самостоятельную версию в сопоставлении с субъектной и объектной версиями. Примеры: *tama saxb-s a-šeneb-s* ‘отец дом строит’; можно сказать *ašeneb-s saxb-s tavis-tvis* ‘строит дом для себя’;

⁴⁵ См.: Шанидзе А. Г. Грамматика грузинского языка, с. 257—265.

ašeneb-s žmistvis 'строит для брата'. Глагол *ašeneb-s* 'строит' свободно сочетается с такими обстоятельственными словами, поскольку в самом глаголе нет никакого указания на принадлежность объекта. Но в форме *išeneb-s* и *mezobel-i saxb-s išeneb-s* 'сосед строит дом для себя' при помощи форманта *i-* в глаголе обозначено, что дом строится для соседа (для субъекта действия). Таким же образом в глагольной форме *tama saxb-s ušeneb-s švil-s* 'отец дом строит для сына' *u-* префикс показывает, что дом строится для объекта (второго, в дательном падеже). Сравн. *m-i-šeneb-s* 'строит он для меня', *g-i-šeneb-s* 'строит он для тебя'.

Как уже было отмечено выше, в грузинском языке страдательный залог образуется от переходных глаголов, глаголов действительного залога. Вплетение перечисленных морфологических категорий в глагольную форму дает следующую картину функционирования субъектно-объектных показателей:

Транзитивный глагол

Действительный залог

1. Нейтральная версия — *xatav-s is mas* 'рисует он его'
2. Субъектная версия — *i-xatav-s is mas* 'рисует он то себе'
3. Объектная версия — *u-xatav-s is mas mas* 'рисует он то ему'
4. Каузативная (нейтральная) версия — *axatvineb-s is mas mas* 'заставляет он его рисовать то // помогает он его рисовать то'.

Страдательный залог

1. Нейтральная версия — *i-xateba is* 'рисуется он'
2. Объектная версия — *e-xateba is mas* 'рисуется то ему'

По отношению к действительному (активному) залогу форму страдательного (пассивного) залога, по А. Г. Шанидзе, следует считать конверсивной формой.⁴⁶ Конверсия в сущности касается субъекта и прямого объекта. Механизм изменения валентности глагола охватывает и морфологический и синтаксический уровень транзитивного глагола. Как указывает А. Г. Шанидзе,⁴⁷ отношения между пассивом и активом таковы, что первый является «перевернутой» конструкцией другого. Ввиду того что при конверсии субъектное лицо редуцируется из пассивной конструкции, трехместный глагол, например, становится двухместным, двухместный — одноместным. Ср. образование пассивных конструкций от трехличных транзитивов действительного залога:

1. *Viš-ma gogo-s koqa- ga-u-tex-a*
'Мальчик у девочки (девочке) кувшин разбил'
2. *Gogo-s koqa ga-u-tqd-a*
'У девочки (девочке) кувшин разбился (мальчиком)'
1. *Mama-m mezobel-s saxb-i a-u-šen-a*
'Отец (эрг. подл.) соседу (косв. доп. дат. пад.) дом (пр. доп. им. пад.) построил'
2. *Mezobel-s saxl-i a-u-šend-a*
'Соседу дом построен (отцом), с помощью отца'

⁴⁶ См. там же, с. 282—287.

⁴⁷ См. там же, с. 289.

Схематически эту конверсию можно условно изобразить следующим образом:

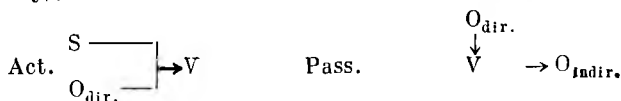
1. Подл. эрг. н. *Mama-m* 'отец' $\xrightarrow{\quad}$
2. Доп. косв. дат. н. *mezobel-s* 'соседу' $\xrightarrow{\quad}$
3. Доп. пр. им. пад. *saxl-i* 'дом' $\xrightarrow{\quad}$

1. Косв. доп. дат. н. *mezobel-s a-u-send-a* 'построено'
2. Пр. доп. им. н. *saxl-i mamis miez* 'отцом'

Реальный субъект теряется, из самостоятельного предикандума превращается в простое дополнение с послелогом *miez* или принимает форму творительного, орудийного падежа: *mamit* 'отцом'.

Act.: *dard-ma deda-s gub-i ga-u-xetk-a* 'горе у матери сердце надорвало'. Pass.: *deda-s dardisagan gul-i geušk-d-a* 'у матери от горя сердце надорвалось'. Act.: *mezobelma da zmas caħk-id-a* 'сосед брата с сестрой поссорил'. Pass.: *zma das caħk-ida* 'брат с сестрой поссорились'. Act.: *mxařvar-i amxanag-s surat-s uxav-s* 'художник товарищу картину рисует'. Pass.: *amxanag-s surat-i daexař-a mxař-uris mier* 'товарищу картина нарисована художником'.

Pass. от двухместных транзитивов: *mxařvar-i surat-s xařav-s* 'художник картину рисует'; *surabi izateba mxařuris mier* 'картина рисуется художником'.

От двухместного транзитива при коинверсии, как уже было отмечено выше, получаем двухместные пассивы. Ср.: *cer-s // u-cer-s* 'пишет // пишет он ему-то', *ai-cer-eba // e-cer-eb-a* 'пишется // пишется ему'.

Весьма сложные комбинации сочетания субъектно-объектных лиц в форме предиката при образовании пассивов от транзитивов действительного залога при наличии вместе с другими морфологическими категориями и категории версии. Страдательный залог нейтральной версии образуется при помощи префикса *i* (*zrdis* → *izrdeba* 'растит' → 'растет'), *u//d* (*a-šeneb-s* → *šendebeba* 'строит' → 'строится'); от переходных глаголов объектной версии (а также от каузатива) при помощи префикса *e-*, замещающего префикс *u-* переходного глагола (*u-zrdis* 'воспитывает ему' — *e-zrdeba* 'воспитывается ему, для него'). Ср. при сохранении префикса *d-*: *u-šen-d-eb-a* 'строится у него'. В грузинском языке с принципом образования страдательного залога связано наличие различных форм функционирования субъектно-объектных показателей, что в специальной литературе объясняется существованием различных содержательных нюансов пассива. Так, например, в картвельских языках имеются глагольные формы, которые с точки зрения залога можно рассматривать как пассивные при наличии

активного содержания. Например, в грузинском языке от трехличного глагола *azlev-s* 'дает' при конверсии получаем *ezleva* 'дается ему', но кроме этой формы имеем *i-zleva* — внешне пассивное образование, однако близкое знакомство с семантикой этого глагола с его синтаксическими конструкциями убеждает нас в том, что глагол этот имеет переходное значение и, несмотря на «пассивную» форму, является двухличным транзитивом. Ср.: *amxanag-i sitqva-s izleva* 'товарищ слово дает'; *a-mxanag-ma sitqva da-d-o*; *amxanag-s sitqva u-zlevia*. Этот глагол не стоит особняком в грузинском языке.⁴⁸ Он употребляется только в настоящем времени и, как указывает А. Г. Шанидзе, характеризуется тенденцией обойтись без реляции, в частности без косвенного объекта: *i-b-γvir-eb-a* 'смотрит насупившись, косо', *i-gin-eb-a* 'ручается', *i-kbin-eb-a* 'кусается', *i-lanzγ-eb-a* 'ругается (обычно)', *i-loc-eb-a* 'молится (обычно)', *i-boγn-eb-a* 'жует (с трудом)', *i-mukr-eb-a* 'грозится', *i-rcmun-eb-a* 'убеждает', *i-scavl-eb-a* 'учит (обычно)', *i-γan-eb-a* 'сопровождается (обычно)', *i-tqu-eb-a* 'обманывает', *i-nic-eb-a* 'клянется', *i-çqevl-eb-a* 'проклятия сыплет', *i-γrineb-a* 'рычит', *i-qlur-eb-a* 'смотрит бессмысленно', *i-qur-eb-a* 'смотрит', *i-cet-eb-a* 'бьет (обычно)', *i-ckireb-a* 'выглядывает', *i-coxn-eba* 'жует', *i-çer-eb-a* 'часто пишет', *i-çqevleb-a* 'проклинает', *i-çqileb-a* 'выглядывает', *i-xed-eb-a* 'смотрит, выглядывает', *i-xvec-eb-a* 'просит', *i-smi-s* 'слышно', *e-çev-a* 'тянет (лямку, ношу и т. д.)', *e-kitx-eb-a* 'спрашивает', *e-pasux-eb-a* 'отвечает', *e-ubn-eb-a* 'говорит', *itqvi-s // e-tqvi-s* 'скажет // скажет ему', *e-zar-eb-a* 'ленится'.

Одной из предикативных морфологических категорий, с которой в грузинском и других картвельских языках связано увеличение удельного веса функциональной нагрузки и количества субъектно-объектных показателей, является категория понудительности, или каузатив. Эта категория обозначает, что действие совершается при посредстве лица, которое обязывают выполнить действие (или которому помогают или же дают возможность выполнения действия): *is çerib-s çer-s* 'он письмо пишет' — *is çeril-s açer-in-eb-s amxanag-s* 'он заставляет товарища писать письмо'; префикс *a-* и суффикс *-in* (← *en*) — основные форманты каузатива. Механизм изменения валентности глагола в каузативной конструкции тесно связан с семантикой глагольной основы. Характерно, например, что встречающиеся рефлексивные каузативы образованы большей частью от глаголов «неприятного» действия: *e-lanzγvineba* 'он позволяет ему ругать', *eçerineba* 'он дает себя арестовать', 'она дает ему себя похитить', *etacineba* 'он дает ему убить себя', *e-trevineba* 'он дает ему тащить себя', *eçqevlineba* 'он дает ему проклинать себя' и т. п. В связи с этим следует от-

⁴⁸ См.: *Tschenkeli K.* Einführung in die georgische Sprache. Zürich, 1958. Bd 1, S. 325; *Гецадзе И. О., Холодович А. А., Недялков В. П.* Морфологический каузатив в грузинском языке. — В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.

метить, что грузинский язык (глагол) располагает не менее чем четырьмя способами обозначения рефлексивности, характеризующимися большей частью расхождением семантической и синтаксической валентности.⁴⁹ Каузатив в грузинском языке имеет два основных каузативных значения.

Дистантно-каузативное — каузируемое состояние передается самостоятельным глаголом: *cer-s* 'пишет' → *a-cer-in-eb-s* 'заставляет (разрешает, помогает) писать'; *mušaob-s* 'работает' → *a-mušav-eb-s* 'заставляет (позволяет, помогает) работать'. Дистантно-каузативное присуще прежде всего каузативам от транзитивов. Не случайно именно эти образования А. Г. Шанидзе называет настоящими каузативами, усматривая здесь наличие категории опосредованного контакта («инициатор» — «посредник» — «объект») в противоположность трехличным транзитивам типа «давать» и двухличным глаголам, обозначающим непосредственный контакт.⁵⁰ Кроме того, дистантно-каузативное значение присуще каузативам от тех средних нетранзитивов, которые обозначают самостоятельные действия, такие, например, как *msaxur-ob-s* 'служит', *ḡivi-s* 'кричит', *ceḡv-av-s* 'танцует', *saubrob-s* 'беседует', *puspus-eb-s* 'суетится' и т. д.

Дистантно-каузативные значения в грузинском языке подразделяются на пермиссивное, фактивное и ассистивное (помощь).⁵¹ Актуализация того или иного из этих значений зависит от целого ряда условий: общего контекста, значения исходного глагола, наличия отрицания, соотношения субъектно-объектных лиц, обозначающих подлежащее и каузативное дополнение, употребления каузативной структуры в императиве и т. д. Ср., например: *Mezobelo, oḡond ḡi es saḡmeli tomanelebine* 'Соседка, помоги мне переварить эту пищу'; *Me šen ar gamušav-eb* 'Я тебя заставляю работать' // 'Я тебе не позволю работать'; *Siḡaribe-m tama-s ḡign-eb-i gaḡqidv-in-a* 'Бедность заставила отца продать книги'; *Tu me tomismen, mašin me ḡaknevineb šen ucxo da ḡarg sascaulso* 'Если ты меня послушаешь, то я помогу тебе совершить необыкновенное и хорошее чудо'; *šen me tamušave* 'дай мне работу // работать', отрицание: *Šen me nu tamušaveb* 'Ты меня не заставляй работать'; *Me šen dagaḡcer-in-eb* 'Я тебе помогу написать письмо // Я тебя заставляю написать письмо', с отрицательной частицей: *me šen cerib-sardagaḡcer-in-eb* 'Я тебе не позволю писать письмо' // 'Я тебе не помогу написать письмо' // 'Я тебя не заставляю написать письмо'; *Ar ḡaḡocnineb-s* 'Он заставляет нас целовать его' // 'Он позволяет нам целовать его', с отрицанием: 'Он не позволяет (мешает) запрещает нам целовать его'.

⁴⁹ См.: Гецадзе И. О., Холодович А. А., Недялков В. П. Морфологический каузатив в грузинском языке, с. 146—147.

⁵⁰ См.: Шанидзе А. Г. Категория акта и контакта на примере грузинского языка. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1950, № 4.

⁵¹ См.: Гецадзе И. О., Холодович А. А., Недялков В. П. Морфологический каузатив в грузинском, с. 148—149.

Второе каузативное значение (так называемое контактно-каузативное) передается без морфологического показателя, но при обязательном увеличении глагольной валентности: *i-cinis* 'смеется он' → *a-cin-eb-s* 'смешит'; *d-uγs* 'кипит он' → *a-duγ-eb-s* 'кипятит он то'; *triab-eb-s* 'вращается' → *a-triab-eb-s* 'вращает'; *xar-ob-s* 'радуется' → *a-xar-eb-s* 'радует' и т. п.

Ср. от интранзитивных глаголов:

mal-av-s 'прячет он то' → *a-mal-v-in-eb-s* 'заставляет он его прятать то'

\downarrow S \downarrow O_{InDir} \downarrow O_{dir}

Таким образом, субъектно-объектный тип, или поливалентный тип (в отличие от моновалентного типа спряжения, например, индоевропейских языков) спряжения, в грузинском и в других иберийско-кавказских языках обуславливает и сложное синтаксическое взаимоотношение между глагольными и именными компонентами предложения. Материал этих языков дает ясное представление о механизме действия в языке субъектно-объектных категорий. Зависимость двойной направленности вместо однолинейной — такова синтаксическая основа предикативных конструкций в иберийско-кавказских языках.⁵² Такая направленность в картвелогической литературе названа координацией. Специфика синтаксического механизма предложений в картвельских языках с субъектно-объектным (релятивным) глаголом находит выражение в двух синтаксических явлениях кардинальной важности.

1. От глагола зависит, глаголом определяется падеж «морфологического субъекта»⁵³ в той же мере, что и падеж «морфологического объекта».

2. Личные формы глагола зависят от «морфологического объекта» в той мере, что и от «морфологического субъекта».⁵⁴ Своеобразием морфологической структуры глагола обусловлено своеобразие синтаксической структуры предложения. Словом, «морфологический субъект» и «морфологический объект» оказываются синтаксически равными величинами, одинаково зависят от гла-

⁵² «Общая линия развития внутренней структуры предложения единая в своей основе. В своих внешних проявлениях она может изменяться от языка к языку. Главное же, очевидно, заключается в том, что субъектно-предикативные формы, несмотря на все их разнообразие и многообразие, универсальны в своей коммуникативной функции. Их назначение — выразить субъектно-предикативные отношения, лежащие в основе каждого двусоставного предложения, любой из известных конструкций. Но эти вопросы специальные, непосредственно связанные с историческим синтаксисом конкретных языков (Суник О. П. К вопросу о «неноминативном» строе предложения. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 55).

⁵³ MS—MO по принципу их выражения субъектными и объектными морфемами в форме глагола.

⁵⁴ См.: Чикобава А. С. Проблема простого предложения в грузинском. Тбилиси, 1968, с. 243.

гола, в одинаковой степени определяют личные формы глагола. Синтаксическая полнота субъекта и объекта, подлежащего и «прямого» дополнения, известная из индоевропейских языков, снимается. Поэтому вместо управления как синтаксической связи здесь можно говорить о «координации» членов предложения. Термином «координация» мы называем сложную форму синтаксической взаимосвязи между глаголом и именами, когда падежи MS и MO зависят от глагола, управляются глаголом, лица же (и число в древнегрузинском) глагола зависят от *-а* и от *-а*. Отпадает вопрос об односторонней зависимости глагола-сказуемого от подлежащего: не может ставиться вопрос о подлежащем как доминирующем имени, и о «прямом» дополнении как имени, лишь зависимом от глагола, управляемом глаголом. Понятия «подлежащее», «сказуемое», «дополнение» замещаются понятием координаты, т. е. членом координации, будь то релятивный глагол или соотносящиеся имена. Предложение — построенное по принципу координации, глагол — центр координации, имена — координаты — это своеобразные синтаксические понятия, которые вошли в обиход, в теорию синтаксиса по материалам иберийско-кавказских языков.

Синтаксический механизм простого предложения мы приводим по книге А. С. Чикобава.⁵⁵

1. Одновалентный непереходный (абсолютно-непереходный) глагол (*is dga-s* 'он стоит', *is kvdeba* 'он умирает').
 - а) Предложение построено на основе управления (имеет подлежащее, сказуемое; дополнения нет);
 - б) сказуемое — глагол, которым имя управляет в лице и согласуется в числе;
 - в) главное управляющее слово — подлежащее, оно доминирующий член предложения.
2. Двухвалентный непереходный глагол (*is mas exmareb-a* 'помогает он ему').
 - а) предложение построено на основе координации, глагол и связанные с ним имена являются координатами;
 - б) сказуемое — координирующий глагол, основная координата;
 - в) большая координата — имя в им. п.: *is* 'он';
 - г) малая координата — имя в дат. п. *mas* 'ему'.
3. Транзитивный двухвалентный глагол (*is mas klav-s* 'он убивает его').
 - а) Глагол — основная координата; в наст. вр. большая координата — подлежащее в им. п. — *is* 'он', малая координата — *mas* имя в дат. п. — *mas* 'его';
 - б) в аористе — большая координата: имя в эргативе и имя в им. п. *man igi tokl-a* 'он убил его'; малой координаты здесь нет.

⁵⁵ См.: там же, с. 224, 225.

4. Трехличный переходный глагол (*igi stxov-s mas mas* 'он просит его то').

- а) основная координата — трехвалентный переходный глагол *is mas stxov-s* 'просит';
- б) в настоящем времени большая координата — имя в им. п. *igi* 'он' — подлежащее, малая координата — в дат. п., наименьшая — в дат. п. — *mas* 'его', 'ему'; в прошедшем (аористе) основная координата — глагол, большая — имя в эрг. п. и имя в им. п. *igi* 'он', наименьшая — имя в дат. п.

В соответствии с этой синтаксической характеристикой с точки зрения морфологической структуры глагола различаются три типа предложений:

- 1) с глаголом одноличным — с субъектом в именительном падеже, — т. е. номинативная конструкция;
- 2) с глаголом двухличным, двухвалентным, субъектно-объектным интранзитивным: предложение номинативного строя;
- 3) с многовалентным (двух- и трех-) транзитивным глаголом эргативной конструкции.

Но не все так гладко решается с точки зрения функционирования субъектно-объектных категорий в грузинском языке.⁵⁶ Как указывает В. З. Панфилов, «хотя подлежащее и грамматический субъект, равно как дополнение и грамматический объект, указывают всегда на одно и то же понятие, однако грамматический субъект и грамматический объект могут получить отдельно от подлежащего и дополнения выражение в форме глаголов, в том числе в тех случаях, когда подлежащее и дополнение как члены предложения отсутствуют и когда, следовательно, можно говорить лишь о соотношении субъекта и объекта действия с грамматическим субъектом и объектом».⁵⁷

«Между логическими в широком смысле этого слова категориями субъекта (носителя) действия и объекта действия, с одной стороны, и грамматическими категориями подлежащего и дополнения, с другой стороны, не существует однозначного соответствия и в зависимости от залога глагола они находятся в самых разнообразных отношениях».⁵⁸

⁵⁶ Термины «реальный субъект», «реальный объект» применительно к кавказским языкам впервые употребил Шухардт, см.: *Schuchardt H. Über den passiven Charakter des Transitivs in den kaukasischen Sprachen.* Wien, 1895, S. 2.

⁵⁷ Панфилов В. З. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, с. 66—67.

⁵⁸ Так, если в русском языке при действительном залоге глагола подлежащее выражает субъект действия, а дополнение — объект действия (*Рабочие строят дом*), то при страдательном залоге глагола мы имеем обратное соотношение: подлежащее выражает объект действия, а дополнение — субъект действия (*Дом строится* | *построен рабочими*), а при возвратно-среднем залоге глагола подлежащее обозначает такой субъект действия, который вместе с тем является и его объектом (*Мальчик умывается*). В связи с этим следует отметить, что И. И. Мещанинов подчеркивает, что «залоговое изменение глагола отражает изменение синтаксических, субъектно-объектных связей».

Именно такой морфологический статус прямого дополнения в грузинском языке в ряде работ вызывает возражение; преобладающее до последнего времени в синтаксисе языков эргативного строя представление о характере связей сказуемого и дополнения в составе главных членов предложения основано на чистом «морфологизме» в подходе к разрешению синтаксической по своему содержанию проблематики. Здесь важно подчеркнуть и то обстоятельство, что «если дополнения-объекты выполняют функцию объекта, указывая на лицо, на которое переходит действие глагола, и имеют при этом свой специфический дополнительный морфологический признак в структуре глагола, то эту синтаксическую функцию с таким же успехом выполняет и простое дополнение, не имеющее своего специфического морфологического форманта в глаголе».⁵⁹

Эргативная конструкция предложения в ее противопоставлении абсолютной (номинативной) отчетливо характеризует абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки. Здесь глаголы, лексикализованные как переходные и непереходные (транзитивные и интранзитивные), автоматически задают эргативное или абсолютное построение. Ср. лакск. *Танал чагъар чивчунни* 'Он письмо написал'; *Гъарал ларчIунни* 'Дождь пошел'; авар. *Эмен рокъове вуссана* 'Отец домой вернулся'; *Инсуна хур бекъана* 'Отец поле пахал' и т. д. Особенно наглядны с этой точки зрения данные нахских языков, для которых характерно наличие множества конструкций простого предложения, но они в конечном счете группируются вокруг переходных и непереходных глаголов и их лексическое содержание и обуславливает разграничение абсолютной и эргативной конструкций предложения. Ср.: *Со* (абс.) *ввана* 'Я приехал'; *Аса* (эрг.) *хи молу* 'Я воду пью' и др.

В абхазско-адыгских языках структура предложений зависит от сказуемого, которое в миниатюре воспроизводит все основные синтаксические конструкции предложения. Здесь глагольное сказуемое, которое в парадигматическом плане четко различается по переходности и непереходности, по динамичности и статичности, выступает в качестве основного, стержневого компонента, которому принадлежит ведущая роль в организации предложения. Факты этих языков квалифицированы акад. И. И. Мещаниновым как особо важные и показательные для характеристики синтаксической силы глагола, выступающего, по его словам, в главном члене так называемой предикативной группы (в сказуемом) и имеющего в своем составе формальные показатели не только подлежащего, но также прямого (а в определенных случаях и косвенного) дополнения.⁶⁰ Своеобразная синтаксическая система

⁵⁹ Мгеладзе Д. А. Проблема синтаксических отношений в группе предиката. АКД. М., 1972, с. 12.

⁶⁰ См.: Мещанинов И. И. Основные виды синтаксических группировок. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1959, т. XVIII, вып. 6, с. 490—499.

абхазско-адыгских языков, следовательно, может быть объяснена лишь с позиций структурной модели их полисинтетично-агглютинативного комплекса, но далеко не однозначно, так как даже при наличии реально существующего структурного единства глагола в этой группе близкородственных языков типологический анализ в синхронном плане вскрывает существенные расхождения с точки зрения функционирования и синтаксической потенции словоизменяемых элементов в отдельных языках этой группы. В этом отношении особенно характерны различия, наблюдаемые здесь в способах передачи синтаксических конструкций переходного глагола. В абхазско-адыгских языках, как и в нахско-дагестанских, противопоставление эргативной и абсолютной («именительной») конструкций определяется лексическим значением глагольной основы и морфологической структурой глагола, которым выражено сказуемое. Абсолютная конструкция в абхазско-адыгских языках является конструкцией непереходного глагола (ср. адыг. *кIалэ-р кьэкIуагъ* 'юноша пришел'), а эргативная конструкция — конструкцией переходного глагола во всех временах, при этом подлежащее, по норме этой конструкции, стоит в эргативном падеже, прямое дополнение — в абсолютном («именительном») падеже: *цIалэ-м тхылъы-р етх* 'парень письмо пишет'. В убыхском языке так же, как и в адыгских, основными признаками эргативной конструкции являются сказуемое, выраженное переходным глаголом, подлежащее, стоящее в эргативном, и прямое дополнение — в абсолютном («именительном») падежах: *Адэган сэрха аwqa* 'Адыг мою дочь взял (в жены)' и т. д.

Таким образом, в убыхском и адыгских языках перечисленные выше конструкции простого предложения с переходными и непереходными глаголами отражены как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях, «отступление» от этого правила имеется в строе предложения абхазского языка, особенно отчетливо — на примере эргативной конструкции, одной из своеобразных структурно-типологических черт абхазско-адыгских языков: залоговая недифференцированность абхазско-адыгской глагольной основы является основным источником ее наличия в указанных языках; однако если в убыхском и адыгских языках, исходя из структуры простого предложения, содержащего в своем составе переходное сказуемое и оформленные падежными аффиксами именные компоненты, проблему эргативной конструкции можно рассматривать в двух аспектах — морфологическом и синтаксическом, то в абхазско-абазинской подгруппе передача конструкции переходного глагола, эквивалентной эргативной, носит своеобразный характер в условиях наличия в абхазском и абазинском языках ряда особенностей, существенными из которых являются отсутствие системы склонения, с одной стороны, и полиперсонализм переходного глагола — с другой, синтаксические взаимоотношения, связанные с эргативным падежом, сосре-

доточены в форме переходного глагола⁶¹ и, следовательно, эргативная («эргативообразная») конструкция и здесь выдержана довольно рельефно. В абхазско-абазинской подгруппе на личные и классные морфемы, выступающие также и в роли основных грамматических средств определения переходности и непереходности, возлагается передача не только эргативной конструкции (при переходных глаголах), но и всех остальных синтаксических конструкций простого предложения — абсолютной «номинативной» (при переходных глаголах: *д-цойт* 'он (чел.)-идет'), дативной / инверсивной (*и-с-тахун* 'то-мне-хочется'). Синтаксическая конструкция переходного глагола в абхазском языке, соответствующая эргативной конструкции предложения близкородственных языков, выражается путем размещения и строгого соблюдения определенной последовательности префиксов (личных и классных показателей) в переходном глаголе. Ср. *и-лы-с-тхит* 'то-ей (женщ.)-я-отдаю', где *и-* показатель прямого дополнения, *-лы* — косвенного дополнения, *-с-* — подлежащего. Однако при иной комбинации этих же префиксов коренным образом меняется и их синтаксическое назначение:⁶² *с-иа-л-тхит* 'меня-ей (категория вещи)-она (женщ.) отдает', где *-с-* — показатель прямого дополнения (1-го л.), *и(а)* — косвенного дополнения (грамматической категории класса вещей или подкласса мужчин), а *л* — показатель подлежащего.⁶³ При этом подлежащее и дополнения (как прямое, так и косвенное) как члены приложения остаются аморфными и фактически выступают как приложения к соответствующим местоименным элементам, содержащимся в глагольной форме.⁶⁴ Своеобразие передачи синтаксических конструкций в абхазско-абазинской подгруппе оказывается тесно связанным с фиксированным порядком членов предложения и обратным порядком их морфологических показателей в форме сказуемого (см. об этом подробно ниже). Следует здесь же отметить, что в уبخском и адыгских языках аранжировка личных префиксов в глаголе в принципе совпадает

⁶¹ Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. — Изв. ИЯИМК, 1942, т. XII.

⁶² Эту специфику абхазского языка И. И. Мещанинов подчеркивал особо, так как она наиболее ясно подтверждала его мнение о том, что «выделение одного лишь активного падежа, как бы оно ни было характерно для данной конструкции, все же недостаточно для ее наименования эргативной. Эргативная конструкция к тому же характеризуется не столько наличием особого эргативного падежа, сколько самой системой падежных противопоставлений» (Мещанинов И. И. Основные виды синтаксических группировок, с. 496—497).

⁶³ См.: Ломтатидзе К. В. Категория переходности в абхазском глаголе. — Изв. ИЯИМК, 1942, т. XII; Гецадзе И. О. К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1917.

⁶⁴ Аналогичное явление для определенных типов предложений в грузинском языке отмечено в работе: Соммерфельт А. О понятии подлежащего в грузинском языке. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 185.

с существующей в абхазском языке закономерностью их последовательности (в зависимости от переходности и непереходности глагольных форм), но порядок следования членов предложения является не всегда релевантным, что, по всей вероятности, следует считать тесно связанным с переходом классно-личного спряжения в личное спряжение в адыгских языках и со снятием принципа⁶⁵ детализации морфем абхазского типа в 3-м л., являющейся источником образования основных синтаксических конструкций простого предложения в абхазско-адыгских языках в целом.

Как явствует из приведенных выше данных нахско-дагестанских и абхазско-адыгских языков, для подавляющего большинства кавказских языков характерен смешанный тип этой конструкции, т. е. тип, где отношения эргативности передаются в словоформе как сказуемого, так и связанных с ним именных членов предложения. В картвельских языках подобное противопоставление обычно ограничено построениями с аористными временными формами глагола.

Если опять-таки сделать определенную оговорку относительно картвельских языков,⁶⁶ то общекавказской синтаксической изоглоссой можно считать также аффертивную⁶⁷ конструкцию предложения, в которой основная синтаксическая координата, представленная в данной конструкции глаголом так называемого чувственного восприятия (*verba sentiendi*), требует постановки подлежащего в дат. п., а дополнения⁶⁸ — в им. п. Ср.: груз. *Vavsv-s deda h-u-qvar-s* 'Ребенок мать любит'; авар. *Инсу-е жиндирго лъишер бокъула* 'Отец (*инсу-е* дат. п., ср. *инсу-ца* — эрг. п.) любит своего ребенка'; лакск. *Ттун та ккавккунни* 'Я его увидела' (букв. «он мне повидался»); цахур. *Деккис ыкканна зы* 'Отец любит меня' (ср. эрг.: *Декке балкан олившуна* 'Отец купил лошадь'); ингуш. *Сона форд байнаб* 'Я видел море'; хиналуг. *Мухтару х у мухъудумаъ* 'Мухтар его знает'; адыг. *Мъузым къо и* 'Женщина (эргативно // общекосвенный пад.) имеет сына' и т. д. В абхазско-абазинской подгруппе языков в силу отсутствия системы склонения передача инверсивной конструкции предло-

⁶⁵ См.: Гецадзе И. О. О морфологической ошоре синтаксических расхождений в абхазско-адыгских языках. Тез. докл. IV регионального совещания по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Пальчик, 1971; Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, с. 323—327.

⁶⁶ См. об этом подробно: Климов Г. А., Хайдаков С. М., Шагиров А. К. Лексические общности. — В кн.: Структурные общности кавказских языков. М., 1978, с. 14.

⁶⁷ Определение семантической специфики класса аффертивных глаголов, использованных в качестве сказуемых соответствующих синтаксических конструкций, см.: Климов Г. А. К общей теории эргативности, с. 71—72.

⁶⁸ Это дополнение ввиду перемещения и изменения синтаксического статуса «субъектно-объектных» лиц уже нельзя рассматривать как прямое («ближайшее»), что не всегда учитывается в специальной кавказоведческой литературе.

жения, как и остальных синтаксических конструкций, возложена на личные и классные показатели. Ср.: *Ды-с-гуапхойт* 'он (чел.) -мне нравится'; *И-сы-моуп* 'То (кат. в.) я имею'; *И-е-цэымгуп то* (каб. в.) 'Я ненавижу' и т. д. Однако следует заметить, что если в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках аффективная конструкция обуславливается называвшимся выше классом аффективных глаголов (ср., например, авар. *инсу-да вас вихьана* 'отец сына видел' при *вихьизе* 'видеть'), то в картвельских языках в связи с исчезновением этого класса глагольных лексем возможна констатация лишь пережиточного употребления данной конструкции, в той мере, в какой она сохраняет свою специфику (ср. особый порядок членов предложения, определенное место подлежащего).

Вместе с тем факт постепенной деградации аффективной конструкции предложения во всех группах кавказских языков едва ли может быть поставлен под сомнение (более устойчиво ее положение в построениях с глагольными словоформами презенсной серии времен). Ср., например, обусловленность этой модели единственным аффективным глаголом *дигес* 'хотеть', 'любить' в литературном даргинском языке, при этом в конструкции, в которой указанный глагол выступает в качестве сказуемого, синтаксические взаимоотношения членов предложения не отличаются от взаимоотношения членов эргативной конструкции предложения: *Наб жуз дигула* 'Я хочу книгу'; *Наб неги дигахъис* 'Я люблю мать'.⁶⁹ Факт ограниченного употребления аффективной конструкции отмечен и в аварском языке, где, по словам А. А. Бокарева, употребление аффективной конструкции имеет место лишь при двух глаголах: *б-окъизе* 'любить' и *б-акъине* 'нравиться'.⁷⁰ Здесь же можно указать, что в конструкциях с глаголом-сказуемым типа *verba sentiendi* в одном из дагестанских языков, ахсвахском, подлежащее по форме совпадает с подлежащим эргативной конструкции. Ср.: *Динде баи* 'Я знаю'; *Динде анл ира* 'Я услышал'.⁷¹ Тенденция к ее сокращению и редукции хорошо прослеживается именно на материале кавказских языков. Так, например, в нахских языках при одних и тех же глагольных лексемах имеет место параллельное употребление аффективной и эргативной

⁶⁹ В связи с этой особенностью дативной конструкции заслуживает внимания тот факт, что глагол-сказуемое с подлежащим, выраженным дательным падежом (так же, как и эргативным), имеет лично-суффиксальную координацию, а с объектом, выраженным именительным падежом, — классно-префиксальную. См.: *Абдуллаев З. Г.* Даргинский язык. — В кн.: АН СССР, IV, ИКЯ, с. 520—524; см.: *Хайдаков С. М.* Арчинский язык. — Там же, с. 623.

⁷⁰ При этом, как указывает А. А. Бокарев, по порядку согласования сказуемого и по форме объекта предложения этого типа ничем не отличаются от предложения эргативного построения (ср.: *инсуе жилдирго лъимер бокъула* 'отец любит своего ребенка' и *инсуца хур бекъана* 'отец поле пахал') (см.: *Бокарев А. А.* Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949, с. 13, 34—35).

⁷¹ См.: *Магомедбекова.* Ахсвахский язык. Тбилиси, 1967, с. 135.

конструкций предложения (ср. бацб, *Мит у-ин хъо гу // Мит / о-с хъо гу* 'Мито тебя видит'), что обозначает факт контаминации аффективных глаголов с транзитивными.⁷² Аналогичное явление засвидетельствовано в удинском и некоторых других кавказских языках, но особенно наглядно этот процесс может быть рассмотрен на материале абхазско-адыгских языков, в которых наблюдается все усиливающаяся тенденция сближения аффективных (инверсивных) глаголов с транзитивными; говоря с точки зрения синтаксической квалификации этого явления, в этих языках наблюдается тенденция замещения инверсивной конструкции (аффективной) предложения эргативной. Ср. употребление в качестве падежа подлежащего инверсивной конструкции эргативного (общекосвенного) падежа в адыгских языках: *студентым тхылъыр е/ец* 'студент имеет книгу' и т. д. В абхазском языке словоформа, соответствующая синтаксической модели аффективного глагола, даже с точки зрения аранжировки субъектно-объектных показателей обычно уже идентична со словоформой транзитивного и различие в структуре обоих сохраняется в настоящее время лишь в формах их повелительного наклонения (ср. транзитивную форму *и-л-гойт* 'то-она-несет' при аффективной *и-с-дуапхонт* 'то-я-люблю', 'то-мне-нравится' с первой префиксальной позицией, занятой в обоих случаях показателем субъекта), хотя и в синтаксической структуре с указанной группой глаголов сохраняется норма интранзитивного глагола-сказуемого. Ср.: *Ач кун* и аб. *д-и-шьтейт* 'Мальчик за отцом погнался'; *Сара аша д-сы-мазаш* 'У меня брата нет' (букв. «Мне брата не имеется»).⁷³ Следует также отметить, что указанная выше тенденция «сближения» аффективных конструкций с эргативными затрагивает их синтаксическую структуру значительно глубже, что заключается в своеобразной аналогии в отражении дополнения и его морфологического показателя в аффективной конструкции предложения в абхазском языке. Замечено, что в абхазской транзитивной словоформе показатель прямого дополнения может отсутствовать, если оно непосредственно предшествует сказуемому.⁷⁴ *Цэгъа-зы-м-бац, бзиара Ѳ-и-здыршам* (посл.) 'Не видевший плохое — хорошее не узнает'; ср. *Ацъгуа о-з-мамыз ажэ, ацъгуа о-з-маз амц и-а-ку-на-цон* (посл.) 'Бесхвостая корова отгоняла мух от коровы с хвостом' (букв. «Хвост не имеющая корова хвост имеющей корове (от нее) мух отгоняла») и т. д.

Прямое дополнение во всех кавказских языках, как и в других

⁷² См.: *Дешериев*. Особенности эргативной конструкции в нахских языках. Вопросы грамматики (сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова), М.; Л. 1960, с. 56—57; *Климов Г. А.* К общей теории эргативности, с. 149.

⁷³ Подробно см.: *Гецадзе И. О.* Инверсивные глаголы (*verba sentiendi*) в абхазском языке. — В кн.: *Лингвистические исследования*. Л., 1970, с. 329 и сл.

⁷⁴ См. об этом подробно: *Гецадзе И. О.* Очерки по синтаксису абхазского языка. Л., 1979, с. 22—38.

представителях эргативного строя, обнаруживает особенно тесную связь со сказуемым, включаясь в его группу. Ср., в частности, характерную для него приглагольную позицию, преобладающую постановку в виде так называемой «частой основы» и т. п. (например, авар. *инсуна хур бекъана* 'отец поле пахал'). В абхазско-адыгских и картвельских языках встречаются факты пережиточной инкорпоративной связи обоих. Сюда можно отнести бесспорные древнегрузинские архаизмы, как *ача кас-к а* 'не убий человека', *ман а ад-го* 'он завопил' (букв. «он вопль сделал»), *qma-go* 'заговорил' (букв. «голос-сделал»); *pativ-ec tamasa aensa* 'уважай отца своего' (букв. «уважение дай отцу своему») и т. д.⁷⁵ Именная часть в транзитивных глаголах этого типа является прямым дополнением при глаголе-сказуемом в составе эргативной конструкции предложения: *man natel-gces* 'он (эрг. пад.) освятит вас' (букв. «свет-отдаст») и т. п. Интересна в этой связи структура деепричастных конструкций в абхазском языке, ср. *ла-мба ла-чха-ун*⁷⁶ 'не видящий глаз терпелив' (букв. «глаз-не-видя»), где прямое дополнение также представлено чистой основой. Явление инкорпорации такого типа характерно и для удинского языка. Ср. *аш-не-беса* 'дело делает, работает'.⁷⁷ Не менее интересны и следующие факты абхазско-адыгских языков. Так, в убыхском и абхазском языках имя ряда номинатива (субъект-объект), если оно непосредственно предшествует глаголу, не отражается в нем соответствующим показателем: оно как бы само входит в состав глагола, например убых. *аџ-кан*, абх. *аџ-соџт* 'лошадь идет', убых. *аџ-з-б жан*, абх. *аџ-з-боџт* 'лошадь-я-вижу'⁷⁸ и т. д.

В других языках, в частности в некоторых нахско-дагестанских, такое тесное единство прямого дополнения и сказуемого обуславливает особый тип глагольного словообразования, который приводит к становлению класса так называемых «исторически переходных глаголов».⁷⁹

Довольно далеко идущий параллелизм обнаруживают кавказские языки в порядке расположения членов предложения. Действующее здесь наиболее общее правило расстановки слов, по-видимому, сводится к антипозиции зависимых слов по отношению к их управляющим. При этом особенно тесная антипозиция указывает на максимальную зависимость предшествующего члена предложения от последующего. В соответствии с этим максимально дистантные линейные отношения обычно характеризуют его главные

⁷⁵ См.: Ошдзе Е. А. Глаголы типа *a ad-go* в древнегрузинском языке. — ИКЯ, XII (1960), с. 267—273.

⁷⁶ Ломтатидзе К. В. Бессубъективные формы абхазского переходного глагола. — ИКЯ, II (1948), с. 1—17.

⁷⁷ Джейранишвили Е. Ф. Удинский язык. Тбилиси, 1971, с. 126—127.

⁷⁸ См.: Ломтатидзе. Отражение в глаголах члена предложения ряда номинатива в абхазско-адыгских языках. — В кн.: Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Тез. докл. Нальчик, 1971, с. 7.

⁷⁹ См.: Климов Г. А. К общей теории эргативности, с. 86—87.

члены: по господствующей норме подлежащее тяготеет к начальной позиции во фразе, а сказуемое — к конечной. Прямое дополнение занимает непосредственную препозицию по отношению к глагольному сказуемому.

Косвенные дополнения располагаются перед прямым. Разновидности определений (адъективные, генитивные и др.) обычно предшествуют своим определяемым. Ср., например, груз. *šawi tma* 'черные волосы', *z wis si rme* 'глубина моря', *sami da* 'три сестры', авар. *xerab чу* 'старая лошадь', *л'ымалазул рагъ* 'драка ребят', *к'лиго гьалмагъ* 'два товарища', абхаз. *sara sy-nanly* 'моя рука', *ани афны* 'тот дом', *биж саат* 'семь часов'.⁸⁰ Наиболее существенные отклонения от этого правила встречаются в абхазско-адыгских языках (ср. постпозицию относительных прилагательных). В то же время природа соответствующих отступлений, известных из древнегрузинского, остается не вполне ясной: возможно, они опосредованы словопорядком языка переводной литературы. Обстоятельства также обычно находятся в антипозиции по отношению к слову, к которому они относятся.

Без учета места определений и обстоятельств преобладающий словопорядок в предложении может быть передан схематически для всех кавказских языков следующим образом:

$$\begin{array}{l} S - (O^n) - V \\ S - (O^n) - O' - V^{\text{intrans}} - V^{\text{trans}} \\ S - (O^n) - V^{\text{affect}} \\ S - (O^n) - V^{\text{posses}} \end{array}$$

Ср., например, абхаз. *Sara soeyza u-šuk u sa xьout* 'Я читаю книгу (моего) товарища', груз. *Rostom-ma tavisi saxeli gaigona* 'Ростом свое имя услышал', лакск. *Tanal арнал ниц бивк'унни* 'Его сын быка убил'.

Однако так называемая «вторичная топикализация» (обозначение выбора темы сообщением изменением линейных отношений членов предложения) во всех кавказских языках вполне возможна. Например, лакское предложение эргативной конструкции в зависимости от коммуникативного задания допускает тройное построение (при сохранении приглагольной позиции прямого дополнения):

Оьрч'ал ччан г'авг'унни 'Мальчик ногу сломал'
Ччан г'авг'унни оьрч'ал 'Ногу сломал мальчик'
Г'авг'унни ччан оьрч'ал 'Сломал ногу мальчик'

Еще более характерную картину с этой точки зрения можно указать в даргинском языке:

⁸⁰ Ср.: Циколия М. М. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); Почхуа Б. А. К вопросу о порядке слов в грузинском языке. — ИКЯ, XIII (1962), с. 109—124.

Нуни мура дердира
 Дердира нуни мура
 Мура дердира нуни
 Мура нуни дердира
 Нуни дердира мура
 Дердира мура нуни

'Я сево скошил'
 'Скосил я сево'
 'Сево скошил я'
 'Сево я скошил'
 'Я скошил сево'
 'Скосил сево я'

В отдельных случаях порядок слов выполняет синтаксическую функцию, обуславливая собой определенное содержание предложения с определенными синтаксическими взаимоотношениями между его членами. Так, если в причастных конструкциях реальный объект (в им. п.) ставится перед причастием, то причастие имеет значение действительного залога, а если реальный объект (в им. п.) ставится после причастия, то причастие имеет значение страдательного залога. Например, в индийском языке: *хур бетлуб има* 'поле пахущий отец'; *бетлуб хур* 'вспаханное поле'.

В тех случаях, когда употребляются два определения (согласованное и несогласованное) при одном определяемом, изменение порядка слов приводит к иному содержанию. Например: дарг. *рурсила жагаси хлева*; лакск. *душнил ххуйсса хьухъа* 'красивое платье девушки' (букв. «девушки красивое платье»); *жагаси рурсила хлева* 'платье красивой девушки'; *ххуйсса душнил хьухъа* (букв. «красивой девушки платье»).

Аналогичные факты можно проследить и в других кавказских языках. Так, например, в нахских языках в ряде словосочетаний от локализации составных компонентов зависит а) значение действительного или страдательного причастия: бацб. *йоохъ йеций // йециин к̄нат* 'парень, любящий девушку' (букв. «девушку любящий парень») (*йоохъ* 'девушка' и *к̄нат* 'парень' стоят в им. пад.), но *к̄натан йеци // йециин йоохъ* 'парнем (букв. «парню» — дат. пад.) любимая девушка', или *йеций йоохъ* 'любимая девушка'; б) какое слово выступает в функции определения и определяемого: *йоохъ йеци к̄нат* 'девушку любящий парень' и т. д. Принцип расположения членов предложения по-разному может варьировать не только в повествовательных, но и в других типах простого предложения, в частности особенно заметно в вопросительных предложениях. Так, например, в бакибийском языке в тех случаях, когда вопрос выражен вопросительной частицей (или наречием, местоимением), на первом месте ставится вопросительное слово, вслед за ним — подлежащее или сказуемое: *Маца венах лоум?* 'Когда ты пришел // приехал в горы?'; *Ме вуйтИтха ск̄лолаи?* 'Кто идет сегодня в школу?'. Такой порядок слов в вопросительном предложении часто нарушается в зависимости от тех или иных стилистических оттенков: *Хьѐ к̄нат миче ва?* 'Твой сын где находится?'. В данном предложении *хьѐ к̄нат* 'твой сын' в центре высказывания и соответственно занимает первое место. Когда же вопрос выражается морфологически, то обычно соблюдается порядок слов, характерный для повествовательного предложения: *Му бадри ск̄лолаи ихуй?* 'Ходят ли ваши дети в школу?'. В тех

случаях, когда вопрос морфологически выражен в форме отрицательной частицы, сказуемое может стоять на первом месте: *Цуи лехьѳуши кха каниз?* 'Не собираете ли вы завтра винограда?'. Если вопрос выражается интонационно, то в конце предложения может стоять обстоятельство, которому предшествует сказуемое: *Ахь духа хан хь вутIахь Шираик?* 'Ты надолго едешь в Шираки?'.
Синтаксическое назначение порядка слов особенно рельефно выделяется в абхазско-адыгских языках, особенно в абхазско-абазинской подгруппе, где своеобразие передачи синтаксических конструкций оказывается тесно связанным именно с фиксированным порядком членов предложения и обратным порядком их морфологических показателей в форме интранзитивного глагола.

В предложениях с двухличным переходным глаголом первое позиционное место занимает подлежащее, второе — прямое дополнение: *Сара а5зѳаб ды-з-гоит* 'Я (сара, подл.) девушку (а5зѳаб — пр. доп.) заберу'. В трехличном глаголе за подлежащим следует косвенное дополнение, а в глаголе его показатель следует непосредственно за показателем прямого объекта: *При апхызыба ажѳа хаакуа и-ле-и-хѳит* 'Он (этот) девушке слова приятные говорил'. В предложениях с двухличным непереходным глаголом порядок постановки субъект—объект совпадает с порядком расположения их показателей в глагольной форме. Ср.: *Сара бара сы-б-запшыи* 'я тебя (женщ.), ожидал' и т. д.⁸¹

Порядок членов предложения в абхазском языке также может меняться в зависимости от дополнительных функций, называемых речевой ситуацией и контекстом; порядок же префиксов остается в принципе стабильным.

В связи с рассмотрением порядка слов как общекавказской изоглоссы следует также отметить, что в атрибутивной синтагме определение обычно находится в препозиции к определяемому независимо от того, к какой части речи оно относится (в абхазско-адыгских языках и в древнегрузинском налицо и значительная категория постпозитивных определений), что, видимо, следует квалифицировать в качестве стилевой инверсии. Ср.: адыг. *пIэлтѳэ кIэкI* 'краткий срок', *мы тхылъыр* 'та книга' и т. п.; груз. *моkле vada* 'краткий срок', *мы тхылъыр* 'та книга' и т. п., *es sign-i* 'эта книга'; баб. *се йашо* 'моя сестра', *хова йоI* 'красивая девушка', *тIкѳа кIолхоз* 'двадцать колхозов', *ттул нину* 'моя мать'; чамалин. *веч ат у гѳек ва* 'черный человек' и т. п.

Из множества вариантов структурных типов словосочетаний общекавказскими следует считать наиболее распространенные типы словосочетаний.

Атрибутивные: *axali saxli* 'новый дом' (груз.); *чырбыц ун* 'кирпичный дом', *чѳуцIы пѳIый* 'железная руда' (адыг.); *хоза*

⁸¹ См.: Услар П. К. Абхазский язык, с. 55; Ломтатидзе К. В. Категория переходности в абхазском глаголе, с. 1—39. Гецадзе И. О. Очерки по синтаксису абхазского языка, с. 30; Циколия М. М. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1974.

йоI 'красивая девушка' (бацб.); *игылоу ажеэ* 'стоящая корона' (абхаз.) и др. В словосочетаниях этого типа, как уже было отмечено выше, определение занимает препозицию. Продиктивные: бацб. *дас оах* 'отец пашет', лакск. *буттал чивчунни* 'отец написал', груз. *bavši gaizarda* 'ребенок вырос', абхаз. *ахучы дцоит* 'ребенок идет'; объектные: бацб. *йиш локх* 'пою песню', табас. *ляхин апIуб* 'работать', *сагъ хьуб* 'выздороветь', *загъмет зигуб* 'трудиться'; лезг. *жаваб гун* 'отвечать', *арза авун* 'жаловаться', *сул гун* 'спрашивать'; лакск. *даву дан* 'работать'; *къаччан хьун* 'ненавидеть', *сагъ хьун* 'выздороветь'; авар. *къит гьабизе* 'беседовать'; *хьурмат гьабизе* 'оказать почести, уважать'; дарг. *къуллукъ бирес* 'работать'; *жаваб бедес* 'ответить'.

В связи с рассмотрением вопроса о субъектно-объектном отношении следует коротко указать, что из способов синтаксической связи слов в предложении по всем языкам широко представлено управление и примыкание, в то время как согласование встречается редко (оно более известно в картвельских языках). На базе примыкания нередко имеет место групповая флексия, при которой морфологическим изменениям подвергается лишь последующий член. Ср., например, абхаз. *а-чты хъваква* 'серые лошади', где *-ква* формант мн. ч. (*чты* 'лошадь', *хъва* 'серый'), адыг. *быракъ плъыжъ-хэ-р* 'красные знамена' (букв. «флаги красивые»), где *-хэ* — формант множественного числа и *-р* — формант именительного падежа (*быракъ* 'знамя', *плъыкъ* 'красный'). Определение, выраженное количественным числительным, примыкает к своему определяемому, сохраняющему форму единственного числа: ср. груз. *sami da* 'три сестры', *ati tve* 'десять месяцев', *ortosi kaci* 'сорок человек', адыг. *цIыф тIокI* 'двадцать человек', и т. п.

Кроме того, управление как способ синтаксической связи бывает односторонним и взаимным. Одностороннее управление характерно для словосочетаний, где определение управляется со стороны определяемого (ср. груз. *xis saxli* 'деревянный дом'; *kvis guli* 'каменное сердце'). Взаимное управление или координация осуществляется между сказуемым, подлежащим и прямым дополнением. Ср. груз. *Deda švil-s zrđi-s* 'Мать воспитывает сына'; *Deda me m-zrđi-s* 'Мать меня воспитывает'; *Me v-zrđi* 'Я воспитываю'; *deda/m švil-i ga-zard-a*, и т. д.

Сложное предложение в иберийско-кавказских языках представлено преимущественно сложносочиненным типом. Развитые типы сложноподчиненных предложений ограничены картвельскими языками и отчасти нахскими. Моделям сложноподчиненных предложений в абхазско-адыгских и вахско-дагестанских языках обычно соответствуют особые обороты с использованием причастных и деепричастных форм глагола, выступающих на месте зависимого сказуемого сложноподчиненных предложений.

Сочинение в кавказских языках вообще характеризуется грамматическим равновесием обоих предложений. Каждое из них структурно закончено и может быть самостоятельным предложе-

нием. Семантически сочиненные предложения могут быть самостоятельными и законченными. Однако сочиненное предложение допускает также отсутствие семантического равновесия: сложно-сочиненные предложения могут быть союзными и бессоюзными, построенными с помощью интонационной последовательности членов предложения, что нередко исключает необходимость употребления союзов. Например: авар. *Киналго релъана, амма меседу гIодана* 'Все засмеялись, но Меседу заплакала'; но: *Сордо бачIана, бакъ мугIрузде тIврхун ана* 'Наступил вечер, солнце зашло за горы'. По типам функциональности и модальности в кавказских языках выделяются в основном следующие типы простых предложений: повествовательные, вопросительные, восклицательные и повелительные. Например: *Даг ну вацIализе вякьунра* (дарг.) 'Вчера я в лес ходил'; это же предложение в зависимости от интонации можно передать и как вопросительное, восклицательное и повествовательное.

Принятые сокращения

ВЯ — Вопросы языкознания (М., Наука).

Изв. ИЯИМК — Известия языка, истории и материальной культуры АН Груз.ССР (Тбилиси).

ИКЯ — Иберийско-кавказское языкознание.

ИЯШ — Иностранные языки в школе (М., Просвещение).

ИДВШ ФИ — Научные доклады высшей школы. Филологические науки (М., Высшая школа).

АН СССР, IV, ИКЯ — Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>М. А. Бородина, Л. М. Скредина.</i> Категории субъекта и объекта в романских языках	4
<i>С. М. Кибардина.</i> Категории субъекта и объекта и теория валентности (на материале немецкого языка).	23
<i>Е. Б. Аристова.</i> Категория субъекта и агентивные синтаксемы в современном английском языке	45
<i>И. Б. Долинина.</i> Маркировка субъектно-объектных отношений у валентностных категорий английского глагола	65
<i>Ю. А. Дюпашов.</i> О грамматических средствах выражения субъекта и объектов в албанском языке	101
<i>С. А. Шубик.</i> Иерархия членов предложения в индоевропейских языках	125
<i>В. П. Недялков.</i> Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим (тип: <i>п'энгны ы'л-ы-мле-гъи</i> 'с горы обвалился снег', букв. «гора снего-обвалилась»).	135
<i>Н. О. Гецадзе, Ф. А. Гайдарова.</i> О выражении субъектно-объектных отношений в иберийско-кавказских языках	154

**КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В ЯЗЫКАХ
РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Л. М. Романова*
Художник *А. Н. Зимин*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *Г. А. Александрова* и *Э. Н. Липпа*

ИБ № 20116

Сдано в набор 30.09.81. Подписано к печати 30.04.82.
М-29135. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ.
л. 12. Усл. печ. л. 12. Усл. кр. отт. 12.18. Уч.-изд. л. 13.29.
Тираж 2750. Изд. № 7884. Тип. зак. 754. Цена 1 р. 40 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12